

Российская академия наук
Институт психологии

Т. П. Емельянова

**КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ О СОБЫТИЯХ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ
социально-психологический подход**

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2019

УДК 159.9
ББК 88
Е 60

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

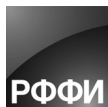
Емельянова Т. П.

Е 60 Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. — 299 с. (Психология социальных явлений)

ISBN 978-5-9270-0388-4

УДК 159.9
ББК 88

Монография посвящена актуальным вопросам социально-психологического исследования коллективной памяти: обсуждается история изучения, онтологические и гносеологические проблемы. Анализируются результаты отечественных и зарубежных работ по теме. Представлены программы и итоги эмпирических исследований коллективной памяти, проведенных автором и под руководством автора, о событиях отечественной истории и значимых фигурах прошлого. Освещаются результаты исследований коллективной памяти о советской истории и ее важнейших событиях.

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований,
проект № 18-113-00082, не подлежит продаже*

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2019

ISBN 978-5-9270-0388-4

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
--------------------	---

ГЛАВА 1

Память групп: мультидисциплинарный анализ

1.1. Традиции и подходы в современных гуманитарных науках: история, культурология, философия, социология	10
1.2. Понятие коллективной памяти в ряду близких понятий сферы социального познания	32

ГЛАВА 2

История и современный этап изучения коллективной памяти в социальной психологии

2.1. Концептуальная разработка понятия коллективной памяти.	46
2.2. Эмпирические подходы к изучению коллективной памяти в мировой науке	76

ГЛАВА 3

Коллективная память россиян об исторических личностях: логика вариативности

3.1. Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти поколений	110
3.2. Коллективная память о личности Петра I	121
3.3. Пётр I и его эпоха в коллективных воспоминаниях.	127

ГЛАВА 4
Коллективная память о значимых событиях
русской истории

4.1. Оценка значимости событий отечественной истории . . .	163
4.2. Значимые события советской истории в коллективных воспоминаниях	171
4.3. Первый полет человека в космос в памяти россиян. . . .	188

ГЛАВА 5
Великая Отечественная война – важнейшее событие
в коллективной памяти россиян

5.1. Память о войне: источники и носители коллективных воспоминаний.	214
5.2. Сравнительное исследование памяти о войне у представителей двух культур	233
5.3. Юбилей победы и память об итогах войны.	253
Заключение	278
Литература.	283

ВВЕДЕНИЕ

Феномен коллективной памяти имеет особую историю изучения. В 1920–1930-е годы во Франции, в России и в Великобритании были заложены основы подхода к этому явлению с разных методологических позиций. Впрочем, ранняя история исследования коллективной памяти не столь уж богата событиями. В Западной Европе она ограничивается работами двух авторов: Мориса Хальбвакса во Франции (Halbwachs, 1925, 1948, 1950), предложившего это понятие, и Фредерика Бартлетта (Bartlett, 1932) в Великобритании. В России Л. С. Выготский высказывал идеи о том, что воспоминания людей о своем прошлом зависят от их связей с окружением в настоящем, что язык как символическая система является социальным механизмом, управляющим памятью.

Феномен коллективной памяти более чем полвека не привлекал внимания специалистов – в течение этих лет не было проведено ни одного исследования по этой теме. Интерес к нему социальные психологи проявили в начале 1990-х годов, но можно с уверенностью сказать, что в сравнении с практикой изучения, скажем, социальных представлений, аттитюдов, межличностного восприятия, групповой динамики устойчивой традиции исследования коллективной памяти пока не сложилось. Более того, этот феномен изучается представителями разных социогуманитарных наук, в результате чего сложилось несколько дисциплинарных подходов. Особенность ситуации заключается в том, что современные исследования коллективной памяти приняли не междисциплинарный характер, предполагающий синтез и взаимообогащение достижений разных наук, а скорее мультидисциплинарный, когда разные науки – история, философия, культурология, социальная психо-

логия, социология, отчасти и политология — культивируют свою «делянку». Как следствие, понятие «коллективная память» наполняется разным научным содержанием, замещается близкими, но не синонимичными понятиями и используется для решения весьма различных теоретических и практических задач. Объединяющим является резко возросший (начиная с 1990-х годов) интерес к самой проблематике коллективной памяти, который был назван «бумом памяти».

Эффекты коллективной памяти изучаются в мультидисциплинарном контексте с различных точек зрения. Ряд авторов сосредоточивается на анализе данных эмпирических исследований, не касаясь их методологических основ; наблюдается приверженность некоторых авторов теории личной и социальной идентичности, интерпретации результатов в таких терминах, как «поиск исторических доказательств в пользу своей группы», «игнорирование невыигрышных обстоятельств», «подтасовка фактов», «поиск врага и «козла отпущения» в прошлом»; довольно распространено использование для объяснения фактов коллективного забвения психологических теорий стресса, фрустрации, агрессии, психоаналитического понятия вытеснения; наблюдается и тенденция строить объяснение возникающих коллективных воспоминаний в ходе социального взаимодействия через разговорную практику (в русле конструкционистской логики). Мультидисциплинарному анализу коллективной памяти посвящена глава 1 книги.

Российское общество, как и многие другие, не избежало собственных кризисов идентичности и культурных травм. Внимание общества к своему прошлому обычно обостряется в периоды социальных перемен, и это внимание проявляется в различных формах в зависимости от способов бытования прошлого в менталитете общества. Новейшая история России XX в., наполненная драматическими событиями — войнами, государственными переворотами, сменами общественного устройства, — породила целый ряд проблем социально-психологического характера, включая кризис идентичности, переоценку ценностей, кризис в отношениях общества и личности. В перечне этих проблем не последнее место занимает борьба интеллектуальных и политических элит за коллективную память, в связи с чем нельзя не видеть явлений, которые в современных социальных науках называют «мнемоническими войнами», «социальной ностальгией», «преодолением прошлого».

Результатом этой борьбы становятся не только противоречивые, порой враждебные друг другу «контрвоспоминания» отечественной истории, но и трудносоотносимые между собой идеалы будущего устройства общества.

Разнообразие точек зрения на изучаемый феномен является свидетельством того, что эффекты коллективной памяти зачастую представляют собой скорее процессы конструирования коллективных интерпретаций, соответствующих целям и ценностям группы, чем собственно воспоминания. По-видимому, переломные моменты истории общества провоцируют пересмотр прошлого, которое становится своего рода «конструктором» для коллективной памяти, адаптируя ее к актуальным групповым ценностям. В турбулентные периоды развития общества особенно ярко проявляются механизмы коллективного копинга, выражающиеся в форме коллективной актуализации «полезных» следов памяти о некоторых значимых событиях, или, напротив, забвения, а также искажения нежелательных эпизодов прошлого. Эти процессы коллективной памяти особенно актуальны для социально-психологического изучения; предметом в данном случае выступают закономерности и механизмы этих процессов (связь с актуальной жизнью группы, ее потребностью в защите, в позитивной социальной идентичности, в переживании коллективных эмоций).

Коллективную память принято определять как важнейший атрибут социальной группы, одну из характеристик ее ментальности, черты которой определяют потребность актуализировать какое-либо содержание исторических событий. Данная потребность обуславливает различия в воспоминаниях об одних и тех же событиях у представителей разных социальных групп, в частности, разных поколений. Разнообразие вариантов воспоминаний прошлого в различных социальных группах свидетельствует об активной природе коллективной памяти. Коллективная память является одной из форм общественного сознания наряду с исторической наукой и исторической памятью. Определяя каждое из этих понятий, можно характеризовать историческую науку как традиционную научную дисциплину, историческую память — как совокупность институционально заданных трактовок исторических событий. Они, в свою очередь, опосредуют влияние идеологии на коллективную память, которая представляет собой макropsихологический феномен. Коллективная память подвержена влиянию системы обра-

зования, общественных институтов, СМИ и других социальных факторов. Она включает в себя разделяемые людьми представления о событиях прошлого, выполняя разнообразные социально-психологические функции в сознании групп.

Испытывая влияние исторической памяти, коллективная память обладает определенной автономностью от нее (а нередко — и оппозиционностью), поскольку содержит живые воспоминания, сведения о неофициальных фактах и версиях, итоги собственных размышлений людей. Однако и историческая наука не выступает для коллективной памяти однозначным авторитетом, поскольку результаты исторических исследований не могут быть свободными от идеологических влияний, ценностей своего времени и личной позиции исследователя.

Важной методологической задачей становится поиск подходов к изучению динамических свойств коллективной памяти. Можно предположить, что именно связь коллективной памяти с эмоциями, ценностями и актуальными потребностями группы является основой для изменчивости коллективных воспоминаний, их культурно-исторической обусловленности. Они являются социально конструируемыми феноменами и обладают интерактивной природой, поскольку формируются в процессе и в связи с эмоционально окрашенным общением. Контекстуальность коллективной памяти проявляется как в зависимости ее содержания от экономико-политических и культурно-исторических условий, так и от особенностей ментальности больших групп общества. Одновременное существование множества точек зрения на одно и то же событие со стороны представителей различных групп было эмпирически доказано в исследованиях памяти об исторических деятелях и значимых событиях прошлого. Анализу подходов и направлений в изучении коллективной памяти посвящена глава 2.

На материале эмпирических исследований показано, что аффективная составляющая коллективной памяти играет важнейшую роль в процессах запечатления тех или иных событий, распространения информации, поддержания позитивной групповой идентичности и осуществления коллективного копинга. Именно коллективные эмоции и чувства обеспечивают социальное разделение опыта, его воспроизводство и устойчивость воспоминаний. Моральный аспект коллективной памяти проявляется в необходимости позитивного позиционирования собственной группы. Эмо-

Введение

ционально-нравственная составляющая коллективных воспоминаний выступает как основа групповой идентичности. В главах 3 и 4 показано, каким образом содержание коллективной памяти различных социальных групп значимо связано с социально-культурными характеристиками этих групп. Мысль об аффективной составляющей коллективной памяти подтверждается результатами эмпирических исследований памяти о Великой Отечественной войне, в частности, на примере возрастных и кросс-культурных различий в воспоминаниях о начальном периоде войны (глава 5).

Предлагаемая вниманию читателей работа была задумана как итог анализа различного типа источников — теоретических и эмпирических, базирующихся на разных дисциплинарных и методологических позициях с разных сторон раскрывающих тему коллективной памяти. Мультидисциплинарный анализ был принят для того, чтобы в итоге обозначить социально-психологический ракурс изучения коллективной памяти. Для этой цели проведено обсуждение целого ряда работ американских и европейских социальных психологов, а также изложены программы и результаты эмпирических исследований автора книги, посвященных коллективной памяти об отечественной истории.

Первое из серии этих исследований было проведено в 1994 г. в Париже и посвящено воспоминаниям о Великой Отечественной войне русских эмигрантов первой волны, живших во время войны во Франции. Организация этого исследования стала возможной благодаря поддержке Дома наук о человеке, французских коллег и лично профессоров Сержа Московиси и Нины Константиновны Рауш де Траубенберг. Автор также выражает благодарность своим коллегам по Институту психологии РАН, высказавшим ценные пожелания и замечания в процессе подготовки этой книги. Отдельная благодарность моим аспирантам и молодым коллегам за активное участие в сборе данных и анализе результатов.

ГЛАВА 1

Память групп: мультидисциплинарный анализ

1.1. Традиции и подходы в современных гуманитарных науках: история, культурология, философия, социология

Историческая наука

Существование особого коллективного способа хранения опыта осознавалось давно. В частности, у Платона можно найти упоминание о некоем хранилище знаний, непознанной социальной действительности, скрытой от человека. Идея о существовании надличностного механизма хранения социально значимой информации, являющегося необходимым условием развития общества и индивида, прослеживается в работах многих современных историков, психологов и социологов. Наличие в обществе неинституциональной системы хранения социально значимой информации отмечается в исторических исследованиях. Французский историк Марк Блок, в частности, выделил роль коллективной памяти, которая, по его мнению, определяла в значительной мере характер воззрений людей эпохи Средневековья. В формировании такого взгляда сыграл роль традиционный для историков подход к памятникам прошлых эпох, особенно письменным. Любой фрагмент текста, а тем более цельное произведение, историк рассматривает, прежде всего, как отражение коллективного человеческого опыта и знаний. В результате складывается специфический взгляд на письменные исторические источники, в особенности на различные хроники, летописи, жизнеописания. Историк часто видит в них продукт деятельности некоего коллективного субъекта и относится к ним именно с таких позиций.

Развертывание исследований социальной обусловленности познания привело к появлению в литературе целого ряда понятий, в которых фиксируется наличие в обществе сформировавшейся в процессе социального развития системы хранения, переработки и выдачи информации, обеспечивающей процесс расширенного воспроизводства материальной и духовной культуры и всего общества в целом. Кроме термина «коллективная память» в таком же или близком значении в исторической науке используется понятие «социальная память», а также термины «историческая память», «социально-историческая память», «память мира», «внешняя память», «надындивидуальная система информации», «внегенетическая система социального наследования» и другие. Помимо отмеченного общего смысла в них отмечается та или иная особенность каждой из систем хранения информации и проявляются какие-то черты применяемой их авторами методологии (Колесов, 1984, с. 40).

Э. В. Соколов, рассматривая проблему «исторической памяти», отмечает, что требуются специальные усилия для того, чтобы результаты познавательной деятельности и обмена информацией были систематизированы, включены в общую систему знаний и стали доступны для последующего использования. Подчеркивается целенаправленность формирования исторической памяти. Сама система хранения и передачи информации в обществе выступает как продукт специализированной деятельности человека (Соколов, 1972). В еще более узком смысле использует это понятие В. Б. Устьянцев, обозначая данным термином совокупность исторических источников, преимущественно письменных.

Говоря о «внешней памяти» А. А. Малиновский видит причину ее возникновения в необходимости для общества преемственности знания с сохранением информации из поколения в поколение. На первых этапах развития общества она была заключена в орудиях труда, в предметном мире. В дальнейшем начали развиваться знаковые системы, передававшие то или иное знание в виде отдельных символов, а затем и в виде прямых записей, цифр и других все более распространявшихся форм фиксации знания (Малиновский, 1977).

Если историческая наука обладает вполне определенным онтологическим и эпистемологическим статусом научной дисциплины, то понятие «историческая память» используется в различных

значениях, связанных с контекстом. Пожалуй, чаще всего оно звучит в контексте необходимости апелляции к прошлому, его урокам и нравственному содержанию. Оно выступает, как обращение к публике, исходящее от каких-либо социальных институтов, с определенных политических позиций актуализировать и осмыслить события прошлого в связи с насущными потребностями настоящего.

Ученые, работающие в области устной истории выдвинули ее как предмет изучения «народной памяти». Понятие «народной памяти» относится к общим представлениям, которые можно обнаружить в устных объяснениях, даваемых людьми событиям прошлого, традициям, обычаям и социальной практике. Дискуссии о народной памяти выходят за рамки концептуализации воспоминаний как атрибута психологии отдельных людей. По мнению Д. Мидлтона, есть два важных вопроса в устной истории — это надежность и доказуемость устных свидетельств. Такая озабоченность неустойчивостью устных мнений и свидетельств имеет важное значение для социальной перспективы памяти (Middleton, 1990).

Представителями постмодернистской историографии (Ф. Фуре, М. Фуко и др.) полностью отрицается сакральный характер многих исторических событий, что, по мнению их оппонентов, может привести к потере людьми способности к социальной памяти и собственно интереса к истории (Турбина, 1998). Однако постмодернистски настроенные историки продолжают настаивать на том, что многие исторические представления являют собой не более, чем знаки определенной политической традиции, и весьма далеки от фактического переживания прошлого. Под влиянием подобных умонастроений многие исследователи переключились на изучение «риторики истории» (там же), что, возможно, отвлекло их от идеи воссоздания исторического прошлого, но стимулировало развитие фактических исследований.

Создатель концепции коллективной памяти Морис Хальбвак подчеркивает объединяющий характер феномена коллективной памяти, но указывает также на его ненадежность и избирательность, поскольку запоминание и наделение высокой ценностью одних событий неизбежно сочетается с забыванием других. Согласно представлениям ученого, коллективная память помогает избежать неопределенности существования, диктуя конкретный ракурс рассмотрения фактов прошлого. Разнообразие точек зрения на историю, как правило, группируется вокруг двух относи-

тельно противоположных позиций (например, «прошлое жертв» или «прошлое палачей»). Факты прошлого, наделяемые особым нравственным смыслом, становятся идеалами для будущих поколений, при этом такой их статус отрицает возможность сопоставления с другими историческими событиями и пересмотра заданной точки зрения.

Такое некритическое отношение к феноменам коллективной памяти наблюдается у каждого народа при знакомстве детей с памятниками прошлого, обеспечивающими эмоциональную вовлеченность в процесс осознания прошлого. Интерес к нему может затем перерасти в стремление узнать больше и к пониманию необходимости критического отношения на основе сопоставления данных нескольких источников. Однако критика не всегда является следствием интереса к истории, поскольку коллективная память, как правило, дает завершенную и однозначную картину событий, не требующую привнесений. Основанием для переосмысления положений коллективной памяти может служить наличие в обществе нескольких конкурирующих точек зрения на историю.

Согласно представлениям Е. Г. Турбиной, особую проблему составляет компонент коллективной памяти, связанный с осмыслением недавнего прошлого. В связи с этим описан синдром «запаздывающей памяти»; суть его состоит в вытеснении или забвении крупных травмирующих событий в течение 15 лет. Поскольку память о данных событиях имеет многочисленных носителей, осмысление не сводится только к смене теоретических парадигм, но предполагает пересмотр субъективной идентичности или вступление в конфронтацию с родительским наследием (примером является процесс разрушения идентификации жителей Германии с положениями программы Гитлера после крушения нацистского режима).

В исторической науке большое внимание уделяется механизмам влияния коммеморации (или меморизации), понимаемой как целенаправленный процесс внедрения желательных трактовок событий истории, в сознание публики. Формирование нужного образа прошлого посредством создания институциональной версии памяти историки прослеживают через анализ различных способов коммеморации. Так, в исследовании Т. В. Раевой рассматривается стратегия советской пропаганды «правильной» трактовки Первой мировой войны в клубной работе с населением в 1920-х гг. Автор обсуждает жанр «агит-суда», т. е. инсценировки судебно-

го процесса над вымышленными утрированными персонажами войны (Раева, 2014). Доходчивый формат театрализованного представления имел целью наглядно продемонстрировать, где «хорошие» и где «плохие» герои. Согласно выводу автора, «таким образом, агит-суд являлся уникальной формой коммеморации Первой мировой войны. В ходе него осуществлялся процесс коммуницирования государства и общества с целью выработки образцов толкования причин, целей войны, ее жертв и последствий» (Раева, 2014, с. 13). В представленном примере влияние институционального ресурса на коллективную память приобретает гипертрофированную форму политической пропаганды. Менее наивным, но также действенным выглядит прием формирования политически заданного образа Первой мировой войны, рассмотренный в работе О. С. Нагорной и Т. В. Раевой. Материалом послужили документальные фильмы о Первой мировой войне (Нагорная, Раева, 2012). Авторы использовали сравнительный метод, сопоставив приемы пропагандистского кино дореволюционной поры и периода между мировыми войнами. В ходе войны с 1914 до 1917 гг. пропагандистский посыл срабатывал слабо, т. к. в фильмах сцены боев зачастую замещались стрельбой из орудий, видами поля битвы, образцовых окопов, перемещениями разных родов войск, конвоированием пленных, демонстрацией трофеев (Нагорная, Раева, 2012, с. 46). Между тем, реальные проблемы и трудности фронта и тыла, не отражались в документальном кино, что вызывало недоверие публики, и патриотическая агитация, таким образом, не срабатывала.

В 20–30-е годы документальное кино о войне обрело совершенно иной эмоциональный заряд: «демонизация Первой мировой войны становилась для большевиков важным источником духовной мобилизации» (там же, с. 47). Используя кадры разоренных хозяйств, беженцев, нехватки продовольствия, тяжелого труда женщин, заменивших мужчин, праздно буржуазии, богатеейшей на войне, документальное кино закрепляло у зрителей сознание коллективной жертвы, в общем созвучное групповой памяти современников войны (там же). Таким образом утверждалась негативная память об империалистической войне, которую вела перед революцией царская Россия, поскольку институциональное воздействие пало на благодатную почву коллективных воспоминаний.

Использование ресурса коллективной памяти для продвижения политических трактовок событий недавнего прошлого прослежи-

вают и другие историки, в частности, Р. Карагезов и Э. Исмаилов. В этих работах обсуждаются события, происходившие в кавказском регионе, а именно, обострение ситуации в Нагорном Карабахе и российско-грузинский конфликт 2008 г. Для интерпретации состояния обыденного сознания населения в обоих случаях авторы прибегают к объяснительной схеме Дж. Верча, а именно, к его идее о том, что коллективная память обусловлена различными историческими повествованиями, содержащимися в хрониках, школьных учебниках, которые образуют «схематический повествовательный шаблон» присущий культурной традиции каждого народа. По мысли авторов (Карагезов, 2006, 2008; Исмаилов, Карагезов, 2007), жертвенный и одновременно имперский «нарративный шаблон», присущий как российскому, так и армянскому менталитетам, послужил надежной основой пропагандистской кампании в СМИ и обеспечил ее успех у публики. Думается, однако, что похожие по содержанию шаблоны применимы не только к России и Армении, но и ко многим другим странам. По законам коллективной памяти образ великой нации поддерживает позитивную коллективную идентичность, а позиция жертвы обеспечивает любой нации образ обороняющейся, неагрессивной стороны в случае конфликта. Кроме того, упомянутые «нарративные шаблоны», возможно, и являются расхожими мнестическими схемами, но живая коллективная память как атрибут социальных групп богаче и многообразнее.

Проблему изменения содержания коллективной памяти в новых исторических условиях поднимают многие историки на примере конкретных случаев. Так, в работе Е. И. Красильниковой анализируются процессы меморизации и забвения на примере старинных кладбищ Томска как мест памяти жителей этого города в 20–30-х гг. XX в. Заметим, кстати, что историки широко используют введенное французскими авторами понятие «lieux de memoire», транслируя его как «место памяти» но точнее было бы его переводить как «памятное место», так мы его в дальнейшем и будем называть. Е. И. Красильникова прослеживает, как разные политические силы работали над овладением коллективной памятью и, в конечном итоге, умами и сердцами жителей этого города. После гражданской войны появилось коммунистическое (партийное) кладбище — новый, отдельный участок старинного кладбища. Вместе с тем, в Томске, как и в других сибирских городах, в межвоенное

время тенденциозно уничтожался дореволюционный некрополь, имевший несомненную культурную ценность, однако игнорированный советской властью, которая оберегала лишь «свои» могилы, да и то не очень заботливо (Красильникова, 2012, с. 119).

На примере воспоминаний о Великой Отечественной войне И. В. Реброва показывает, как личные воспоминания переплетаются с институциональной памятью и как социальная действительность настоящего влияет на передачу информации о прошлом. Через дискурс-анализ интервью автор обнаруживает, что оценки со стороны российского общества нацистских солдат и офицеров постепенно размываются: в четко негативные конструкты речи о враге вплетаются и иные образы немцев, которые могли помогать, угощать детей сладостями, тосковать по своим семьям. В устных рассказах респондентов действуют не схематические персонажи, а живые люди, поступающие тем или иным образом в силу собственной индивидуальности и создавшихся обстоятельств (Реброва, 2012). Так, воспоминания очевидцев, сохраняя клише институционального происхождения (официальной истории) в отношении такого трагического периода истории как война, тем не менее содержат нейтральные и позитивные эпизоды межличностных контактов с представителями вражеской армии. Сама возможность таких амбивалентных воспоминаний появляется только в соответствующем культурно-историческом контексте.

Н. А. Колодий развивает мысли А. Эткинды, характеризующего современную ментальность через понятие «война воспоминаний». Автор справедливо подчеркивает, что дело даже не в победе того или иного варианта интерпретации истории и культуры через памятные места, дело — в культурной политике, в практике определения национальной идентичности, которая выражается в выборе ключевых дат, национальных и религиозных праздников, «назначения» персон героями и палачами в постсоциалистических обществах (Колодий, 2013, с. 244). Т. е. с точки зрения историков, коллективная память не просто подвержена изменениям, но она становится и ареной сражений за смыслы воспоминаний, да и образ будущего.

Завершая обзор подходов к коллективной памяти в рамках исторической науки, нельзя не отметить резко возросшего интереса к взаимоотношениям коллективной памяти и истории. Начиная со второй половины XX века, по словам З. А. Чеканцевой, исто-

рическая наука становится «историей во второй степени», то есть историей переосмысления всех имевших место репрезентаций исследуемого явления (Чеканцева, 2015, с. 232). Представители этого нового направления «интеллектуальной истории» доказали, что в любых исторических текстах присутствуют идеологические влияния. О субъективности историка писал в свое время и Хальбвакс. Историческое знание конструируется по особым законам, а не зеркально отражает прошлое. Тем самым можно говорить о различных версиях понимания прошлого, принимая в расчет не только профессиональные тексты, но и обыденные версии событий, т. е. память. Изучение менталитета, обыденных представлений людей о явлениях и событиях, в частности, в школе Анналов, как раз и стало шагом к приданию коллективной памяти статуса важного источника исторического познания. Память групп, воплощенная в действиях по ознаменованию, сохранению традиций и ритуалов, народное почитание героев и др. коммеморативные практики стали привлекать пристальное внимание историков. Время меняет коллективную память в такой степени, что можно говорить о культурно-исторических стратах в восприятии событий и личностей. «Интеллектуальная история» призвана произвести «раскопки» этих ментальных слоев для того, чтобы понять «объемность» и многозначность исторических процессов. Сама идея объективности/необъективности исторического знания и роли обыденной памяти, а также позиции историка появилась как результат столкновения двух противоположных позиций в отношении статуса исторического знания. С одной стороны, бытует принятое еще со времени эпохи Просвещения сциентистское понимание того, что существуют объективные исторические факты и достоверные исторические источники. Представление о том, что их можно надежным образом реконструировать, питали надежды историографов на существование метода классического историзма (Макаров, 2007). При этом предполагалось, что историк существует вне идеологии какой-либо референтной группы (там же, с. 164). С другой стороны, критики сциентизма трактуют историческую науку как результат «социального заказа», как заданную извне интерпретацию событий. А прошлое лишь используется для решения задач реальной политики. Между этими двумя крайними позициями в современной историографии существует множество оттенков мнений. При этом в историческом исследо-

вании неизбежно возрастает роль изучения коллективной памяти, которую этот автор (там же, с. 163) понимает, как надындивидуальную память — необходимый элемент человеческой культурной реальности — служащую посредником для проникновения культуры в историческое сознание.

Культурологические подходы к коллективной памяти

В культурологии имеется свой угол зрения на проблему коллективной памяти. Основными его характеристиками являются интерес к социальным институтам, концентрирующим следы прошлого и транслирующим их обществу, изменения в культуре общества, связанные с коммеморацией и забвением, роль искусства в процессах памяти, механизмы историко-культурной преемственности. Как полагают культурологи, их профессиональный подход к памяти означает изучение способов сохранения представлений об эстетических ценностях эпох, представлений о прекрасном в разные периоды истории, о нравственных принципах, о художественной выразительности, литературных стилях и жанрах искусства прошлого. Культурологический подход к памяти позволяет раскрыть то, как повседневная культура и художественная жизнь прошедших эпох входят в современный менталитет, создавая многослойную и многоликую картину культуры настоящего. Образы культур прошлого времени воссоздаются и активно воспринимаются современными людьми благодаря коммеморации.

Понятие коммеморации используется как в исторических, так и в культурологических трудах. Е. О. Васильева называет явление коммеморации важнейшим элементом современной социально-культурной жизни общества, которое выступает транслятором ценностно-смысловых характеристик культуры от одного поколения к другому и определяет многомерность и многоуровневость феноменов культуры (Васильева, 2009, с. 40). Автор показывает на примере женского образа в живописи эпохи модерна созвучность этого периода современным процессам смены мировоззренческих ориентиров. Деятели современного искусства переосмысляя эпоху модерна, пытаются возродить былой стиль, вернуть к жизни это искусство, вновь открыть для себя красоту и ценность человека. Реакция на модернизм имеет самые разные формы, которые современное общество принимает и одобряет (Васильева, 2009, с. 42).

Роль кинематографа, транслировавшего официальный дискурс о военной истории, в частности, о Сталинградской битве, в конструировании образов коллективной памяти, показал Е. В. Волков. Автор справедливо полагает, что художественные фильмы могут рассматриваться как важнейший исторический источник для понимания представлений советских людей, особенно молодого поколения, о войне (Волков, 2015). Кинокартины о Сталинградской битве создавались в советской стране, начиная с военных лет и заканчивая временем перестройки. С точки зрения типологии фильмов, это были либо военные драмы, либо киноэпопеи. Кинофильм, как и любое художественное произведение, является продуктом своего времени, с одной стороны, и отражением мировоззрения автора, с другой. Но в широкий прокат в советское время могли, разумеется, попасть только фильмы, одобряемые партийным руководством, их и анализирует Е. В. Волков — это шесть фильмов, посвященных Сталинградской битве и снятых в 45-летнем интервале с 1944 по 1989 г. Интересен замысел автора показать через различия в трактовке событий знаменитой битвы изменчивый фон институциональной памяти, которая, несомненно, оказывала воздействие на коллективную память.

Шесть фильмов — шесть интерпретаций. Первый из них — фильм режиссера А. Б. Столпера «Дни и ночи», снятый в 1944 г. Пафос фильма нацелен на то, чтобы показать, что настоящими героями Сталинграда являлись офицеры и солдаты Красной армии. Фильм украшен сценами исполнения народных песен воинами и дополнен кадрами хроники. Примечательно, что деятельность коммунистической партии, Сталина как руководителя страны и наркома обороны, судя по сюжету, играла не главную роль. По фильму заметно ослабление культа Сталина в советском обществе в период войны.

Фильм «Великий перелом» снял на киностудии Ленфильм в 1945 г. режиссер Ф. М. Эрмлер. Война показана, прежде всего, как напряженный труд военачальников. Партийное руководство не выглядит определяющим в фильме — многое зависит от принятия решений командующим фронтом. Решение, определяющее все развитие событий, принимает только один человек — командующий фронтом. В этой трактовке сквозит идея вождизма в духе советского официального дискурса того времени, когда и в Кремле, и на фронте все зависело от одной личности. При этом имя са-

мого Сталина в картине также не упоминается в стиле пропаганды того времени.

Фильм «Сталинградская битва» был поставлен в 1949 г. режиссером В. М. Петровым. Именно этот фильм задал образец последующих советских киноэпопей о войне. Что характерно для пропаганды этого периода, центральной фигурой теперь является Сталин. Основной посыл фильма — «великий стратег» Сталин создал план разгрома немецких войск под Сталинградом, именно он руководит боевыми действиями. А в тылу, на каждом заводе, люди стоят у репродукторов и, затаив дыхание, с надеждой в глазах слушают очередную речь Сталина (Волков, 2015).

В 1956 г., уже в период оттепели, на киностудии Ленфильм завершились съемки и монтаж еще одного фильма о Сталинградской битве. Режиссер А. Г. Иванов поставил картину «Солдаты» как экранизацию известной повести писателя-фронтовика В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946 г.). С резкой критикой фильма выступил представитель Главного политуправления Министерства обороны генерал-лейтенант М. А. Миронов. В итоге создатели картины согласились внести поправки. Из фильма были исключены какие-либо упоминания о неподготовленной эвакуации промышленных предприятий и населения из Сталинграда. На фоне замалчивания значимости фигуры Сталина усилена роль коммунистической партии, как «главного вдохновителя и организатора» побед советского народа. В новых условиях оттепели у кинематографистов появилась возможность не придерживаться строгих канонов политической конъюнктуры, когда советским зрителям представляли с экрана образы «гениального полководца» Сталина и советских генералов, как главных победителей нацистской Германии, а показать окопную правду войны. На экране предстали истинные герои и победители — простые солдаты и младшие командиры, которые ежедневно рисковали жизнью на фронте. Еще одним фильмом, в котором чувствуется время оттепели и стремление рассказать больше правды о войне, стала постановка режиссера А. Б. Столпера «Возмездие» (1967 г.). Картина снималась по роману К. М. Симонова «Солдатами не рождаются». В ней присутствуют отголоски времени перемен и осмысления последствий диктатуры Сталина. Упоминаются в фильме и репрессии советского командного состава накануне войны. Видимо, по причине наличия сцен, поднимавших острые вопросы, не со-

всем удобные для властей, фильм редко показывали на большом экране.

В 1972 г. на киностудии «Мосфильм» вышла еще одна художественная кинолента о Сталинградской битве — «Горячий снег» режиссера и участника войны Г. Г. Егиазарова по сценарию и одноименному роману писателя-фронтовика Ю. В. Бондарева. Фильм получил положительные отзывы, критика его оценила, как правдивое киноповествование, созданное авторами-фронтовиками, в котором со знанием дела показаны и боевые действия, и бытовые мелочи повседневной фронтовой жизни.

В условиях перестройки, в 1989 г., закончились съемки фильма «Сталинград», который являлся продолжением киноэпопеи «Освобождение», режиссера Ю. Н. Озерова, бывшего фронтовика и боевого офицера. В киноэпопее были показаны ошибки Сталина, говорившего надрывно и, как полагается, с кавказским акцентом. Он не верит разведке и принимает решение о неудачном наступлении в мае 1942 г. на Харьков. Подчеркивается, что его жестокий приказ № 227 не привел к каким-либо позитивным результатам. Вождь запрещает эвакуацию заводов Сталинграда, чтобы не поднимать паники, и тем самым, обрекает на гибель массу гражданского населения. Итак, судя по экранным образам Сталинградской битвы, на разных этапах развития советского общества, создавались отличные друг от друга киноистории о Сталинградской битве. Видимо, можно считать данные фильмы своеобразными маркерами культурной политики и коллективной памяти советских людей о решающем сражении Великой Отечественной войны.

Обратный процесс — забвение в культуре рассматривается как важнейший инструмент построения новой культуры и новой идентичности. «Принудительное забвение» играет в этом процессе особую роль. Такой род забвения никогда не связан с полной утратой памяти, но является наиболее трагичным (Кочеляева, 2012, с. 10), поскольку носители памяти зачастую уничтожаются физически, а «неудобная» для власти версия исторической памяти вытесняется в маргинальную зону культуры и становится уделом диссидентов. Работа Н. А. Кочеляевой посвящена «трудным местам» памяти и выведению их из зоны забвения на примере создания музея, посвященного функционированию лагеря «Пермь-36» для политзаключенных, а также Соловецкого музея-заповедника. В течение долгого времени тема Соловецких лагеря и тюрьмы пре-

бывала в поле принудительного забвения, и лишь с началом перестройки и формирования гражданского общества она была возвращена в сферу исторической памяти и стала предметом активной мемориальной политики (Кочеляева, 2012). «Принудительное забвение» прерывается только в ходе перемены всего «культурного ландшафта» страны и влечет за собой изменение социально-культурной идентичности.

Философия о коллективной памяти

Объектом целенаправленной философской рефлексии коллективная память становится только в период модерна (Турбина, 1998), поскольку в условиях традиционного общества сохранение прошлого задается самим укладом жизни его членов. В обществе модерна и постмодерна определенная трактовка событий прошлого тесно связана с самоидентификацией и легитимацией его групп и поэтому выделяется в специальную задачу.

В современном мире насаждение идеалов мультикультурного типа развития делает весьма размытым процесс идентификации человека с той или иной группой. Необходимость в определении принципиальных ориентиров в жизни (национальных, религиозных, этнических, групповых, сексуальных и др.) объясняет возрастающий интерес людей к прошлому, поскольку групповая идентичность предполагает приверженность одному из вариантов коллективной памяти. Однако разнообразие вариантов интерпретации истории той или иной группы в условиях современного мирового сообщества повлекло за собой размытие ее идентичности и отсутствие определенного статуса. В силу этого для избавления от «расплывчатости» некоторые люди исповедуют упрощенные одномерные представления, часто связанные с обвинениями других групп.

В современном обществе разными исследователями фиксируются противоположные тенденции упадка памяти в форме тривиализации великих событий и преувеличения роли прошлого, в частности – в политических целях. По мнению Е. Г. Турбиной, главной проблемой функционирования коллективной памяти является ее совмещение с критическим осознанием прошлого, поскольку «прославление и осуждение собственного прошлого одинаково опасны, когда они становятся целью сами по себе» (Турбина, 1998, с. 752).

Одним из первых среди советских исследователей обратился к понятию социальной памяти (в этой трактовке близкому к понятию коллективной памяти) эстонский философ Я. К. Ребане. Он считал ее порождением механизмов, функционирующих в обществе, хранилищем прошлого опыта, являющегося базой для формирования индивидуального сознания и дальнейшего индивидуального и общественного познания (Ребане, 1982). Он ставил задачу показать, что функционирующие в человеческом обществе механизмы информации образуют своеобразную социальную память — хранилище прошлого опыта, являющегося базой формирования индивидуальных сознаний и дальнейшего развития познания (там же). Важнейший исходный пункт — положение о невозможности существования знаний в чистом виде — знания должны опредмечиваться. Социальная память, по мнению Ребане, — это своеобразное хранилище результатов практической и познавательной деятельности, выступающих в информационном отношении базисом формирования сознания каждого человека, а также базисом функционирования и развития индивидуального и общественного познания. Социальная память охватывает значительно большую сферу, чем сфера передаваемых из поколения в поколение знаний, навыков, умений.

Главным носителем социальной памяти и единственным центром, где актуально существует ее познавательно-смысловое содержание, является реальный человек как социально и культурно программированное существо, считает Ребане. При этом он отмечает, что существуют и другие носители, которые имеют относительно самостоятельное от человека существование. Носители социальной памяти выполняют свою информационную функцию «в живой ткани человеческой деятельности и познания» (Ребане, 1982, с. 47). Их наличие нельзя интерпретировать как искажающий познание фактор. Между тем количество информации всегда представляет собой только относительную величину и зависит от системы отсчета. В целом количество сопоставимой овеществленной в носителях социальной памяти «потенциальной» информации в ходе прогрессивного исторического развития возрастает.

Ребане определяет свою методологическую схему как ориентированную на комплексное, междисциплинарное изучение социальной детерминированности познания (Ребане, 1982). Все то,

что имеет отношение к носителям или познавательнo-смысловому содержанию социальной памяти, функционирует только через реального, исторически конкретного человека, через его деятельность, психику, сознание. Реальный человек как субъект познания не только постоянно программируется в социальной среде, но и является главным носителем всего того, что Ребане называл социальной памятью.

Ребане отмечал близость понятия социальной памяти к понятию социальной информации, однако оговаривал, что первое ориентировано на более общую гносеологическую задачу – на анализ с точки зрения информационных процессов, социально-исторических, социально-культурных средств отражения человеком объективной реальности. Таким образом, каждый человек, вступающий в жизнь, приобщается к социальной памяти, на основе которой развивается исторический процесс познания. Ребане предостерегает от понимания социальной памяти как суммы передаваемых в обществе знаний. По аналогии с общенаучным понятием памяти (память как накопленная информация) социальную психологию можно охарактеризовать как накопленную в ходе социально-исторического развития «информацию, зафиксированную в результатах практической и познавательной деятельности, передаваемую из поколения в поколение с помощью социально-культурных средств и являющуюся основой индивидуального и общественного познания на каждом конкретном этапе исторического развития» (Ребане, 1977, с. 100).

Содержание социальной памяти, по Ребане, составляют: накопленные знания; логическая структура мышления, понимаемая в широком смысле (включая мыслительные операции, категориальную структуру, математический аппарат и т.д.); формы общественного сознания и социальные ценности. Существенна связь социальной памяти с логической структурой мышления. Ее важнейший компонент – «категориальная структура», или «категориальный строй мышления», который не может быть отождествлен ни с семантическим, ни с грамматическим строем языка, а как бы стоит «за языком» в качестве понятийного варианта. Это открывает возможность для выдвижения гипотез о структурах социальной памяти на разных этапах исторического развития в их сопоставлении с фактами из истории науки и культуры в целом. Именно исследование изменения, развития,

переходов одной исторической формы социальной памяти в другую и позволяет выявить ее специфические особенности, обнаружить источники развития, конкретизировать ее роль в жизни общества.

Автор отмечает (Ребане, 1982), что на основании совокупности систем информации формируется психика и сознание человека и осуществляется исторически развивающийся процесс человеческого, т. е. общественного, познания. И действительно обмен информацией — необходимое условие осуществления процессов, протекающих в обществе. Он базируется на универсальной информационной системе, охватывающей важнейшие стороны общественной жизни — социальной памяти. Ребане выделил три большие группы носителей социальной памяти: орудия производства и овеществленные результаты труда, часто обобщаемые в понятиях «материальная культура» и «вторая природа»; объективные социальные отношения, базирующиеся в конечном счете на производственных отношениях; язык в широком смысле, т. е. «естественные» языки, их различные технические видоизменения, а также внеязыковые семантические средства.

Формирование сознания и процесс познания реализуются на основе этих материальных носителей информации. В одной из последних работ Ребане исследует социальную память в ином плане. Он предлагает применять понятие социальной памяти как определенный вспомогательный философско-методический принцип, как схему для анализа человеческого познания в целом, даже как определенный эвристический принцип. Использование понятия социальной памяти, по его мнению, будет способствовать комплексному, интегративному подходу к исследованию психологической детерминации познания (Ребане, 1982).

Значительное повышение интереса к событиям прошлого в обществе в совокупности с возрастанием количества исследований коллективной памяти в конце XX в. обнажили такую важнейшую особенность процесса ее складывания, как социальную конструируемость (Турбина, 1998), выражающуюся, в частности, в противоречивости освещения событий в СМИ, неоднозначности и даже противоположности отношения к ним со стороны различных социальных групп. Само складывание групповой идентичности, таким образом, представляется как существование коллективной памяти у членов группы, при этом главным оказывается не отра-

жение последовательности событий, а эмоциональный и моральный компоненты памяти (там же).

Конструктивистский взгляд на коллективную память приобретает все большую популярность у обществоведов, особенно в связи с проблемой «утраты» памяти, «социальных амнезий», ускользания фрагментов прошлого. Такого рода феноменам и процессам посвящен ряд специальных работ (Baumeister, Hastings, 1997; Мокроусова, 2012; Кумыков, 2013; и др.). Явления искажения, забывания в коллективной памяти указывают на подвижную, нестабильную природу феномена памяти. Эта подвижность связана, прежде всего, с переменчивостью культурного ландшафта, который требует выдвигания на первый план одних воспоминаний и «упущения» других. Это происходит, по мнению А. М. Кумыкова, в силу противоречивого восприятия и неоднозначной, ангажированной интерпретации прошлого политическими элитами и различными социальными группами, когда события и образы прошлого подвергаются социальной амнезии и становятся «лакунами памяти». Следствием этого процесса автор считает «деорганизацию» памяти (Кумыков, 2013, с. 102). На наш взгляд, социальная амнезия является частью сложного процесса конструирования и деконструкции коллективной памяти, что сложно назвать дезорганизацией, поскольку именно в таком бурлении интерпретаций и обнаруживаются в каждый исторический момент контуры коллективной памяти. Исследователи анализируют и природу феномена искажения памяти: описывается два мировоззренческих полюса, которые определяют искаженное видение прошлого. На одном полюсе — ностальгия по ушедшему, рождающая пессимистический взгляд на мир, на другом расположена укорененная в коллективной памяти вера в прогресс, утверждающая оптимистическое мировоззрение (Мокроусова, 2012). Можно согласиться с автором в том, что каждая из этих позиций по-своему отражает глубинную психологическую потребность в защищенности; они обещают либо перемены к лучшему, либо иллюзорное прошлое в качестве убежища. Так социальные потребности формируют искаженный образ прошлого (там же, с. 60). И снова возникает вопрос: существует ли «истинный» образ прошлого? Не абстракция ли это? А, может быть, существование разного рода вариаций в трактовках истории и есть истинный порядок вещей, составляющий суть коллективной памяти?

Коллективная память в рамках социологической науки

В статье «Представления индивидуальные и представления коллективные» Э. Дюркгейм начинает обсуждение проблемы коллективной памяти с мысли о том, что «психическая жизнь есть непрерывное течение представлений, что никогда невозможно сказать, где кончается одно и начинается другое» (Дюркгейм, 1996, с. 219). По его мнению, память не является фактом чисто физическим, так как представления способны сохраняться во времени. Разрыва между состояниями человека в прошлом и в настоящем нет, они воздействуют друг на друга, и результат этого взаимного воздействия может в определенных условиях усиливать интенсивность прошлых состояний так, чтобы они вновь осознавались. «При этом представления всегда воздействуют на психику человека, однако связь между прошлым и настоящим может устанавливаться и с помощью чисто интеллектуальных посредников» (там же, с. 224). Социальные факты у Дюркгейма признаются внешними по отношению к индивидуальным сознаниям, а субстратом их являются «ассоциированные индивиды». «Представления, образующие ткань этой жизни, выделяются из отношений, которые устанавливаются между определенным образом соединенными индивидами, или между вторичными группами, располагающимися между индивидом и обществом в целом» (там же, с. 233). Таким образом, коллективные представления, порожденные действиями и противодействиями между элементарными сознаниями, из которых состоит общество, прямо не вытекают из последних. Сумма индивидуальных вариантов памяти индивидов не есть коллективная память, структура последней организована существенно сложнее. При этом «личные чувства становятся социальными, комбинируясь под воздействием сил, которые развивает ассоциация; вследствие этих комбинаций и проистекающих из них взаимоотношений, эти чувства становятся другими явлениями» (там же, с. 234).

Коллективная жизнь, целиком располагаясь в коллективном субстрате, посредством которого она связана с остальной частью мира, тем не менее не растворяется в этом субстрате, отмечает Дюркгейм. Коллективные представления, по его мнению, так же как индивидуальные, способны притягиваться, отталкиваться, образовывать между собой различного рода связи, которые опре-

деляются их естественными близкими свойствами. Так эволюционируют религия, мифы, легенды. Таким образом, основная задача, которую ставил Дюркгейм, подчеркивая принципиально иную основу коллективных представлений в отличие от представлений индивидуальных, заключалась в том, чтобы выделить коллективные представления, в которых, по его мнению, как бы сконцентрировалась своеобразная умственная жизнь, бесконечно более богатая и более сложная, чем умственная жизнь индивида. Индивид вынужден использовать коллективные представления, совокупность же таких коллективных представлений — «коллективное сознание», — обуславливая содержание сознания индивида, выступает как основа его мышления и действия. Известно мнение Дюркгейма о том, что категории коллективной памяти имеют религиозное происхождение.

Объектом рефлексии феномен коллективной памяти становится позже, в период общества модерна. Сохранение прошлого в традиционном обществе задается самим укладом, в обществе модерна становится специальной задачей, тесно связанной с тем, что ценность прошлого, культуры, традиции резко повышается по мере того, как они становятся источником легитимации тех или иных социальных групп.

Понятие коллективной памяти упрочилось во французской социологической школе благодаря работам Мориса Хальбвакса, который сделал коллективную память объектом социологического исследования. Согласно его взглядам, память как доступ к реальностям прошлого весьма ненадежна, тем не менее, она образует основу социального порядка (Halbwachs, 1950). Автор показывает, что ни одно общество не могло бы жить без коллективного фонда воспоминаний, ибо религия и семья, профессиональные организации и социальные институты удерживаются вместе не чем иным, как коллективными воспоминаниями. Будучи последователем Дюркгейма, Хальбвакс утверждал, что задача социолога — вносить вклад в общественную солидарность посредством изучения источников социального сцепления, социальной связи.

Эти и другие идеи Дюркгейма были развиты Хальбваксом, сосредоточившим внимание на социальной непрерывности, связи исторических времен, которая обеспечивается коллективным сознанием. Однако Хальбвакс не разделял идеи Дюркгейма о коллективном разуме, стоящем над индивидуальными сознаниями,

он скорее акцентировал социальную природу памяти. Дюркгейм только намечает различие между коллективным и общим сознанием, Хальбвакс же прочно связывает первое с жизнью группы. Причем, указывая на множественность субъективных вариантов коллективной памяти, несмотря на объективность истории, он объявляет коллективную память именно тем фактором, который делает группу группой (Halbwachs, 1948, p. 80). Коллективные воспоминания как сущностный атрибут человеческих объединений могут, по Хальбваксу, быть поняты только через рефлексивную работу ученого. Он отходит от строгих правил социологического метода своего учителя и ищет средства, более соответствующие предмету изучения, считая борьбу за «объективность» и «прозрачность» социального исследования непродуктивной. Хальбвакс считает, что здесь более адекватна философская рефлексия, когда ученый не пытается выйти за пределы коллективного сознания своей группы. Ведь память – это продленная в прошлое сегодняшняя жизнь группы. Коллективная память «не превышает пределов конкретной группы» (ibid., p. 113) и способна на непосредственное схватывание событий и личностей. Коллективная память религиозных сообществ имеет, по Хальбваксу, существенные отличия от памяти светских групп. Память этого типа ориентирована на стирание исторических и культурных различий, на акцентирование своей вневременной аутентичности и незыблемости «основ».

Из такой трактовки религиозного сознания проистекает скрытая полемика Хальбвакса с Дюркгеймом, целью которой является попытка определения специфики памяти в религиозном мировоззрении, ее отличия от памяти других социальных групп и институтов. Хальбвакс считает, что понятие сакрального описывает всю сферу религиозных проявлений, в том числе и индивидуальную религиозность, но исследование социальных функций религии вынуждает обращаться к дополнительным критериям, важнейшим из которых является использование религиозными сообществами специфической формы коллективной памяти. Сущность религиозной памяти заключается в ее отсылке к легендарному первоначалу, постоянном сопряжении настоящего и прошлого, причем прошлого мифологического, относящегося к трансцендентному миру не времени, а вечности. Деятельность религиозных сообществ по помещению фактов в исторический контекст нацелена, согласно уточнению Д. А. Аникина, на помещение временного в контекст

вечного, подведение единичного под общий канон (Аникин, 2015). И в этом смысле память религиозного сообщества в отличие, например, от памяти семьи носит не сберегающий, а агрессивно-разрушающий характер (Зенкин, 2007, с. 23). Более подробный анализ идей Хальбвакса содержится в главе 2.

Существенный вклад в осмысление коллективной памяти внесён Франкфуртской школой, прежде всего, Т. Адорно, исследовавшим особенности становления коллективной памяти в период послевоенного переживания вины и стыда немцев за преступления нацизма (Адорно, 2005). Общество в то время обсуждало тему вины и ответственности, коллективной травмы, «ослабленной памяти», помогающей изжить подобную травму, что сопровождалось перечеркиванием индивидуальных и коллективных воспоминаний о национал-социалистической эре вплоть до отрицания самого существования недалекого прошлого. Адорно обнаружил факт коллективного самообмана, на который указывал (и который маскировал) призыв к переоценке прошлого.

В современной социологии стало популярным понятие «бум памяти», что характеризует как степень интенсивности, так и экстенсивности исследовательской практики в отношении коллективной памяти. Введение в научный оборот терминов «коллективная амнезия», «мнемонические войны», «социальная ностальгия», «преодоление прошлого», «контрвоспоминания» и др., а также методических приемов: биографического, нарративного, «oral history», «case-study» — обозначило новый поворот к человеку, деятелю, группам, взаимодействиям, нацеленность ученых на изучение массовых социальных явлений (Романовский, 2011).

«Эра памяти», начавшаяся с конца XX в., отмечена обостренным исследовательским интересом к истории минувшего века, насыщенного драматическими событиями и особенно к коллективным воспоминаниям о них: мировые войны, революции, нацизм, Хиросима и Нагасаки, холокост, Катынь, Чернобыль, геноцид и др. XX в. породил у многих народов и наций коллективные травмы и тяжелые воспоминания, что, по-видимому, и спровоцировало всплеск интереса к мнемоистории, т. е. к тому, как вспоминается история. В социологии наметились как чисто предметные направления в духе изучения памяти о конкретных явлениях и событиях, например, о холокосте (см.: Коротецкая, 2016), так и направления исследований отдельных факторов коллективной па-

мяти, скажем, этнического или поколенческого факторов. Память поколений, ее особенности стала предметом многих исследований. Назовем, в частности, работу Л. И. Миклиной о коллективной памяти современной российской молодежи. На выборке 204 человек автор исследует уровень знаний об исторических событиях и отношение к ним. Результаты показали хорошее знание респондентами исторических фактов и личностей, а также то, что молодежь способна критически анализировать явления, отмечая их положительные и отрицательные последствия. Единственное событие, имеющее однозначно негативную окраску в памяти молодого поколения россиян, – гражданская война. Это может быть следствием реинтерпретации истории в результате смены общественного строя. «Эффект когорты», по Г. Шуману и Ж. Скотт, проявился в данном случае в том, что современная молодежь, воспитывавшаяся в постсоветском обществе, видит Октябрьскую революцию в ином свете, чем другие возрастные группы (Миклина, 2015).

В работе О. А. Максимовой (2014) на основе дискурсивного анализа самооценок своего поколения, полученных в ходе опроса представителей разных возрастных когорт производится анализ их самоидентификационных характеристик. Автор приходит к выводу о том, что с увеличением возраста респондентов их идентификация со своим поколением в контексте исторических событий проявляется в большей степени, тогда как молодые поколения демонстрируют высокую степень индивидуализма. Это, по мнению автора, является отражением общественных трансформаций, происходящих в условиях постиндустриального, информационного общества, где индивидуальные ценности доминируют над коллективными. Такое объяснение в целом можно принять, добавив, что более полная самоидентификация придет к молодежи позже, с рефлексией своего места в обществе, при сравнении своего поколения с младшими.

Отдельное направление социологических исследований в области коллективной памяти составляет изучение новейших каналов сохранения и передачи следов памяти, в особенности интернета. К. Штоп-Рутковска использует понятие «киберпамять». В ней нет института «проводника» – получатель сам конструирует свои представления на тему прошлого, использует интернет-ресурсы, кликая на гиперссылки в читаемом тексте. Киберпамять часто оказывается сложной памятью, транслирующей воспоминания не только

господствующей группы, но и групп, составляющих меньшинство (Штоп-Рутковска, 2015, с. 139). Учитывая то, что молодежь в целом активнее других поколений пользуется интернет-ресурсами, можно говорить о радикальном изменении в роли разных институтов коллективной памяти. Учебники истории, кинопродукция, книги теперь становятся подспорьем в конструировании собственных схем, образов прошлого, которые создаются в результате самостоятельного поиска информации в сети. Изобилие информации, ее противоречивость либо стимулируют интеллектуальную активность, либо «оглушают» парадоксами, либо закрепляют существующие штампы. Как на самом деле работают эти механизмы, еще предстоит исследовать.

Разнообразие подходов, трактовок и способов анализа феномена коллективной памяти в социальных науках определяет проблему не столько междисциплинарного подхода к этому явлению, сколько мультидисциплинарной ситуации в изучении коллективной памяти. По-видимому, нахождение точек соприкосновения в теории и методологии вопроса остается задачей будущего.

1.2. Понятие коллективной памяти в ряду близких понятий сферы социального познания

Используемая в литературе терминология, связанная с памятью, чрезвычайно разнообразна. Рассматривая различные аспекты обращения общества и его представителей к прошлому, авторы используют такие понятия, как «индивидуальная память», «коллективная память», «социальная память», «историческая память», «персональная память», «культурная память», «групповая память», «соперничающая память», «память поколения», «память детства» и др. Можно найти даже экзотические термины: «противопамять» (*contra-memory*), включающая противоречивые друг другу версии или версии реальности, противоречащие произошедшему на самом деле; «организационная память» (*organizational memory*), связанная и с историей учреждений или исследовательских групп; «утраченная память» (*miss-memory*), означающая потерянную, вытесненную память.

Исследования последних десятилетий показывают, что коллективная память так же, как и память индивидуальная, разумеется, не является простым отпечатком событий прошлого. Ее можно

рассматривать как один из элементов менталитета (Юревич, 2013). Согласно одному из современных определений коллективной памяти, она «состоит из разделяемых живых образов, знаний, верований, о коллективном прошлом. Коллективная память базируется на устной и неформальной передаче информации и рассказов, которые образуют „профанную историю“. Научная или формальная история питает эти образы прошлого как наука питает социальные представления» (Paetz et al., 2016). Можно сказать, что детальный анализ стратегий и механизмов коллективной памяти полезен для аналитических целей, но следует учитывать, что в реальной общественной практике эти стратегии могут причудливо переплетаться, создавая вполне стройную картину. Целью такой работы является интерпретация событий прошлого, которая, с одной стороны, будет правдоподобной, а с другой, не позволит задеть нравственные чувства современников. Так, захватническая кампания Наполеона в Египте, сопровождавшаяся многочисленными жертвами с обеих сторон, часто преподносится в западной исторической науке как хотя и не вполне удачная, но способствовавшая «открытию» Египта для западного мира и заложившая основу современной египтологии. Стремление сформировать благоприятный образ по сути дела агрессивной колониальной войны опирается именно на уловку с подменой контекста событий. В создании этих благоприятных образов прошлого наблюдается ориентация на моральные требования, апелляция к культуртрегерским стремлениям, цивилизационным задачам (в описанном случае – развитие науки), существующим в обществе. Экономические и территориальные амбиции прячутся под маской «защиты слабых, угнетенных». В случае египетской кампании Наполеона – это освобождение от турецкого гнета.

Между тем феномен коллективной памяти, вначале (исходя из концепции Хальбвакса) казавшийся психологической основой традиции, «цементом», скрепляющим менталитет общества, по итогам исследований и теоретического анализа скорее предстает как «яблоко раздора» в общественном сознании. Наши работы показывают, насколько противоречивы в современном обществе представления коллективной памяти о роли Петра Первого в становлении российской государственности: от негодующих «разрушил традиции» до «сделал Россию европейской державой». Аналогичные примеры можно привести о всех значимых фигурах

недавней отечественной истории. Возможно, существуют некоторые устойчивые векторы обыденного политического сознания, которые определяют те или иные трактовки прошлого в коллективной памяти социальных групп: этатизм/гуманизм, консерватизм/либерализм, авторитаризм/демократизм, глобализм/национализм и др.

В исследованиях коллективная память предстает то как воспоминания, то как нарочито «забытые» события, то как празднования великих событий и ознаменование печальных и травмирующих дат. Иногда она выступает памятью общества, чаще – памятью группы: возрастной, гендерной, расовой, политической, религиозной и т. п. Такая вариативность создает ощущение некоторой зыбкости, неопределенности самого феномена, что, в свою очередь, затрудняет строгую операционализацию понятия. Кроме того, неоднозначность содержания и обратимость (зачастую даже противоречивость) воспоминаний, по-видимому, связаны с тем, что они актуализируются в контекстах, которые, во-первых, аффективно заряжены, во-вторых, содержат выраженную морально-нравственную составляющую, следовательно, требуют постоянного подтверждения. Коллективная память помогает людям обрести социальную идентичность через интернализацию общих традиций и коллективных воспоминаний, разделяемых группой. Причем если представление о прошлом имеет позитивный смысл «золотого века» – это глобальная, или ностальгическая, функция. Еще одна социальная функция связана с целями и потребностями группы, в этом смысле коллективная память – это своего рода реконструкция прошлого в соответствии с целями настоящего в жизни группы и ее образом будущего. Между тем, по словам Т. Д. Марцинковской, «людям всегда было сложно примириться с новыми временами и социальными трансформациями, однако никогда этот разрыв между новым и старым не был так глубок и никогда еще будущее не казалось таким неопределенным» (Марцинковская, 2015).

Одно из определений коллективной памяти было дано Морисом Хальбваксом, который рассматривал ее как «историческую память группы, дающую ориентиры индивидуальному сознанию» (Хальбвакс, 2005). По замыслу автора, исторические события отбираются, классифицируются и хранятся, исходя из актуальных на сегодняшний день конкретных интересов определенной груп-

пы, члены которой и являются носителями этих воспоминаний. Содержание коллективной памяти рассматривается этим автором через комплекс понятий, раскрывающих в своем содержании совокупность знаний, представлений о прошлом – «коллективные воспоминания», «коллективная история», «образы прошлого» (Хальбвакс, 2005).

Коллективная память, бесспорно, не может быть свободна от идеологических установок, воздействующих на обыденное сознание через образовательные институты, посредством СМИ или других информационных каналов. Но связь эта далеко не однозначна. К примеру, исследователями была обнаружена тенденция к более глубокому запечатлению событий прошлого в условиях настойчивых институциональных усилий «стереть» их из памяти (Быкова, 2009). Таким образом, умышленное вмешательство может не только изменить содержание коллективной памяти, но и укрепить ее, оставив соответствующий след.

По сложившейся традиции мы будем относить к коллективной памяти разделяемые людьми воспоминания, представления о событиях прошлого, которые имеют свойства оживляться, актуализироваться, конструироваться заново в межличностном дискурсе. Таким образом, коллективная память представляет собой разделяемые воспоминания об историческом прошлом, пропущенные через призму групповой идентичности, воссозданные с учетом и в контексте сегодняшних интересов и целей группы. Коллективный характер памяти обусловлен, с одной стороны, тем, что коллективные воспоминания конструируются в дискурсивном процессе, т. е. имеют intersubjective характер, а, с другой стороны, являются атрибутом группы – они разделяются членами этой группы.

Предметом коллективной памяти традиционно считают исторические события и их персонажей. При этом стоит отметить, что в действительности коллективные воспоминания кристаллизуются исключительно на событиях и личностях, обладающих большой ценностной нагрузкой и, соответственно, сопряженных с эмоциональными переживаниями. Как правило, такие воспоминания касаются героических или, наоборот, нравственно травмирующих политических событий истории, ее позитивно или негативно окрашенных эпизодов, политических деятелей, чьи решения оказали наибольшее влияние на жизнь каждого. Таким образом, предметом коллективной памяти являются не любые историчес-

кие события и персонажи, а только те, которые в значительной степени актуальны для современной политической жизни сообществ.

Не касаясь сейчас психологических особенностей функционирования индивидуальных воспоминаний об исторических событиях, в том числе и в контексте изучения социальной памяти (Cowan, 1997), обратимся к общественным формам исторического сознания, среди которых выделим четыре основных. Они, имея различную онтологию, институциональный статус и разные традиции изучения, выступают самостоятельными и вместе с тем взаимосвязанными явлениями: историческая наука, историческая память, коллективная память и массовая память.

На наш взгляд, необходимо соотнести эти явления для того, чтобы уточнить место и роль каждого из них в пространстве исторического сознания общества. Если историческая наука обладает вполне определенным онтологическим и эпистемологическим статусом научной дисциплины, то понятие «историческая память» используется в различных значениях, связанных с контекстом. Пожалуй, чаще всего оно звучит в контексте призывов о необходимости обращения к прошлому, его урокам и нравственному содержанию. Оно выступает как апелляция к публике, исходящая от каких-либо социальных институтов, с определенных политических позиций актуализировать и осмыслить события прошлого в связи с насущными потребностями настоящего.

Исходя из этого, историческую память можно трактовать как совокупность институционально заданных трактовок исторических событий, развивающую какую-либо из версий исторического прошлого. Историческая память напрямую связана с идеологией, что дает основание некоторым исследователям говорить о том, что «идеология сама является формой общественной памяти в той мере, в какой ею пронизано все, что коллективно вспоминается, и все, что забывается или то, какие аспекты истории общества продолжают почитаться, а что отправляется в подлежащие забвению архивы» (Billig, 1990, p. 60). Не разделяя идеи подобного отождествления идеологии с памятью и считая идеологию институциональной формой общественного сознания, непосредственным продуктом властных отношений в обществе, а коллективную память социально-психологическим феноменом, мы скорее склонны искать взаимосвязи между этими явлениями опосредствованно через феномен исторической памяти.

Историческая память неизбежно оказывает идеологическое влияние на историческую науку, привнося в нее актуальные политические смыслы, которые могут с течением времени меняться или исчезать. Недостаточно определенный научный статус опосредствующего звена между исторической наукой и коллективной памятью выражается в терминах, которыми он описывается в науке. Так, А. Г. Левинсон ставит вопрос о том, «какие специализированные системы и в каком направлении изменяли историческое знание — продукт профессиональной деятельности историков — перед тем, как оно превратилось в коллективные представления об исторических личностях» (Левинсон, 1996, с. 252). Многообразие видов и способов воздействия на коллективную память со стороны таких «специализированных систем» составляет отдельную проблему социально-психологического исследования, поскольку и система образования, и художественные произведения (фильмы, литература, живопись и др.), и СМИ влияют на коллективную память посредством разных механизмов.

Коллективная память в отличие от исторической не имеет четких институциональных или идеологических рамок: она выступает как память коллективов, сообществ, социальных групп общества. Коллективная память включает разделяемые людьми воспоминания, представления о событиях прошлого, которые имеют свойства оживляться, актуализироваться, конструироваться заново в межличностном дискурсе. Коллективная память, разумеется, не может быть свободной от трактовок, даваемых исторической наукой и тиражируемых системой образования. Она также зависима от влияния идеологизированной исторической памяти, которая тоже воздействует на обыденное сознание через образовательные институты, СМИ или другие пропагандистские каналы.

Между тем коллективная память, являясь социально-психологическим феноменом, не перекрывается исторической наукой и не поглощается исторической памятью в том смысле, как мы ее понимаем. Она имеет специфические черты, выполняет определенные социально-психологические функции в сознании групп, несет в обыденном сознании эмоциональный и нравственный заряд. Ее связи с исторической (институциональной) памятью сложны и неоднозначны.

С одной стороны, историческая память посредством идеологии, трактовок, высказываемых официальными лицами, задает

интерпретации и смыслы, оказывающие определенное влияние на содержание коллективной памяти. С другой стороны, коллективная память имеет в своем арсенале живые воспоминания (если речь идет о событиях недавней истории), факты, почерпнутые из неофициальных источников, мнения, не согласующиеся с официальными версиями, итоги собственных размышлений людей, обработанные межличностным дискурсом. Ее содержание оказывается во многом не просто автономным, но и в некоторых случаях оппозиционным институциональной исторической памяти. В особенности это может касаться групп, которые в условиях тоталитарных режимов имеют доступ к неофициальной информации.

Что касается связи коллективной памяти и исторической науки, ее тоже нельзя назвать односторонней. Разумеется, в силу своего предназначения историческая наука стремится к достоверному и точному анализу исторических фактов, к которому носители коллективной памяти должны были бы относиться с доверием. Между тем исторические исследования в силу особенностей, присущих гуманитарному знанию, не могут быть свободны от институциональных идеологических влияний, ценностей своего времени и личной позиции исследователя. Современные направления в исторической науке (интеллектуальная история) сосредоточены как раз на изучении тех ментальных «наслоений» на исторических документах и текстах, которые созданы под воздействием идейных и политических влияний. Идеологический крен в исторических источниках создает барьеры для непосредственного восприятия научных трактовок коллективной памятью.

Если речь идет о событиях недавнего прошлого, по свидетельству ученых-историков, коллективная память может даже оказывать обратное влияние на обнародование исторических документов и выводов исследований, тормозя эти процессы. Так, относительно истории Великой Отечественной войны профессиональными историками делались заявления о невозможности раскрытия в настоящее время всех документов военной истории, поскольку они могли бы травмировать чувства и память ветеранов.

Несмотря на многолетнюю историю изучения коллективной памяти, до сих пор недостаточно определенным выглядит представление о ее объекте и предмете. Связь коллективной памяти с эмоционально-ценностными аспектами жизни группы неизбежно ведет к изменчивости содержания и эмоциональной окраски

коллективных воспоминаний, придает им культурно-историческую обусловленность. Подобные особенности феномена коллективной памяти дают основания для того, чтобы рассмотреть его с позиций конструкционистского подхода (Gergen, 1985) как разновидность коллективной ментальной реинтерпретации, который позволит применить к коллективной памяти более адекватные объяснения, нежели с позиций строгого позитивизма и наметить новые перспективы его изучения.

При попытках развести понятия коллективной и исторической памяти возникают сложности. Наше понимание исторической памяти с позиций социальной психологии уже было изложено, и оно близко к тому, как его формулировал Хальбвакс. Историческую память можно определить как совокупность институционально заданных трактовок исторических событий, развивающую какую-либо из версий исторического прошлого. Объясняя разницу между коллективной и исторической памятью, Хальбвакс обращается к самой сути понятия «история» как собрания фактов, занимающих достаточно важное место в памяти людей, но имеющих при этом специфическую форму передачи, которая и отличает коллективную память от исторической. Исторические факты отбираются, сопоставляются и классифицируются, исходя из потребностей или правил научного знания, отличных от тех, которые были актуальны для носителей живых воспоминаний об этих событиях.

Хальбвакс подчеркивает, что история обычно начинается в тот момент, когда заканчивается традиция, когда затухает или распадается коллективная память. Пока воспоминание продолжает существовать, нет необходимости фиксировать его письменно, да и вообще как-либо фиксировать. Таким образом, с точки зрения Хальбвакса, коллективная память переходит в память историческую в тот момент, когда память о некоей череде событий перестает поддерживаться какой-либо группой, которая в них участвовала или испытала на себе их последствия, которая была их свидетелем или слышала живой рассказ о них от первых участников или наблюдателей. Другими словами, когда содержание воспоминаний переходит к представителям таких социальных групп, к интересам которых данные воспоминания не относятся и являются скорее внешними, единственная возможность сохранить важную с точки зрения общественного развития информацию можно, только запечатлев ее в форме исторических текстов. Так, коллективные

воспоминания членов одних социальных групп переходят в историческую память последующих поколений.

Существует и другое важное отличие исторической памяти, базирующейся на истории, от коллективной памяти. История едина и, если следовать сциентистскому взгляду Хальбвакса, можно сказать, что существует только одна история, с теми или иными различиями. Коллективных же памятей, с точки зрения Хальбвакса, множество — столько же, сколько существует групп, являющихся их носителями (Хальбвакс, 2005). Коллективная память не имеет той непосредственной связи с реальностью, какую обязано нести истинно историческое знание в его позитивистской трактовке. В эмпирических исследованиях последних десятилетий была убедительно доказана связь между характером коллективных воспоминаний и групповой идентичностью, а также актуальными потребностями исследуемых групп. К функциям коллективной памяти также относят поддержание групповой идентичности средствами «позитивного отклонения» в реконструкции событий в пользу своей группы. Таким образом, коллективная память — это «группа, рассматриваемая изнутри», память обеспечивает группе ее собственный образ, меняющийся во времени.

Однако в исторических работах, как было уже показано, нередко историческая память выступает как синоним коллективной, что создает терминологическую путаницу. Так, например, можно встретить определение: «Историческая память — это коллективные представления социума о прошлом. Эти представления очень противоречивы, они не выстраиваются в строгую иерархию или систему» (Колодий, 2013, с. 241). Встречается и термин «коллективная историческая память» (Коршунова, Поливанов, 2011), также используемый как синоним «коллективной памяти». Историческая память как феномен очень близкий к коллективной памяти, по мнению некоторых историков, представляет собой сознательное обращение к прошлому со всеми его положительными и отрицательными моментами. По сути, это попытка восстановить действительность происшедших событий, отраженных в исторической науке. Историческая память в этом случае является предметом исследования историков, цель которых — восстановить обыденный взгляд на события прошлого, а также философов, выясняющих основные тенденции и смысл исторического развития, отраженные в историческом сознании, и психологов, исследующих влия-

ние исторической памяти на личность и общество. Историческая память в этой трактовке представляет собой избирательные субъективные репрезентации исторического прошлого, фактически дублируя функции коллективной памяти.

Еще одно близкое понятие — социальная память. Концепт социальной памяти часто используется социологами, для которых он также служит аналогом коллективной памяти (напр., Миклина, 2015). В социальной же психологии под социальной памятью понимаются индивидуальные воспоминания о событиях собственной жизни, связанных с включенностью в социальную группу или совпавших по времени с общественно значимыми событиями. В последнем случае традиция изучения феномена «вспышек памяти» (flashbulb memories) активно продолжается социальными психологами (Brown, Kulik, 1977). Браун и Кулик обнаружили, что личные воспоминания людей, совпадающие по времени с какими-то важными политическими событиями (в их исследовании это убийство президента Кеннеди и др.), оказываются фотографически четкими, живыми и не похожими по своей ясности на все другие воспоминания. Эта линия исследований активно продолжается, в частности, в британской социальной психологии (Conway, 1997; Middleton, 1990). Подобного способа применения понятия социальной памяти мы будем придерживаться в нашей работе, отличая данный вид памяти от коллективной.

Массовая память рассматривается нами вслед за Денизой Жодле в качестве особой разновидности коллективной памяти, стихийной по форме и затрагивающей распространенные, эмоционально значимые для публики факты и чувства, возникающие в ответ на будоражащие общество события (Jodelet, 1992). Онтологическая и гносеологическая близость этих вариантов памяти нередко провоцирует их смешение, особенно в исторических работах (см., напр.: Левинсон, 1996). Между тем, будучи особой разновидностью обыденного исторического сознания, массовая память возникает как ответ на какое-либо событие, будоражащее общество и связанное с эмоционально значимыми фактами истории. Массовидный тип этого явления делает его стихийным, спровоцированным определенным общественным событием и кристаллизованным, как правило, на личности, вызывающей у публики сильные чувства. Его массовый характер определяется также тем, что он затрагивает какие-либо широко распространенные, разделяемые масса-

ми людей чувства, например, национальные. В качестве примера предмета массовой памяти Жодле приводит дело нациста Клауса Барбье, осужденного в 1987 г. во Франции за преступления против человечности (Jodelet, 1992). Проявления массовой памяти, по-видимому, тесно связаны с акциями определенных сил, которые актуализируют институциональную историческую память, в свою очередь, провоцирующую массовидные эмоциональные реакции. Взаимовлияния и взаимоотношения, в которые вступает коллективная память, в том числе массовая память с другими формами исторического сознания, остаются важнейшей проблемой, от решения которой во многом зависит понимание детерминант, механизмов и функций коллективной памяти.

Еще одно понятие, часто появляющееся в исследованиях последнего времени, — это понятие культурной памяти. Культурная память, на наш взгляд, — феномен более общий по отношению к коллективной, исторической и массовой памяти. Культурная память формируется в течение веков, передается по исторически устойчивым, традиционным каналам коммуникации и имеет высокую степень формализованности. Можно согласиться с Л. П. Репиной, что по своей сути культурная память представляет собой «хранилище культурных кодов, мифологических представлений, традиций, верований, эстетических воззрений и, следовательно, составную часть самосознания общества» (Репина, 2003, с. 21). С определенной точки зрения вся культура человечества может быть представлена как своеобразный надындивидуальный механизм хранения и передачи некоторых сообщений. Память культуры не только едина, но и внутренне разнообразна. Это означает, что ее единство существует лишь на некотором уровне и подразумевает наличие частных «диалектов памяти», соответствующих внутренней организации коллективов, составляющих мир данной культуры (там же).

Отдельно стоит оговорить вопрос соотношения коллективной и индивидуальной памяти. Индивидуальная память является предметом изучения общей психологии, которая анализирует память как процесс организации и сохранения прошлого опыта, делающий возможным его повторное использование личностью в деятельности. Для индивида память является связующим звеном между настоящим и будущим, становясь, таким образом, ключевым элементом развития и обучения личности. Носителем

коллективной памяти также является личность, но не сама по себе, а как член социальной группы, несущий в себе черты ее ментальности. Как пишет Хальбвакс, «когда коллективная память становится принадлежностью связанных общностью людей, то вспоминают отдельные личности, но как члены группы» (Хальбвакс, 2005, с. 130). Таким образом, коллективная память – это, прежде всего, память, опосредованная включенностью в определенную социальную общность.

Переход индивидуальной памяти в коллективную происходит через процесс коммуникации в обществе при помощи обмена информацией. Формы этого обмена могут быть самыми разными – устными, письменными, через ритуалы, художественные произведения, живопись, архитектуру и т. д. Однако, любые образы, включая образы прошлого, можно передать, только если они, как доказал Ф. Бартлетт, конвенциональны и упрощены; конвенциональны, потому что образ должен иметь одинаковый смысл для всех членов группы, а упрощены, поскольку они должны быть просты для транслирования. При этом одной из главных функций коллективной памяти можно считать консолидацию групп, которая играет основную роль в процессе самоидентификации социальной группы наряду с языком, религией, материальной культурой. Зафиксированные памятью ментальные следы событий в форме различных культурных стереотипов, символов, мифов выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в мире и в конкретных ситуациях.

Степень согласованности индивидуальных и коллективных воспоминаний варьируется. Содержание коллективной памяти может быть не понято либо проинтерпретировано искаженно. Тем не менее коллективная память, по мысли Хальбвакса, является общим ориентиром, с которым осознанно или неосознанно сверяется каждый член группы, формируя собственные представления о прошлом, т. е. каждая индивидуальная память становится точкой зрения на коллективную память. При этом, по Хальбваксу, и эти индивидуальные различия социально обусловлены, поскольку связаны с социальным положением и системой коммуникаций человека. Отметим, что и у Хальбвакса, и у его последователей коллективная память предстает, в противоположность мнению Дюркгейма, не надиндивидуальной духовной субстанцией, несводимой к сумме индивидуальных сознаний, а более сложной

и принципиально измеримой величиной, неотъемлемым атрибутом социальной группы. Как пишет Ф. Бартлетт, нужно исследовать «память в группе, а не память группы» (Bartlett, 1932 p. 294). Таким образом, изучение особенностей коллективных воспоминаний о прошлом через индивидуальные воспоминания представителей различных социальных групп представляется теоретически обоснованной и актуальной исследовательской задачей.

Отдельного обсуждения заслуживает вопрос соотношения понятий «коллективная память» и «социальное представление». В упомянутой работе Хальбвакс, по сути дела, не разграничивает их. Однако такая трактовка была оправдана в случае «коллективных представлений» в терминологии Дюркгейма. Будучи идейным последователем основателя французской социологической школы, Хальбвакс считал коллективные представления стабильными, переходящими из поколения в поколения ментальными конструкциями, цементирующими общество и обеспечивающими общественную солидарность. Коллективные воспоминания, в его понимании, наследуются внуками от дедов, т. е. передаются от поколения к поколению. Понятие социального представления было разработано С. Московиси значительно позже. В отличие от стабильных коллективных представлений Дюркгейма социальное представление (по Московиси) возникает, напротив, как ответ на динамичные «вызовы» информационного общества и решает проблему совладания с неопределенностью в бурном потоке информации. Коллективная память же призвана решать другие социально-психологические задачи — она актуализирует прошлые, уже свершившиеся события в контексте настоящего, а зачастую и «корректирует» прошлое. Ее функции, помимо прочих, — соотнесение прошлого с настоящим и создание основания для прогнозирования будущего.

Есть, однако, и другая точка зрения, которая принадлежит датскому социальному психологу Брэди Вагонеру, он включает коллективную память в структуру социальных представлений: «Социальные представления — носители коллективной памяти; через них прошлый опыт формирует настоящее. Таким образом социальные представления гарантируют социальным группам определенную степень преемственности во времени» (Wagoner, 2015, p. 143). На наш взгляд, эта позиция ведет к утрате специфичности самого феномена социального представления, основная функция которого не обеспечение преемственности групповой ментальности,

а интерпретация нового, ответ на вызовы настоящего. Разумеется, это не исключает опоры на коллективную память и в случае конструирования представления об актуальных событиях, и создания образа будущего. Автор структурного подхода к изучению социального представления, Ж.-К. Абрик считает коллективную память фундаментальной основой центральной части представления – его ядра (Abric, 1993).

Коллективная память встроена в континуум «представления о прошлом – о настоящем и о построении образа будущего». Конструирование образа будущего в условиях социальной турбулентности нуждается в опоре на прецеденты прошлого, в анализе логики развития общества. В этом контексте история для коллективной памяти становится своего рода конструктором, материалом, который используется для решения насущных задач и прогнозирования будущего. Для выстраивания такого временного континуума в общественном сознании существуют исторически обусловленные антиномии, направляющие сознание групп при коллективном воспоминании в ту или иную сторону, согласно особенностям социальной идентичности, групповым потребностям и т. п. Уже существующие в менталитете антиномии используются для того, чтобы придать политический смысл историческому событию или персоне. При тоталитарном режиме набор таких антиномий ограничен: «пролетарский/буржуазный», «народность/антинародность» и т. п. В более демократичных обществах он значительно шире: например, «этатизм/гуманизм», «либерализм/консерватизм», «глобализм/национализм», «авторитаризм/демократизм» и др. Набор антиномичных признаков специфичен для исторического момента и для группы, он контекстуально обусловлен. К оценке значимых фигур прошлого, великих исторических событий в разные периоды отечественной истории группы общества подходили с разными «мерками» и, разумеется, используя разную модальность оценок.

ГЛАВА 2

История и современный этап изучения коллективной памяти в социальной психологии

2.1. Концептуальная разработка понятия коллективной памяти

Категория коллективной памяти возникла в недрах французской социологической школы. Научное наследие Э. Дюркгейма содержит множество идей, развитых впоследствии его учениками, идей, давших начало новым направлениям в современных социальных науках. Среди них идея о механизмах устойчивости и стабильности общественного устройства. Анализу коммеморативных практик, закрепленных в ритуалах, их решающей роли в поддержании стабильности первобытного коллектива Дюркгейм посвятил значительную часть своего масштабного труда «Элементарные формы религиозной жизни». Кроме того, его идея коллективных представлений, цементирующих сознание общества и передающихся из поколения в поколение (Дюркгейм, 1995), также наводит на мысль о существовании коллективной памяти общества. А. Г. Васильев отмечает: «Дюркгейм оставил своим продолжателям следующее представление о коллективной памяти: это социально сконструированное пространство прошлого, наполненное коллективными воспоминаниями, носящими внеиндивидуальный сакральный характер» (Васильев, 2014, с. 162).

Морис Хальбвакс развил идею Дюркгейма о механизме передачи традиции. Он придавал большое значение семейной памяти и взаимоотношениям дедов с внуками как гарантии непрерывности социальной жизни. Феноменологический акцент в методологии позволил Хальбваксу более гибко, чем его учитель, соотнести коллективную память с индивидуальной. В системе Хальбвакса коллективная память — это уже не духовная субстанция, несводимая

к сумме индивидуальных психических явлений, а атрибут социальной группы, который становится основным предметом социальной психики. Коллективная память для него — это некий общий ресурс, из которого разными индивидами извлекается разное содержание. По мнению современных авторов (Paetz et al., 1997), идея Хальбвакса о «социальности» коллективной памяти имеет несколько аспектов: во-первых, память социальна по причине ее интерсубъективного содержания, т. е. люди помнят о прошлом, прежде всего, в связи с другими людьми. Во-вторых, вспоминая, люди чаще всего используют своего рода опорные точки в виде социальных событий, причем разные социальные группы используют разные точки отсчета. Каждая социальная группа предоставляет своим членам определенные «социальные критерии», посредством которых они узнают и вспоминают мир. Эти социальные критерии действуют, даже когда индивид один. В-третьих, социальный характер памяти обусловлен ее языковой природой, ведь коллективная память основана во многом на речевых повторах, имеющих важные социальные функции. Коммуникативный процесс позволяет разделить индивидуальный опыт с другими, и это еще одно доказательство социальной природы памяти. Так, в современных исследованиях было показано, что люди связывают индивидуальные воспоминания о своей жизни с одними и теми же событиями общественной жизни.

Кроме того, память социальна благодаря своим функциям. Так, коллективная память помогает людям обрести социальную идентичность через интернализацию общих традиций и коллективных представлений, разделяемых группой. Причем если представление о прошлом имеет позитивный смысл «золотого века» — это глобальная, или ностальгическая, функция. Вторая социальная функция связана с целями и потребностями группы, в этом смысле коллективная память — это своего рода реконструкция прошлого в соответствии с целями настоящего в жизни группы. Думается, не будет преувеличением сказать, что идеи Хальбвакса о многочисленности функций коллективной памяти продолжают вдохновлять современных психологов (Paetz et al., 2016). Данная тема разрабатывается как в плане уточнения социально-психологического содержания понятия коллективной памяти, его соотнесения с близкими понятиями социальной и массовой памяти, так и в плане разработки адекватной методологии эмпирических исследований.

Хальбвакс уточнил и детализировал понимание коллективной памяти не просто как механизма, обеспечивающего общественную солидарность, но и как явления, создающего базу для органичной включенности человека в ткань социальной жизни. Хальбвакс вводит понятие социальных рамок памяти (Хальбвакс, 2007) именно для того, чтобы объяснить, каким образом образуется неразрывная связь индивидуальной и коллективной памяти. Социальные рамки — это своего рода каркас, на который нанизываются индивидуальные воспоминания, приобретая смысл, опору и логическую связность. Социальные рамки задаются коллективной жизнью, но при этом коллективы могут быть разными по своим характеристикам. Семья задает одни рамки, религия — другие. Человек включен в разные коллективы, и поэтому социальные рамки его памяти многообразны. Ввиду множественности таких интересубъективных пространств человек является носителем сложного комплекса образов коллективной памяти в конкретном культурном контексте. Кстати, понятие интересубъективности в 1940–1950-е годы успешно разрабатывалось в психологической антропологии и трактовалось как поле взаимопонимания, в котором существует общее культурное знание (Лурье, 2003). Хальбвакс решает две теоретические задачи: создает основу понимания социальной природы индивидуальной памяти и обосновывает понятие коллективной памяти как общего для членов группы содержания образов, базирующихся на единых, культурно обусловленных социальных рамках. Он интерпретирует функционирование коллективной памяти через использование феномена социальных групп. Во главу же угла своих рассуждений о закономерностях и механизмах коллективной памяти он ставит семью. Передача воспоминаний от дедов внукам трактуется Хальбваксом как основной механизм трансляции коллективной памяти. Хальбвакс впервые в науке придал решающее значение семье как группе — носителю коллективной памяти. Более того, именно такие социальные структуры, как семья и религия, согласно его теории, существуют благодаря механизму коллективной памяти. По словам Хальбвакса, «рассматривая свое прошлое, группа чувствует, что она осталась той же, и осознает свою самоидентичность во временном измерении» (Хальбвакс, 2005, с. 22).

Характеризуя коллективную память в качестве социального феномена, Хальбвакс подчеркивает ее избирательность. Личные воспоминания имеют тенденцию к исчезновению в случае, если

они не повторяются, не вызываются в памяти вновь и вновь. Вероятность их повторения зависит от того, наделяли ли их коллективной функцией «социальные рамки» памяти. Так, автобиографические воспоминания могут выжить лишь в случае, если они отвечают каким-то институциональным нуждам. Но, по Хальбваксу, те воспоминания, которые стали достоянием коллективного сознания, вовсе не могут считаться ненадежными в том, как они отображают события прошлого. Скорее дело заключается в том, что некоторые события, переработанные коллективной памятью, приобретают своего рода вечное значение, и в силу этого вспоминаются чаще и дольше по сравнению с огромными массами происшествий, которые обречены на забвение, а отчасти и за счет этого забвения. Иначе говоря, Хальбвакс допускал, что коллективное запоминание и забвение зависят друг от друга и взаимно друг друга конституируют.

Согласно принципам французской социологической школы, Хальбвакс строго разграничивал коллективную память и историю. История – это наука, она содержит объективное знание о прошлом, память же «привязана» к определенной группе с ее социальными «рамками». В работе «Социальные рамки памяти» Хальбвакс писал о том, что история фиксируется в книгах, учебниках, в которых важные события прошлого селективируются по определенным правилам и в интересах определенных групп. Эти трактовки далеко не всегда совпадают с живыми воспоминаниями.

В основании размышлений Хальбвакса лежала не проблема фактичности прошлого, которую он, будучи представителем французской социологической школы, не подвергал сомнению, но скорее его интерес к привилегированному статусу особых моментов прошлого. Он показывает, например, что ключевые моменты христианского календаря связаны с памятью об исторической фигуре Иисуса Христа. В связи с этим он задается вопросом, как объяснить, что христианская религия, полностью ориентированная на прошлое, как и все религии, может тем не менее существовать в качестве постоянного института, заявляя о своем вневременном статусе, и что христианские истины могут быть и историческими, и вечными. Социолог предполагает, что ощущение вечности, связанное с памятью о Христе, возникает в силу различий в рамках осознания времени, в силу изоляции религиозной памяти от общего потока постоянно меняющегося человеческого опыта.

Второй важный пункт теории Хальбвакса состоит в интерпретации функционирования механизма коллективной памяти: превращая то или иное событие в источник нравственной рефлексии, в средоточие нравственных уроков, адресованных будущим поколениям. Отрицая саму возможность сопоставления данного события с любыми другими историческими происшествиями, коллективная память наделяет это событие статусом позитивности и сакральности. Феномен коллективной памяти сближает между собой профессиональное и массовое историческое сознание, поскольку, как бы ни были аполитично настроены профессиональные историки, их первоначальный интерес к истории возникает в результате контакта с коллективными воспоминаниями. посредством коллективной памяти возникает эмоциональная вовлеченность в прошлое. Так, культивируемое почти в каждом социуме широкое знакомство детей с такими компонентами коллективной памяти, как памятные места, религиозные ритуалы, фольклор, семейное древо, призвано будить в них чувство исторической укорененности, уважения к прошлому. От эмпатии происходит любопытство, стремление узнать о тех или иных исторических фигурах, событиях, и это любопытство становится основанием индивидуального интереса к истории. Усилению интереса к коллективной памяти может способствовать сосуществование в социуме взаимоисключающих картин недавнего прошлого, рисуемых этническими или социальными группами. Реальность прошлого, проявляющаяся в индивидуальной памяти, не просто копия доступных описаний. Она часто возникает внутри более или менее широких общностей и групп, объединенных памятью о тех или иных событиях.

Основная мысль, которая прослеживается в работах Хальбвакса, заключается в следующем: то, что принято считать индивидуальным, на самом деле социально, оно входит в сферу гражданской ответственности и может регулироваться методами социальной инженерии (Хальбвакс, 2005). Ученый выделяет два типа воспоминаний – социально санкционированные («ориентиры» в терминах Хальбвакса) и стихийные социальные, которые также программируются обществом. При этом Хальбвакс не разделял идеи Дюркгейма о существовании стоящего над индивидуальным сознанием коллективного разума, а скорее делал акцент на социальной природе памяти. Носителями коллективной памяти, по мнению Хальбвакса, являются группа и личность. В теоретических

рассуждениях Хальбвакса в работе «Социальные рамки памяти», изданной в 1925 г., коллективная память предстает как динамически изменяющиеся социальные рамки, определяющие избирательность фиксирования, воспроизведения и оценки событий и фактов прошлого.

Центральный тезис теории Хальбвакса заключается в утверждении социальной обусловленности памяти, в частности, припоминания и забвения. Язык трактуется Хальбваксом как «минимальная рамка», как часть социального фона, которая не может быть изменена по собственному индивидуальному желанию. В эту рамку помещена и работа памяти: «Словесные конвенции образуют и самую элементарную, и самую устойчивую рамку коллективной памяти» (Хальбвакс, 2005, с. 118). Кроме того, социальную природу памяти обуславливает необходимость включенности в коммуникативный процесс для разделения собственного индивидуального опыта с другими людьми. Современные исследования подтверждают, что люди используют одни и те же события общественной жизни для ориентации в своих индивидуальных воспоминаниях.

Хальбвакс указывает на множественность вариантов коллективной памяти, поскольку каждая группа формирует собственную версию коллективных воспоминаний, что и делает группу группой. Согласно идее Хальбвакса, коллективная память обеспечивает групповую идентичность: в ней фиксируются события, укрепляющие позитивный образ группы, обеспечивая, таким образом, ее единство, в то время как факты, угрожающие ее целостности, удаляются либо переосмысливаются.

Таким образом, Хальбвакс подчеркивает объединяющий характер коллективной памяти, но указывает также на ее ненадежность и избирательность. Факты прошлого, наделенные особым нравственным смыслом, становятся идеалами для будущих поколений, при этом такой их статус отрицает возможность сопоставления с другими историческими событиями и пересмотра сложившейся точки зрения.

Такое некритическое отношение к феноменам коллективной памяти наблюдается у каждого народа при знакомстве детей с памятниками прошлого, обеспечивающими эмоциональную вовлеченность в процесс осознания этого прошлого. Интерес к нему может затем перерасти в стремление узнать больше и в понимание необходимости критического отношения на основе сопостав-

ления данных нескольких источников. Однако критика не всегда является следствием интереса к истории, поскольку коллективная память, как правило, дает завершённую и полную картину событий, не требующую привнесений. Основанием для переосмысления положений коллективной памяти может служить наличие в обществе нескольких конкурирующих точек зрения на историю.

В более поздних работах Хальбвакс значительно больше внимания уделяет пространственно-временным конструкциям памяти, что приводит его к пониманию коллективной памяти как сплошного континуального потока (Хальбвакс, 2007). Кроме того, он подчеркивал значение речи как инструмента «совместного мышления» людей (Хальбвакс, 2007, с. 87).

Особую проблему составляет тот компонент коллективной памяти, который связан с осмыслением недавнего прошлого. В этой связи Хальбваксом описан синдром «запаздывающей памяти», состоящий в том, что крупные исторические события, сильно травмирующие историческое сознание, подвергаются относительному забвению или вытеснению в течение 15 лет. Именно потому, что они связаны с ближайшим прошлым, память о котором имеет своих непосредственных носителей, процессы пересмотра и переинтерпретации истории не сводятся к более или менее объективной переоценке документальных свидетельств или смене теоретической парадигмы. Они вовлекают индивида в процесс пересмотра своей прошлой жизни, в переопределение своей идентичности, а иногда (как в случае молодого поколения) и в процесс конфронтации с родительским наследием.

В британской психологии проблематику коллективной памяти разрабатывал Ф. Бартлетт. Одна из его ключевых идей состоит в том, что память несводима только к воспроизведению, в большей степени она является реконструкцией прежнего опыта. Наиболее известным трудом Бартлетта считают его книгу «Remembering» (Bartlett, 1932), в которой автор описывает серию экспериментов по влиянию социальных факторов на память. В отличие от принятых в то время методов с использованием запоминания бессмысленных слов, Бартлетт берет в качестве стимулов осмысленные слова для выявления того, как прошлый опыт влияет на ассимиляцию новой информации. Опираясь на данные за более чем пятнадцатилетний период Бартлетт убедительно доказал, что людям свойственно постоянно преобразовывать факты. В свете нового со-

циального опыта имеющаяся схема знаний о прошлом меняется, что позволяет автору описать процесс формирования воспоминаний в виде динамической структуры, в которой интерпретируется переживаемое настоящее. Как справедливо полагает Б. Вагонер, Бартлетт фокусировался на том, как социальные смыслы и взаимоотношения входят в воспоминания индивидов. Его подход включает комплексное взаимодействие между интересами, предыдущим опытом, членством индивида в группе и социальной средой (Wagoner, 2015, p. 146).

Бартлетт подчеркивает важнейшую роль процесса конвенционализации, за счет которого приводятся в соответствие воспоминания и условия жизни группы, в которых они формируются. В эксперименте он давал своим английским студентам и коллегам фрагменты индейского эпоса и просил пересказывать их через увеличивающиеся промежутки времени. При воспроизведении «охота на тюленей» была заменена «рыбалкой», «каноэ» — «лодками» и т. п. Таким образом, инородные культурные элементы трансформировались в направлении традиций и обычаев группы реципиента (Bartlett, 1932). Нельзя не отметить схожесть этих механизмов с фрейдовским вытеснением, замещением и сокращением (Paetz et al., 1997). В соответствии с последующей традицией оперирования категорией «схемы» она рассматривается как система представлений о предшествующем опыте, составляющем некоторую логическую совокупность элементов.

В работах Бартлетта обосновывается реконструктивный характер памяти, а также особая роль групповой включенности при формировании способов организации памяти. Социальная структура, по Бартлетту, является важнейшей детерминантой процессов памяти: «Общественная организация представляет собой устойчивую структуру, в рамках которой возникают воспоминания, и она очень сильно влияет как на способ, так и на предмет воспоминания» (Bartlett, 1932, p. 296).

Именно Бартлетт впервые использует понятие «схема» — это активная организация прошлых реакций или прошлого опыта, способствующая сохранению культуры и дающая возможность трансформации (Bartlett, 1932). Такая схема по своей сути — реконструкция прошлого, основные процессы которой, как уже говорилось выше, — это выравнивание, акцентуация, ассимиляция и конвенционализация, т. е. реконструирующая когнитивная ра-

бота с понятиями, образами. По мнению Бартлетта, главная задача этих механизмов – приспособление воспоминаний о травмирующих событиях к преобладающим в данный момент ценностям и убеждениям, сохраняя, таким образом, позитивный образ прошлого. Результатом действия этих механизмов становится сокращение и упразднение наименее выигрышных либо травмирующих событий, а также акцентирование и актуализация других, релевантных общей схеме воспоминания. Соответствие историческим фактам при этом отходит на второй план и становится необязательным.

Процессуальный характер работы памяти был в своем роде революционной идеей Бартлетта – хотя он не применял ее к дискурсам о коллективном прошлом. По Бартлетту, припоминание является именно процессом реконструкции: люди не извлекают ранее существовавшие воспоминания, архивированные в неизменном виде, а активно реконструируют прошлое с помощью культурных схем. Именно этот концептуальный подход к коллективной памяти был применен спустя много десятилетий в начале XXI в. под именем нарративной концепции. Целый ряд авторов (Brockmeier, 2002; Hirst, Echterhoff, 2012; Wagoner, 2012; Wertsch, 2008), опираясь на идеи Бартлетта, рассматривают коллективную память как «рассказы», «истории», конструируемые людьми во взаимодействии с другими, и выстраивают дискурс на тему исторических событий, но в рамках существующего культурного контекста. Продолжая эту логику рассуждений, К. де Сен-Лоран тем не менее считает, что коллективная память – это не нарратив, нарративы представляют собой лишь способ организовать прошлое и транслировать его. Коллективную память же она предлагает (Saint-Laurent, 2017) концептуализировать как социальное действие, выполняемое с другими и для других. Она определила акт памяти как акт обсуждения, как повествование, описание или интерпретацию чего-то, что произошло в прошлом. Это подразумевает понимание памяти как действия, как социального акта, который следует определенным нормам и требует по крайней мере двух взаимодополняющих сторон, чтобы он мог состояться, а не как ментального процесса. Коллективная память в такой трактовке – это коллективное прошлое, которое разыграно и актуализировано в дискурсах, практиках и артефактах. Поскольку прошлое всегда открыто для интерпретации и наше отношение к нему всегда эволюционирует, акт коллективной памяти

предлагает лишь определенную версию прошлого, которая обладает способностью меняться (ibid.).

Думается, автор справедливо отмечает, что предлагаемый ею подход не противоречит уже сложившейся практике изучения коллективной памяти как передачи и трансформации воспоминаний. Акцент на актах коллективной памяти, на ее процессуальной стороне задает новый поворот в исследовании, который требует разработки и теории, и адекватных методов.

Отдельно отметим психоаналитическую традицию исследования коллективной памяти. Одним из первых возможность существования коллективных образований психики признал К. Юнг (Юнг, 1994). Согласно его представлениям, врожденное бессознательное человека представлено совокупностью латентных следов памяти предшествующих поколений, архетипами (мощными первичными психическими образами). Они отвечают за осуществление универсальных моделей восприятия, мышления и действия в ответ на стимул и отражены в произведениях культуры, но без наличия специальных знаний человеком не осознаются. В стихийном слиянии личного и коллективного бессознательного Юнг видел причину неврозов своих пациентов, подчеркивая необходимость попыток переработать и понять архетипичные образы.

В своей работе «Психология бессознательного» он выделяет «личное» и «сверхличное» или «коллективное» бессознательное: «В каждом отдельном человеке есть великие „изначальные“ образы... то есть унаследованные возможности человеческого представления в том его виде, каким оно было издавна» (Юнг, 1994, с. 105). Это более глубокие слои бессознательного, где содержатся общечеловеческие, изначальные образы, которые Юнг назвал архетипами. Он отмечал, что коллективное бессознательное отделено от личного и является абсолютно всеобщим. По происхождению архетипы более древние и составляют так называемый «первичный рисунок» для каждого человека, повторяющийся опыт человечества. Коллективное бессознательное как «оставляемый опытом осадок и вместе с тем как некоторое его, опыта, априори, есть образ мира, который сформировался уже в незапамятные времена» (Юнг, 1997, с. 141). Хранение архетипов в коллективном бессознательном осуществляется в форме «наследственных категорий».

Юнг считал, что при слиянии личного и коллективного бессознательного происходит расширение личности, ведущее к «со-

стоянию инфляции». В таком слиянии он видел одну из причин возникновения неврозов у своих пациентов. Однако осознание содержания коллективного бессознательного и его отделение от личного позволяет ассимилировать архетипические образы, переработать их и понять.

При идентификации личности с коллективной психикой архетипические образы возвышаются до «уровня системы» (Юнг, 1997, с. 231). Человек утрачивает духовную свободу и возводит себя до уровня «пророка» или «ученика пророка», постигшего истину, «которая все еще не открыта, то окончательное знание, которое является благом для народов» (там же, с. 231). Таким образом, бессознательное действует внутри психики как энергия, имеющая символические формы выражения. Их можно понимать как набор имеющихся в бессознательном определенных признаков, или предрасположенностей, которые при известных условиях активизируются и вторгаются в сознание в виде энергетических потоков, принимающих там наглядные символические формы или выражающихся в стереотипных реакциях и способах поведения.

В итоге бессознательное объявляется Юнгом коллективным, в том числе и его личная часть, отделяющая сознание от более глубоких слоев бессознательного. Смысл индивидуации состоит в выделении личности из коллективного основания собственной психики, иначе говоря, «во втором, духовном рождении человека», возникновении психически самостоятельного и, таким образом, способного к саморазвитию существа. Однако сам по себе возрастающий уровень сознательности в ходе истории развития человека отнюдь не гарантирует, что «психическую жизнь человека нельзя свести к коллективным ее формам» (Юнг, 1994, с. 14). Сознание может оставаться сознанием, но при этом быть одержимым содержаниями бессознательного, отдавая себе отчет в чем угодно, только не в этой своей одержимости. Именно это и происходит, по Юнгу, в современном обществе с его массовой культурой, подавлением личности и тоталитарными государствами. Даже демократия с ее стремлением к поощрению индивидуальных свобод не защищает человека от влияния коллективного начала, ведь она изначально ориентирована на власть большинства. Трагизм современной ситуации, по Юнгу, состоит в том, что упоенное прогрессом и благополучием нынешнее общество не замечает и не желает замечать

«смерти личности и собственного окончательного вырождения» (Юнг, 1994, с. 15).

Это признание потенциально проблематичного характера коллективной памяти уже предвещает изменение методологической перспективы, характерное для современных работ о данном явлении. Психоанализ создал понятия для осмысления различных связей прошлого и афферентных психических механизмов: бес-сознательное, вытеснение, возврат к вытесненному. Эти понятия, взятые в единстве, могли бы читаться как широкая программа исследований в области памяти и забвения.

Значительный вклад в осмысление коллективной памяти был внесен франкфуртской школой и ее влиятельным представителем Т. Адорно, который ввел при изучении данного феномена в послевоенной Германии понятия коллективного самообмана и разрушения памяти. Всеобщий призыв к «переоценке прошлого» основывался на чувстве вины и стыда по поводу событий холокоста, на желании сформировать позитивный образ в глазах мировой общественности, более того, на неспособности признать крушение нацистской мечты, которой в период правления Гитлера поддалось большинство немцев (Турбина, 1998). Таким образом, оказывается, что коллективная память теснейшим образом взаимосвязана с национальной идентичностью. Коллективная травма в постнацистском обществе Германии неоднократно становилась предметом социологического и философского изучения. Так, Ю. Хабермас выделил два существенных вектора в осмыслении германским обществом нацистского прошлого:

- коллективный процесс обсуждения, посредством которого общество стремится к более полному пониманию самого себя в контексте новейшей истории;
- необходимость приложения усилия в осмыслении индивидуальной виновности в произошедшем.

Исследования коллективной памяти как исторического феномена в 1980—1990-е годы отличает интенсивность и многоплановость, а также тот факт, что они ведутся параллельно с нарастанием общественного увлечения памятью. Современная ситуация в сфере межнациональных отношений неизбежно влияет на трактовку общего прошлого. «Нарастание значимости в социальном дискурсе проблематики многообразия и мультикультурализма также уси-

лило интерес к групповой памяти и общим традициям» (Турбина, 1998, с. 641). Само складывание и упрочение групповой и, прежде всего, этнической идентичности тесно связано с существованием собственно исторической памяти, реальной или воображаемой. Для такого рода этнической памяти характерна сосредоточенность не только на последовательности тех или иных событий, но и осознание всей «совокупности инстинктов, чувств, откровений, ожиданий, моделей эмоций и поведения; чувство реальности, набор рассказов для индивидуумов и для народа в целом, чтобы их прожить» (там же, с. 642).

Эта линия рассуждений развивается Джеймсом Верчем в его концепции схематических нарративных шаблонов (Верч, 2009, с. 52), которую он создал на основе идей Ф. Бартлетта и В. Проппа. Так, считает Верч, в частности, «традиционный русский схематический нарративный шаблон» заключается в том, что в ответ на вероломное нападение врага народ благодаря самоотверженности и героизму победно изгоняет его со своей территории. Именно этим нарративным шаблоном воспользовался, по мнению Верча, Сталин для психологической мобилизации населения СССР в сложный период Великой Отечественной войны (там же, с. 48–51). Думается, что, как и любая схематическая конструкция, эта концепция упрощает понимание механизмов работы коллективной памяти. Называя этот шаблон русским, автор вводит национальную характеристику ментальной схемы как основную, в которой нет места многочисленным вариациям по признакам народностей, поколений, страт и других групповых характеристик. Кроме того, выдвижение некой ведущей «традиционной» схемы, на наш взгляд, сильно упрощает феномен коллективной памяти, который не подчиняется механизму простой схематизации. Скорее, основной его чертой должна быть признана подвижность в соответствии с контекстом общественной ситуации и изменчивость во времени.

Принцип социальной обусловленности психической жизни в отечественной науке разрабатывался в трудах Л. С. Выготского. Выготский затрагивал тему зависимости воспоминаний людей о своем прошлом от своего окружения в настоящем, особенно подчеркивая роль языка как символической системы, являющейся социально обусловленным механизмом управления памятью. Л. С. Выготский определяет память как важнейшую характеристи-

ку высшей нервной деятельности, обеспечивающую запоминание (запечатление), сохранение, узнавание, воспроизводство информации (Выготский, 1982). При этом возникновению воспоминания предшествует непростая работа памяти по обработке информации, поступающей в мозг от органов чувств и восприятия. На уровне сознания сначала существуют только впечатления, фрагменты, картинки. Они отрывочны, содержат смысловые пробелы и часто эмоционально окрашены. С течением времени из них составляются настоящие воспоминания. Важнейшим из условий превращения отдельных фрагментов в связные воспоминания является наличие социального окружения или так называемые рамки памяти. Придание воспоминаниям смысла происходит под воздействием усвоенных человеком привычек, взглядов, обычаев, способов мыслить и видеть мир, так называемых ментальных конструкций, иначе говоря, под влиянием культуры, социального начала в противоположность биологическому. Как отмечает Выготский, с этой точки зрения память социальна и несоциальной быть не может. Воспоминания несут в себе не только личный опыт, но и опыт социальной группы, передающийся человеку посредством обучения. Впоследствии идеи Выготского использовались во многих, в том числе зарубежных работах, посвященных коллективной памяти (Верч, 2009; Pennebaker, Banasik, 1997; и др.).

С. Л. Рубинштейн в 1935 г., опираясь, по его словам, на идеи Хальбвакса, размышлял о психологии субъекта, об исторической памяти: «Наши воспоминания обычно относятся к ситуациям, в которых принимают участие другие люди, хотя бы нашего ближайшего окружения и часто основные вехи нашей жизни определяются событиями общественно-политической жизни... Внутри этих социальных рамок мы впоследствии и осуществляем локализацию наших воспоминаний» (Рубинштейн, 1935, с. 283).

Очередной всплеск интереса к коллективной памяти совпадает с окончанием Второй мировой войны. В этот период западные общества, принадлежавшие к нацистской коалиции или сотрудничавшие с ней, вновь переживают кризис памяти, пытаются, как уже говорилось, осмыслить события военных лет. В Западной Германии возникает понятие «преодоление прошлого» (Бабинцев, Поддубная, 2011), относимое к Третьему рейху.

Эта тенденция продолжает развиваться и в 1970–1980-е годы XX в. Пьер Нора вводит в обиход науки понятие «работа памяти»

(Нора, 1999). Он же способствует постановке одного из главнейших вопросов в исследовании коллективной памяти — о связи последней с групповой идентичностью. Коллективная память, согласно представлениям Нора, развиваемым вслед за Хальбваксом, не сводима к памяти индивида, не смешивается с ней, но образует общее групповое видение исторической действительности. Главным трудом этого автора называют книгу «Места памяти», выпущенную совместно с коллективом авторов в эпоху «мемориального бума» 1980-х годов. В ней П. Нора говорит о связи исторической идентичности Франции с рядом «памятных мест» — с теми эмблемами, памятниками, праздниками, учебниками и архитектурой и многими другими символами, которые способствуют сохранению памяти о прошлом, возникающими, «когда больше не осталось реальной памяти среды» (Нора, 1998). По мнению автора, прошлое реконструируется и создается заново, результатом чего становится конструирование исторических ландшафтов — «памятных мест», представляющих собой продукты коллективной памяти. Значение памятного пространства для сохранения следов коллективной памяти подчеркивает и Б. Вагонер: «В связи с коллективной памятью можно сказать, что воспоминания группы становятся объективированными в окружающей среде. Например, площадь хранит память о протестах еще долго после конфликта и может использоваться как сцена для протестов по новым поводам, таким образом имплицитно связывая новую борьбу со старой. Так место становится частью коллективных ресурсов группы для якорения новых идей» (Wagoner, 2015, p. 154). «Более того, эти места можно использовать, чтобы якорить новые знания — например, смысл новой пьесы раскрывается на фоне пространственно организованной системы смыслов, объективированных в предыдущих постановках, происходивших на этой же сцене» (там же, с. 155). Вагонер приводит в качестве примера революционные преобразования во Франции: «Французская революция предоставляет иллюстрированный кейс стадии попытки революционеров трансформировать структуру общества через реорганизацию пространства. Во время революции церкви и дома богатых воспринимались как оскорбление республиканского духа. Пантеон в Париже был превращен в символ Просвещения путем захоронения там знаменитых людей и размещения научных символов, хотя изначально он был задуман как грандиозный религиозный символ (там же, с. 156).

Проблему закрепления следов памяти поднимал и Марк Блок, признавая величайшее значение работ Хальбвакса, он высказывал сожаление о том, что в них недостаточно освещены механизмы передачи коллективной памяти (Блок, 1986). Блок и сам коснулся понятия коллективной памяти в своих исследованиях средневековья, подчеркивая ее определяющий характер для воззрений людей данной эпохи. Обсуждая понятие коллективной памяти, Блок в первую очередь относил к ней письменные источники, материальные свидетельства, литературные произведения, эпос, мифологию и т. д. Именно особенности коллективной памяти, с точки зрения этого автора, определяют характер воззрений представителей той или иной исторической эпохи.

Изучением культурной памяти в начале XX в. занимался Аби Варбург. Согласно его представлениям, символами культуры являются произведения искусства, характерные для определенной эпохи; целью Варбурга было создание науки о средствах выражения смысла культуры через изобразительные детали. Проявления культурной памяти Варбург видел в изображениях, типичных для культурного наследия той или иной эпохи и страны. Важной задачей для историка он считал изучение магистральных линий культурной памяти.

Идеи Варбурга в конце XX в. получили развитие в работах немецкого историка Яна Ассманна (Ассман, 2004). На основе изучения древних культур ученый разрабатывает теорию культурной памяти и доказывает необходимость создания научного направления для изучения данного феномена — истории памяти. Согласно представлениям Ассманна, именно культура отражает и транслирует смыслы, управляя жизненной практикой людей. Отдельной заслугой Ассманна можно считать разработку классификации форм коллективного припоминания. В частности, он разделил коллективную память на два вида — коммуникативную и культурную. Коммуникативная память включает в себя воспоминания из недавнего прошлого (80–100 лет), поддерживается повседневным общением и относительно недолговечна: она существует, как правило, на протяжении всего трех поколений. Эта память может быть обозначена как «живая память», «история снизу». Под культурной памятью Ассманн понимает «культуру запоминания и забывания, нацеленную на отбор и хранение знаний о наиболее значимом для социума прошлом» (там же). Культурная память более

формализована и возникает в процессе церемониального, а не обыденного общения. Формами фиксации в данном случае выступают тексты, изображения, монументальные постройки и ритуалы. Носитель культурной памяти – профессионал, жрец или служитель, а не просто современник.

Таким образом, согласно идее Ассманна, культурная память – не фактическая, а воссоздаваемая в символических фигурах, прошлое в ней приобретает форму мифа и поддерживается с помощью праздничных церемоний и ритуалов. Культурная память не распространяется сама собою, а нуждается в специальных механизмах и институтах трансляции, следовательно, за ней осуществляется контроль чрез государственную и иную общественную политику. Одна из ее важных функций – поддержание идентичности и упорядочивание социального опыта. Культурная память обладает групповой обусловленностью, она выступает условием самоидентификации, стабилизации и единения членов группы или социума и актуальна в наличной общественной ситуации. Сплачиванию группы служит и формируемая коллективной памятью символика, отделяющая ее членов от «чужих».

Рассматривая вопрос о возникновении культурной памяти, Ассманн выделяет память живых об усопших как важнейшую форму осознания границы между прошлым и настоящим и предпосылку для возникновения культурных воспоминаний, обрядов и социальных институтов. Так, в средневековье мертвые становились субъектами общественных отношений, поскольку в обществе закрепилось убеждение в том, что человеческая жизнь не прерывается после смерти.

Если Хальбвакс рассматривал изучение коллективной памяти как главную цель исторической науки, то Ассманн считает, что необходимо разделить предметы исторической науки (или «истории фактов» в его терминологии) как таковой и истории памяти. Последняя должна сосредоточиться на изучении воспоминаний и их динамики в целях анализа феноменов культурной памяти, в частности – на забытых и зафиксированных в памяти группы событиях, на том, какой смысл прошлому придает настоящее. Ассманн считает центральной задачей анализ не исторических фигур, а традиции воспоминаний о них.

Ассманн развивает мысль Хальбвакса об опосредовании прошлого настоящим и утверждает, что культурная память есть фено-

мен, постоянно функционирующий, реконструирующий и адаптирующийся к настоящему под воздействием актуальных потребностей группы. Воспоминания определяют идентичность членов группы, являясь информацией не об объективном прошлом, а о том прошлом, которое хранится и развивается в рамках культурной памяти. Таким образом, последняя является формой рефлексии самой науки, ее условий и возможностей научного познания.

Среди исследований конца XX века важны работы Г. Шумана и Ж. Скотт, ориентированные на более узкие аспекты в изучении коллективной памяти. Так, в частности, ими освещается проблема влияния событий, произошедших в период «юности поколения» (17–25 лет) на его дальнейшую судьбу (Шуман, Скотт, 1992). Ученые основываются на мысли о том, что воспоминания поколения о прошлых событиях носят осознанный характер и поэтому способны влиять на его актуальное поведение. Они употребляют термин «когорты» для обозначения совокупности индивидов, существующих внутри популяции и переживших в одном и том же интервале времени одни и те же события.

Опираясь на концепцию К. Мангейма, американские исследователи Шуман и Скотт провели любопытное исследование, в котором сравнили воспоминания представителей разных возрастных когорт (Шуман, Скотт, 1992). Несмотря на явно социологический характер, оно имеет ценность для расширения социально-психологических представлений о феномене коллективной памяти.

В рамках указанного направления термин «поколение» трактуется скорее социально, чем биологически. В тех обществах, где редки преобразования и изменения происходят медленно (например, в традиционных обществах, крестьянских общинах), специфических поколений может и не образоваться. Авторы полагают, что истинные поколения формируются только тогда, когда возрастную когорту можно четко демаркировать в терминах ее социально-исторического сознания. Процесс формирования самобытного поколения продолжается несколько лет. Границами поколения авторы называют позднюю юность (17 лет) и ранний период взрослости (25 лет), полагая, что именно в этот момент у человека формируются собственные взгляды на общественно-политические явления.

Шуман и Скотт предлагают различать два значения термина «коллективная память». В узком смысле это персонифицированные (пропущенные через личный опыт или переживание) коллек-

тивные воспоминания. В более общем смысле – это коллективное восприятие и коллективные оценки, значимые для формирования будущего поведения членов данного поколения. Используя методику незаконченных предложений, авторы изучили воспоминания о событиях последних 50 лет у представителей разных поколений. Основное предположение исследователей заключалось в том, что каждое поколение несет на себе следы социальных и политических событий, пришедшихся на эпоху их юности, и именно этот период является ключевым для формирования коллективной памяти. Авторы стремились выяснить, структурируются ли воспоминания по возрасту таким образом, чтобы ясно указывать различие между поколениями. И если такие различия существуют, то можно ли объяснить это, рассматривая юность и раннюю взрослость в качестве главного периода воспоминаний о политических и социальных событиях.

Результаты исследования подтвердили, что воспоминания о важных политических событиях и социальных изменениях структурированы по возрасту, различаются по поколениям и связаны с событиями, пришедшими на юность их представителей. И именно юность и период ранней взрослости – основной период, когда в сознании запечатлеваются важные политические воспоминания, характерные для данного поколения. Как предполагают авторы, это может объясняться рядом факторов, связанных с жизненным опытом. Во-первых, достаточно низкую значимость имеют события, происходившие до периода, когда респонденты достигли интеллектуальной зрелости. Во-вторых, предполагается определенная открытость юношества и молодости к внешним влияниям со стороны социального окружения. В-третьих, для взглядов человека имеют наибольшее значение именно политические и социальные события, встретившиеся впервые, в то время как последующие события редко воспринимаются столь же значимо.

Действительно с точки зрения процесса социализации именно в период юности и ранней зрелости формируются основные личностные диспозиции, становящиеся своеобразным фильтром для запоминания либо забывания событий как прошлого, так и настоящего. Видимо, эти фильтры сохраняются на протяжении всей жизни и проявляются в особенностях формирования коллективной памяти по мере включения человека в те или иные социальные группы.

Шуман и Скотт выделяют различия в интерпретации одних и тех же политических событий как основание для дифференциации поколений. В данном отношении возраст обладает максимальной предсказательной силой. Помимо «эффекта когорты», исследователями выявлено, что сильным фактором, влияющим на память о политических и исторических событиях, является наличие или отсутствие образования. Следует отметить, что выявленной динамике не подчиняются воспоминания о научных открытиях. Кроме того, значимость политических событий, произошедших до вступления субъекта в период «молодости поколения», значительно переосмысливается им на основании более поздних личностно значимых событий и именно таким образом дифференцирует его от представителей старшего поколения.

Интерес к внеличностной памяти возникает в отечественной психологической науке в 1970—1980-е годы. Так, В.А. Ребрин (1974), используя термин «социальная память», определяет ее как осуществляемый обществом с помощью специальных институтов, устройств, средств процесс фиксации в общезначимой форме, систематизации и хранения (вне индивидуальных человеческих голов) теоретически обобщенного коллективного опыта человечества, добытого им в процессе развития науки, философии, искусства, знаний и образных представлений о мире. Социальная память в данной форме выступает как неотъемлемый элемент духовной жизни общества, обогащая память индивидов хранящимися в ней сведениями.

Определение Ребринна позволяет выделить следующие функции этого вида памяти (там же):

- фиксация информации;
- систематизация информации;
- хранение информации;
- выдача информации.

Данные функции осуществляются социальной памятью с помощью произведений литературы и искусства, памятников духовной культуры, выступающих средствами опредмечивания общественного сознания. Содержание же социальной памяти представляет собой теоретически обобщенный коллективный опыт. Помимо указанных компонентов, социальная память включает также информацию, зафиксированную в предметах материальной культу-

ры, в особенностях социальных отношений, традициях и нормах поведения, в навыках трудовой деятельности и т. п. Такие сведения оказывают на человека не меньшее влияние, чем информация, составляющая теоретическое ядро коллективной памяти.

Французскую традицию изучения коллективной памяти развивали ряд исследователей. Среди них Д. Жодле, предложившая понятие массовой памяти (Jodelet, 1992). Массовая память, как уже было отмечено, может рассматриваться в качестве особой разновидности коллективной памяти. А. Руссо изучал проблему коллективной памяти в контексте событий истории Франции, связанных с нацистской оккупацией (Руссо, 1995), с процессуальной точки зрения. Национальная память французов о событиях Второй мировой войны, по его мнению, прошла ряд этапов в своем развитии: вначале произошла «чистка рядов»; затем амнистия с амнезией и вытеснением; наконец, возврат к прошлому, вытесненному. Каждый из этих этапов был определен логикой развития исторических событий времен войны и трансформацией отношения к ним со стороны граждан, участников событий. В частности, чистка выполняла ряд функций:

- «Обеспечение безопасности». Необходимо было «избежать возвращения к власти коллаборационистов, часть которых с оружием в руках боролась против сторонников Сопротивления и союзных армий, а самое главное — удостовериться в надежности новых руководителей управленческих государственных органов. Тогда эту функцию рассматривали как первоочередную, так как переход к демократии проходил в период яростных боев за освобождение страны» (Руссо, 1995, с. 221).
- Функция общественного регулятора и «отдушины». Необходимо было направить в одно русло чувство накопившейся ненависти к коллаборационистам и преодолеть трудности, присутствующие любому переходному периоду.
- Укрепление политической власти. Чем чаще новая власть объявляла о своей решимости придать суду виновных, тем большую законность она обретала в глазах значительной части общества. «Вначале важно было не обмануть ожидания французов, требовавших, в своем большинстве, решительной чистки рядов. Позднее, наоборот, успокоить тех же французов, уже озлобленных слишком затянувшейся чисткой» (там же, с. 222).

- Восстановление правосудия и возмещение ущерба. Руссо отмечает, что эта функция была выполнена крайне неэффективно. Для новой власти речь шла не только о восстановлении доверия, но и о защите общественного порядка, поскольку необходимо было избежать проявления личной мести и не допустить озлобленности населения. Кроме того, по всем преступлениям, совершенным в рамках политики геноцида по отношению к евреям, виновные понесли тогда незначительные наказания, поэтому процессы над бывшими вишистами были возобновлены спустя полвека после окончания войны.
- Самоутверждение личности в новых политических условиях (моральное и политическое удовлетворение). Чистке желали придать созидательный характер, вписывающийся в политику движения Сопротивления. Однако чистка, означающая «отмывание» страны, устранение «загрязнений», явилась первым этапом на пути к коллективной амнезии, поскольку в любом правовом государстве преступник, отбыв наказание, имеет право на обретение своего места в обществе и на забвение совершенного им преступления.

Всего по ходу проведения чистки Руссо выделил 4 дилеммы, которые являются показательными. Главная — как соблюсти право и закон в условиях гражданской войны? С того момента, когда в ответ на требования общественности было принято решение начать чистку, необходимо было определить: либо это будет месть победивших участников Сопротивления по отношению к побежденным коллаборационистам, либо будет вершиться правосудие, отвечающее республиканским традициям, с полным осознанием того, что оно далеко не совершенно и спорно. Вторая, как сбалансировать настоятельное требование чистки, с одной стороны, и необходимость прекращения этого братоубийственного процесса — с другой? «У чистки должны быть границы и во времени, и в самом толковании. Именно поэтому довольно скоро прозвучало требование прекращения судебных процессов» (там же, с. 224).

Третья дилемма: можно ли без серьезных последствий и риску остаться без достойной замены, обрушиться на экономическую, административную и политическую элиту, представители которой были самыми заметными и несущими наибольшую ответственность фигурами? Совершенно ясно, что нет. Этим и объясня-

ется отсутствие чистки в экономической сфере и относительная ее умеренность в сфере административной, что было вызвано необходимостью обеспечить преемственность институтов государства и стремлением предоставить наилучшие шансы для начавшегося тогда возрождения страны (там же, с. 225). Четвертая заключалась в том, что возрождение национального единства начиналось с отторжения, пусть даже оправданного, всех тех, кто имел какие-либо связи с режимом Виши и оккупантами, а это в определенной степени касалось их родственников и знакомых.

На втором этапе в общественном сознании и национальной памяти происходили три тесно взаимосвязанных процесса. Объявление амнистии остановило продолжавшийся общественный спор о масштабах коллаборационизма, о «широкой поддержке, которой он пользовался, и главным образом о самом сложном для восприятия аспекте, который сильно противоречит республиканской традиции, а именно о государственном антисемитизме и участии французского правительства в проведении операции по уничтожению евреев Европы» (там же, с. 226). На все эти темы почти на двадцатилетний период будет наложено табу как в официальной истории, так и в литературе, кино и даже в историографии.

Подобная коллективная амнезия стала возможна лишь потому, что две основные политические партии, «не желая понять подлинные чувства французов, предложили каждая свою трактовку периода оккупации, и трактовки эти отвечали глубокому желанию общественности не только предать забвению это прошлое, но и отвести от себя всю ответственность за содеянное» (там же, с. 227). Для того чтобы достигнуть состояния амнезии и успешно поддерживать его, необходимо было добиться совмещения важного политического акта (объявления амнистии) с героической интерпретацией истории, ставшей возможной благодаря реальной и бесспорной власти.

Третий этап был обусловлен тем, что в стране начал изменяться к тому времени далеко не критический взгляд на период оккупации. Разрыв с предшествующим периодом наблюдался как в политике, так и в культуре. На это имелся ряд причин: пробуждение еврейской национальной памяти (на скамье подсудимых оказались виновники антисемитских преступлений); перемены в политической жизни государства (конец эпохи генерала де Голля и крах коммунистической партии); возрождение край-

не правых антисемитских, националистических и ксенофобских партий.

Побочным следствием такой ситуации явилось «постоянное обращение к правосудию как при обвинении в преступлениях против человечности, так и при организации многочисленных процессов по факту клеветы, которые гремят уже на протяжении десятка лет, а также процессов по пресечению распространения фашизма и фактов отрицания геноцида» (там же, с. 231).

Историческое наследие народов не может ограничиваться только героическими событиями их прошлого. Почти всем народам, главным образом европейским, пришлось пережить и драматические события. Мы так подробно представили аналитические выводы Руссо о динамике коллективной памяти ввиду того, что схему, предложенную им, при известных оговорках и с соответствующими вариациями, можно применить к анализу коллективной памяти многих других наций.

П. Нора широко использует понятие «памятные места», введенное еще Хальбваксом. Несмотря на конкретные коннотации слова «место», Нора наполняет его символически-абстрактным содержанием и ассоциативными смыслами, это то содержание, которое вкладывается современными людьми в следы прошлого. Современные смыслы вкладываются людьми в руины, артефакты, исторических деятелей, улицы, здания и т. п., создавая тем самым новое культурное пространство, ассоциируемое с прошлым, причем эти смыслы имеют свойство меняться со временем, а вместе с ними меняются и обозначения мест памяти, как, например, при переименованиях. По мысли Нора, современные общества, вообще склонны к манипуляции историей: пересмотр прежних трактовок, создание легенд и новых героев делают политику коммемораций слишком подвижной. Нора даже использует понятие «бум коммеморации». Коммеморация как консервация памяти о прошлом в современных обществах, по мнению Нора, на деле обслуживает сиюминутные интересы влиятельных социальных групп. Наша память структурируется и включается в содержащую различные атрибуты коллективную память той общности, к которой мы принадлежим. К их числу относятся памятники — архитектурное наследие, стиль которого воздействует на нас на протяжении всей нашей жизни; пейзажи; даты исторических событий и исторические личности, о которых мы постоянно слышим, традиции

и обычаи; различные правила общения, фольклор, музыка и даже гастрономические привычки, полагает Нора.

Мишель Полляк считает, что можно понимать эти различные атрибуты-ориентиры как определенные эмпирические индикаторы коллективной памяти каждой группы, памяти «структурированной и иерархизированной, памяти, которая, определяя то, что объединяет в группу и одновременно отличает ее от других групп, порождает и закрепляет чувство причастности, принадлежности к группе, дает почувствовать наличие социокультурных границ» (Полляк, 1995, с. 191). Коллективная память играет позитивную роль в усилении социальной сплоченности путем не принуждения, а эмоциональной аффективной групповой связи.

В своей работе «Память, забвенье, молчанье» Полляк анализирует коллективную память в свете политических событий в разных странах мира в XX в. Рассуждая о подавленной, угнетенной памяти, автор выделяет ряд этапов в развитии и изменении коллективной памяти, в частности, отмечая, что «извержение информации, дотолее сдерживающейся под спудом памяти... молчание... невинных жертв, лишенных социальных опор, насильственно мобилизованные воспоминания» — все это «свидетельства замечательной живучести в течение десятилетий, если не веков, индивидуальной и групповой памяти. Противостоя наиболее узаконенной, институционализированной национальной памяти, эти воспоминания скрываются в недрах семьи, в ассоциациях, ячейках общения, аффективного и/или политического» (там же, с. 203).

Границы между зонами молчания, забвения и бессознательно-го отталкивания образов памяти неопределенны, размыты и к тому же постоянно смещаются. Запрещенные, невыраженные и постыдные воспоминания передаются по неформальным групповым каналам общения, так как общество в целом их не замечает, подчеркивает автор. При этом воспоминания претерпевают изменения в зависимости от ожидаемой реакции окружающих, материальных условий передачи информации (письменно, официально, закрыто) и характера отношений, установившихся между поколениями. Различные виды образов памяти передаются и выстраиваются чаще всего независимо и даже в противоречии друг другу, но есть «точки соприкосновения, стечения обстоятельств, позволяющих обществу сопоставить эти сферы» (там же, с. 204). Границы между высказываемым и невысказываемым, признаваемым и непризна-

ваемым и обозначает коллективная память. В этой памяти обобщен образ «мажоритарного общества, господство желает править и владеть» (там же, с. 204). Полляк отмечает, что различить условия, благоприятствующие и препятствующие проявлениям маргинализированной памяти, — значит вместе с тем определить, какую именно окраску придает настоящее прошлому. В зависимости от обстоятельств при появлении тех или иных воспоминаний акцент смещается. Особенно часто «воспоминания о войнах и других великих потрясениях соотносятся непосредственно с настоящим, искажая прошлое при его интерпретации» (там же, с. 205). Между пережитым и сообщенным, пережитым и переданным существует постоянное взаимодействие, причем это применимо ко всем формам памяти — индивидуальной и коллективной, семейной, национальной, свойственной малым группам.

Оформление памяти подчинено требованиям обоснованности и вероятности. Если эту работу никто не сделает, переход от индивидуальной памяти к коллективной, по мнению этого автора, невозможен. Коллективная память — не простая сумма индивидуальных воспоминаний, это результат особого рода работы, цель которой — помочь группе обрести свое «собственное историческое сознание, выходящее за рамки сознания каждого отдельно индивида» (там же, с. 205). Память как коллективное созидание событий и интерпретации прошлого, о сохранении которого идет речь, соединяется с более или менее осознанным стремлением определить и усилить чувство причастности, обозначить социальные границы между столь различными общностями — партиями, профсоюзами, церквями, селениями, областями, кланами и т. д. Отнесенность к прошлому служит «установлению связей между группами, институтами, из которых общество и состоит» (там же, с. 206).

Полляк выделил две основные функции «общей памяти» — это установление тесных внутренних взаимоотношений и защита границ того общего, что есть у различных групп. Таким образом, можно говорить об «обрамлении памяти» (там же, с. 206). Различные виды коллективной памяти благодаря особой деятельности — окантовке — становятся связующим началом, придающим долговременность и прочность социальным тканям и институциональным структурам общества. У социальных меньшинств защита связанности и отказ от интеграции, воспринимаемые как потеря специ-

фичности, часто подкрепляются культом традиции, генеалогией, книгами воспоминаний и предметами, ритуально передаваемыми из поколения в поколение. Их память «может не пережить их исчезновения, принимая форму мифа, который, не будучи в состоянии укорениться в политической реальности момента, сохраняется в культуре, литературе и религии» (там же, с. 209).

Полляк отмечает, что никакая работа памяти не протекает автономно, независимо. При обрамлении используется материал истории, который может по-разному истолковываться и связываться множеством ассоциативных связей, нацеленных не только на сохранение, но и на изменение границ воспоминаемого. То, что воссоздается в памяти, — это и есть смысл группового и индивидуального самосознания. Автор ставит вопрос о том, как долго может сохраняться коллективная память. Ответ на него он дает неоднозначный. Помимо различных, но единых в своей основе форм памяти, существующих в обществе, присутствуют столь же многочисленные конкурирующие формы коллективной памяти. Включаясь в господствующую национальную память, они приспособляются к существованию в обществе в качестве подспудной памяти и их трудно обнаружить вне моментов кризиса. «Если анализ самой деятельности по обретению, кадрированию памяти, агентов этой деятельности и ее материальных следов — это ключ к изучению с высоты птичьего полета того, как строятся, разрушаются и воссоздаются разные виды коллективной памяти, то обратный ход — тот, который посредством изустной истории, основанной на проявлениях индивидуальной памяти, позволяет обозначить границы этой кадрлирующей, обрамляющей деятельности и вместе с тем — границы психологической деятельности индивида, стремящегося преодолеть болезненные разрывы, напряжения и противоречия между официальным имиджем прошлого и своими собственными личными воспоминаниями» (там же, с. 211).

Если говорить о коллективной памяти на уровне отдельного индивида, то «сконцентрированная индивидом история общества поддается множеству способов представления в зависимости от контекста, в котором рассказ находится» (там же, с. 213). При описании долгих периодов жизни, когда один и тот же человек много раз обращается к ограниченному числу событий, эти события фиксируются даже интонацией. В каждом жизнеописании есть твердое ядро, путеводная нить, лейтмотив. Пересказывая свою жизнь,

мы пытаемся все упорядочить с помощью установления логических связей между ключевыми событиями (которые тем самым приобретают все более застывшую или даже стереотипизированную форму), а также восстановить непрерывность хронологического порядка. С помощью такой реконструктивной деятельности, направленной на самого себя, «человек пытается определить свое место в обществе и взаимосвязи с другими людьми» (там же, с. 214). Подобная ментальная работа происходит при непосредственном взаимопроникновении индивидуальной и коллективной памяти. Таким образом, Полляк освещает основные особенности, характеризующие феномен коллективной памяти, ее свойства, функции, опираясь на соотношение между официальной, легитимной памятью страны, народа, города и т. д. и памятью неофициальной, закрытой, умалчиваемой.

В своей работе «Память и политика: о социологии коллективной памяти» М. К. Лавабр (1995) анализирует опыт исторического пути различных государств, пытаясь определить связь и расхождения между историей и памятью, а также особенности коллективной памяти, ее формы, функции и трансформацию во времени. В частности, Лавабр отмечает, что память может представлять собой «миф, легенду, эмоциональное отношение к истории, воссоздавая прошлое таким, каким его видят индивидуумы и группы людей, готовые придать смысл и значение прошлому, которое они пережили» (Лавабр, 1995, с. 232). Иногда она выступает в виде приукрашенной формы истории, уроков прошлого, иногда конечной целью является не знание, а соответствие тому, что стремятся создать власть имущие, иногда память выступает в виде живых воспоминаний тех, для кого минувшие события незабываемы, воссоздание этих событий не может быть в полной мере осуществлено официальными историками.

Связь между историей и памятью не всегда одинакова. Лавабр отмечает, что в тоталитарных странах, где «официальная история запрещала проявления памяти, принуждала к забвению, фальсифицировала прошлое и лишала отдельных людей, семьи и социальные группы их воспоминаний, то есть их самобытности и различий, память, наконец, освободилась от оков живой истории» (там же, с. 234). Однако воскресшая память является, без сомнения, как и любая другая память, воссоздающая прошлое, инструментализацией прошлого и подчинена ближайшим политическим целям.

При этом Лавабр говорит о том, что расхождения истории и памяти постепенно относительно сокращаются, поскольку «память всегда приходится мерить на аршин истории, миф – на аршин реальности прошлого» (там же, с. 234). Обращение к прошлому является составной частью социальной принадлежности, и наследие, каким бы оно ни было, должно быть принято для того, чтобы служить самосознанию индивидуумов и обществ. В основе расхождений истории и памяти лежит не столько то, что отличает правду от лжи, сколько наличие того, что представляет интерес к прошлому. Память держится на интересе, основанном не на знании, а на идентичности. Это верно для «активных групп общества, особенно для политических движений и партий, которые возникают в противостоянии друг другу и ищут в прошлом причины своих различий. Это также верно для всего общества, которое, осуществляя контроль над преподаванием истории, задает ему цели и делает выбор» (там же, с. 235). Существует взаимосвязь между историей, которую преподают в школе и которую предпочитает нация, официальной памятью, которую партии предлагают своим членам и активистам, и воспоминаниями, которые хранят индивидуумы. В результате этой взаимосвязи рождается так называемая коллективная память, т. е. память, «более или менее разделяемая индивидуумами, совместные представления о прошлом, которые уменьшают разнообразие личных воспоминаний» (там же, с. 237).

При этом, считает Лавабр, данная взаимосвязь не всегда проявляется одинаково. Существует так называемый «эффект социализации индивидуумов», который дает о себе знать, например, в период формирования политических предпочтений. Действенность его ограничена интенсивностью прожитого к этому моменту индивидуумом, группой индивидов или поколением, многочисленностью группы, к которой принадлежит индивид, разделяющий те или иные представления прошлого, и т. д.

Если историк, утверждает Лавабр, забываящийся о чаяниях общества, неотъемлемой частью которого он является, и осознающий ответственность за отображение настоящего и прошлого, которое он разделяет со своими современниками, не пытается отгородиться от факта существования памяти, то появляется новый подход. Это создает возможность того, что «приобретаются знания, показывающие наличие у памяти рационального зер-

на, которого нет у истории» (там же, с. 235). Разумеется, живая память индивидов и групп не может полностью соответствовать официальной памяти, которую выражает официальная история. При этом, считает автор, трудно предугадать эффекты контроля над воспоминаниями и знаниями о прошлом, носителями которых являются индивиды. Расхождение между официальной исторической памятью и живой памятью людей создает ситуацию, когда невозможно без потерь вычленив одну из другой. Такое расхождение позволяет предположить, что и представления живой памяти, в свою очередь, воздействуют на «политическую инструментализацию» (там же, с. 240). Сталкиваясь с эмоциональной реакцией на «растолкование» прошлого, затрагивая живую связь поколений, официальные историки в лучшем случае могут только особым образом приукрасить ссылки на прошлое. Лавабр подчеркивает также идею о том, что какими бы ни были специальные трактовки прошлого, которые содержатся в официально преподаваемой истории, они могут и не приниматься индивидами, так как «разрушают их самые глубокие убеждения, их представления о мире, раз полученные и очень медленно трансформируемые» (там же, с. 242).

Лавабр в своей работе утверждает следующую мысль: социальная психология памяти должна с научных позиций исследовать характер живой коллективной памяти подобно тому, как в трудах историков подвергаются критике официальные мемуары. В коллективной памяти действуют прочно слитые индивидуальные и коллективные представления, шкала ценностей и образ мыслей которых придают смысл прошлому, настоящему и будущему. Автор в данном случае разделяет понятия коллективной и исторической памяти, подчеркивая, что коллективная память – продукт взаимодействия официальной исторической и индивидуальной человеческой памяти.

Рассмотренные подходы к коллективной памяти позволяют увидеть ее как сложный феномен макropsихологической реальности. Понятие, разработанное в 1920-е годы Хальбваксом, было значительно обогащено во второй половине XX в. в работах, прежде всего, европейских авторов. Последующая операционализация этого понятия для потребностей эмпирических исследований позволила уточнить характеристики процессов и механизмов функционирования коллективной памяти в обществе.

2.2. Эмпирические подходы к изучению коллективной памяти в мировой науке

Социальные науки, проявив в 1920–1930-е годы достаточно живой интерес к феномену коллективной памяти, затем надолго этот интерес утратили. Первой после этого длительного перерыва социально-психологической работой по коллективной памяти стала изданная в Великобритании в 1990 г. монография под редакцией Д. Мидлтона и Д. Эдвордса «Коллективное воспоминание» (Middleton, Edwards, 1990). В этой работе, где представлены исследования и по социальной, и по коллективной памяти, намечены следующие подходы: изучение роли средств массовой информации в формировании социальной памяти об исторических событиях, анализ социальной практики коллективных ознаменований различных исторических дат, изучение коллективной памяти о знаменитых семействах и др. Так, М. Биллиг (Billig, 1990), анализируя коллективную память о королевской семье, пишет, что понятие коллективной памяти представляет потенциальную важность для изучения идеологии. По мнению автора, можно сделать множество наблюдений по поводу потенциальных связей между коллективной памятью и идеологией. С помощью серии интервью автор обнаруживает противоречивость и культурную динамику (в поколенческом аспекте) в семейном дискурсе об истории королевской семьи. «Если, как полагает Хальбвакс, память коллективно детерминирована, то она также идеологически детерминирована, так как коллективные процессы, которые позволяют произойти запечатлению, сами являются частью более широких идеологических паттернов» (Billig, 1990, p. 60).

Примерно в это же время во Франции Д. Жодле публикует программную статью (Jodelet, 1992), посвященную моральным и эмоциональным аспектам массовой памяти. В 1990-е годы эмпирические исследования коллективной памяти активно проводятся в США (J. Pennebaker, B. Banasik), в Испании (D. Paez, N. Basabe, J. Gonzalez), в Бельгии (B. Rimé). Эти работы были ориентированы, прежде всего, на теоретический анализ феноменов, а также демонстрировали подходы к их эмпирическому изучению. В 1994 г. автором также было проведено в России и во Франции кросс-культурное исследование коллективных воспоминаний о Великой Отечественной войне, опубликованное в России (Емельянова, 2002) и во Франции (Emelyanova, 2002).

Пробудившийся в 1990-е годы в Западной Европе интерес к феномену коллективной памяти получил свое развитие в изданной в США в 1997 г. монографии «Коллективная память о политических событиях: социально-психологический подход» (Collective memory of political events, 1997) под редакцией Дж. Пеннебейкера и др. В ней представлены различные точки зрения на природу самого феномена, а также результаты эмпирических исследований коллективной памяти, часть которых мы обсудим в этом параграфе. Современные исследователи коллективной памяти, прежде всего, стремятся преодолеть методологическую неопределенность данного понятия, которая, по-видимому, естественна для периода формирования нового подхода. Такая неопределенность выражается, в частности, в разноплановости сложившихся в истории общественных наук представлений о самом предмете исследований, что осложняется еще и мультидисциплинарным характером подходов к ним. Существует традиция изучения автобиографической и социальной памяти в социальной психологии личности; социально-психологический подход к воспоминаниям (Ф. Ч. Бартлетт); память группы, социального коллектива, в частности, семьи (М. Хальбвакс); насыщенная символами «народная память» (Н. А. Бердяева); мифологическая «коллективная память» этноса (М. Элиаде) — все эти разнообразные подходы и точки зрения на субъект и предмет исследования коллективной памяти фигурирует и в современных работах. При этом механизмы функционирования памяти во всех трех случаях (индивидуальный, коллективный и массовый субъекты) специфицированы еще явно недостаточно, а их соотношения не определены.

Несмотря на обилие конкретных подходов и исследовательских возможностей в отношении феномена коллективной памяти, достаточно очевидно просматриваются и трудности их реализации. Одна из наиболее явных — смешение понятий «социальная память» и «коллективная память». Многочисленные исследования социальной памяти начинают проводиться по всему миру, особенно после волны критики в адрес социального когнитивизма. Общий смысл этих исследований заключается в выявлении влияния социальных факторов на проявления индивидуальной памяти, т. е. предметом изучения остается память индивидуального субъекта, однако с учетом макросоциальных воздействий на нее. Примером может служить начатая в 1977 г. Р. Брауном и Дж. Куликом

(Brown, Kulik, 1977) традиция исследований, посвященных феномену «вспышки» памяти («flashbulb memory»).

Мартин Конвей, анализируя коллективную природу автобиографической памяти, замечает, что воспоминания не имеют ничего общего с книгами в библиотеке, которые мы можем снимать с полки, открывать и читать. Воспоминания автобиографической памяти являются сложными паттернами активации в многослойном и структурированном основании ментальности. Подобные воспоминания всегда включают в себя знание о периоде общественной жизни, которое обрамляет приобретаемое автобиографическое знание в контексте собственной жизни вспоминающего человека.

Согласно этой точке зрения, члены каждой поколенческой когорты в определенной степени разделяют общность автобиографической и смысловой памяти. Однако, по мнению автора, очевидно, что подгруппы внутри поколенческой когорты не будут разделять один и тот же опыт или идентичные концептуальные знания (Conway, 1997). По мысли Конвея, планы и цели всего поколения имеют ключевое значение для формирования автобиографических воспоминаний, следовательно, особые интерактивные механизмы будут характеризовать воспоминания людей и ту поколенческую когорту, частью которой они являются. Так как подобная группа существует как особая социальная целостность, считает Конвей, полученный опыт кодируется в долговременной памяти ее членов, особенно в терминах планов и целей, которые и характеризуют поколенческую когорту. Эти планы и цели, созданные для решения совокупности экзистенциальных проблем, влияют на то, что именно сохраняется в памяти, а память, в свою очередь, обеспечивает основание получения знаний, способствующих достижению релевантных для поколенческой группы целей (там же, 1997).

Субъектом коллективной памяти является социальная группа, в которой можно обнаружить коллективно разделяемые воспоминания. По своей сути эти воспоминания – реконструкция прошлого. Основные механизмы процесса такой реконструкции перечислял еще Бартлетт: выравнивание, акцентуация, ассимиляция и конвенционализация (Bartlett, 1932). Они, в частности, служат для того, чтобы приспособить воспоминание о травмирующих событиях к доминирующим в настоящий момент убежде-

ниям и ценностям, а также сохранить в памяти положительный образ прошлого. В реальных эпизодах коллективной памяти результаты действия этих механизмов выглядят как упрощение и сокращение одних подробностей (невыигрышных, травмирующих) и актуализация и акцентирование других (ассимилированных с общей идеей и схемой воспоминания). При этом некоторые элементы могут достраиваться даже вне соответствия с историческими фактами. Таким образом, обобщающим процессом Бартлетт считает конвенционализацию, т. е. приведение воспоминания в соответствие тем условиям жизни группы, в которых это воспоминание вырабатывается.

В 1990-е годы была проделана большая работа по исследованию свойств и закономерностей феномена коллективной памяти. Аналитики выявили ряд ее функций: поддержание групповой идентичности средствами «позитивного отклонения» в реконструкции событий в пользу своей группы; активизация совладающего поведения в случае травмирующих группу воспоминаний. Коллективная память обуславливает цикличность в актуализации «следов» памяти, преимущественное запечатление эпохальных, поворотных событий истории, более глубокое запечатление событий прошлого в условиях целенаправленных акций по «стиранию» их из памяти. Современные авторы значительно расширяют перечень функций коллективной памяти, опираясь на теорию Хальбвакса. В основном они связываются с социальной идентичностью, как, например, функция определения границ группы и ее непрерывности. «Именно коллективная память позволяет нам понять, кто мы, откуда приходим и куда движемся» (Paez et al., 2016, с. 541).

Были также выявлены пути и средства конструирования содержания коллективной памяти: межличностное взаимодействие, массмедиа, произведения искусства, в том числе памятники – монументы, мемориалы, акции ознаменования эпохальных событий. Память группы, по наблюдениям исследователей, запечатлевает прежде всего те события, которые тесно связаны для группы с ее собственным позитивным или негативным образом (Pennebaker, Vanasik, 1997, р. 5). Подобным образом устроена и автобиографическая память личности. Это дало основания связать коллективную память с явлениями социальной идентичности (Conway, 1997). Вопрос о соотношении феноменов коллективной памяти и социальной идентичности выглядит не новым, но вполне перспектив-

ным, и пока недостаточно проработанным. Некоторые эмпирические данные позволяют предположить, что память нацелена на нормативное видение прошлого, а именно на трактовку событий в позитивном ключе для своей группы и в негативном — для чужой. Вероятно, здесь работают механизмы защиты социальной идентичности, обусловленные членством в социальной группе. Подходы к пониманию этой обусловленности можно найти в рассуждениях Бартлетта (Bartlett, 1932) о процессах реконструкции памяти, происходящих с течением времени. После упрощения и сокращения содержания воспоминания, а затем ассимиляции его в общую структуру схемы воспоминания, наступает этап акцентирования тех подробностей, которые приводят воспоминание в соответствие с актуальными ценностями и потребностями группы. Этот процесс искажения события в пользу группы легко укладывается в рамки теории социальной идентичности. Искусственное умалчивание каких-либо событий часто принимает институционализированную форму текстов в учебниках истории, произведениях киноискусства, литературе. Существует ли закономерная последовательность этапов забвения и воспоминания, как работают механизмы реконструкции в конкретных исторических условиях? Попытки исследователей ответить на эти вопросы будут обсуждаться в следующих главах. Эпизоды эмоциональной жизни личности в их связи с коллективной памятью изучались Б. Римэ и В. Кристоф. Эти авторы, в частности, обнаружили, что публично передаваемое эмоционально окрашенное сообщение значительно укрепляет следы коллективной памяти (Rimé, Christophe, 1997).

Еще одной теоретической проблемой является разведение функций и содержания собственно памяти и процессов мышления по отношению к историческим событиям. Соотношение памяти и знания составляет особый предмет дискуссии в современной литературе. Из нее следует, что сейчас в психологии существуют две основные тенденции: сводить память к знанию, и наоборот. Само существование этих противоположных подходов отражает тот психологический факт, что память и знание тесно связаны в психической жизни — как личности, так и социальной группы. Отсюда и постоянное смешение понятий, когда образы, представления, ассоциации, когниции в зависимости от содержания и целей исследования оказываются отнесенными то к структурам знания, то к структурам памяти. Такое дублирование затрудняет понима-

ние феномена памяти и создает теоретическую путаницу, о которой говорит Жодле (Jodelet, 1992, p. 240).

Если обратиться к наследию первопроходцев в этой области, в их работах можно обнаружить феномены, терминологически обозначаемые как «память», но по содержанию относящиеся скорее к мышлению. Так, Хальбвакс (Halbwachs, 1948, 1950), выделяя коллективную память как особый вид памяти, рассматривал ее именно как историческую память группы, дающую ориентиры индивидуальному сознанию. При этом он использовал понятия «коллективные воспоминания», «коллективная история», «образы прошлого», которые в содержательном смысле несут нагрузку знаний, представлений о прошлом.

Для того чтобы избежать смешения понятий, имеет смысл опираться на эвристическую формулу Хальбвакса: «Одни и те же представления кажутся нам то воспоминаниями, то понятиями или обобщенными идеями» (Halbwachs, 1950, p. 289). Действительно, его утверждение об идентичности элементов памяти и мышления заставляет предположить, что и в исследованиях нет смысла разделять психические факты памяти и знания, раскалывать изначально существующее единство психической жизни. Чаще всего коллективную память изучают либо через процесс актуализации ее содержания, либо через процесс забывания. В обоих случаях объектом изучения в социальной психологии может быть именно социальная логика этих процессов, т. е. их связь с актуальной жизнью группы, ее потребностью в защите, в социальной идентичности, в переживании связанных с ними эмоций. Тем самым можно сосредоточить внимание на злободневном и креативном характере коллективной памяти как атрибуте социальной группы. Так как память в ее процессуальном выражении возникает только при необходимости актуализировать какое-либо содержание исторических событий, ее черты детерминируются такой необходимостью. С этой точки зрения всегда полезно сравнивать актуализацию воспоминаний об одних и тех же событиях истории у разных социальных групп и поколений.

Если отталкиваться от основных процессов и механизмов памяти, достаточно хорошо изученных в общей психологии, можно предположить, что логика развертывания индивидуальной мнестической деятельности может быть сохранена и при анализе коллективной памяти: запечатление—переработка информации—со-

хранение (или забывание)—воспроизведение. Однако определение «коллективная» обязывает нас при трактовке этих процессов учитывать, что коллективная память — это память и группы, и поколения, и нации. Процесс запечатления мог происходить у одного поколения или группы, а коллективное воспоминание (как, например, ознаменование) иметь место у других поколений. Принято считать, что если в процессе переработки информации индивидуальной памятью участвуют мотивационно-личностные компоненты и эмоции, то в случае коллективной памяти бóльшую роль играют социально-экономические и политические факторы. Однако исследования, проведенные в последнее десятилетие, убедительно показали, что эмоциональные переживания также могут быть общими для группы и, соответственно, оказывать воздействие на характер воспоминаний.

Современные исследования коллективной памяти движутся в нескольких направлениях, фокусирующихся на разных сторонах этого феномена. В рамках одного из них внимание сосредотачивается на процессах сохранения и воспроизведения событий прошлого и на тех условиях, которые благоприятствуют общественному хранению и поддержанию памяти. Так, были обнаружены некоторые факторы, влияющие на этот процесс: значимость явления в истории общества, его эмоциональная нагруженность, соответствие позитивной идентичности группы и др. Внимание исследователей — представителей другого направления привлекают закономерности запоминания, забывания и искажения событий, травмирующих группы. Они коллективно отмечают или не отмечают, отражаются или замалчиваются в СМИ. Особый интерес представляет то, как люди коллективно справляются с воспоминаниями о жестоких режимах, социальных конфликтах, войнах, бедствиях и т. п.

Сейчас большинство авторов признают идею Бартлетта о коллективной памяти как реконструкции прошлого, приспособляющей (и зачастую искажающей) образ прошедших событий в соответствии с потребностями своего времени. Одним из объяснительных принципов этого приспособления является механизм психологической защиты. Исторические события не всегда вписываются в позитивный образ «Я», создаваемый группой. В этом случае можно либо критически отнестись к собственной группе и признать ее неблагоприятное прошлое, либо пересмотреть смысл

событий. Существуют немногочисленные примеры признания группами (и даже нациями) своей негативной роли в событиях прошлого. Самый наглядный пример представляет современная Германия с ее открытым покаянием за нацистское прошлое. Однако такие примеры являются скорее исключениями, чем правилом — в значительном большинстве случаев, когда речь идет о собственном неблагоприятном прошлом больших социальных групп (национальных, религиозных, сословных), можно наблюдать «искажения» образов памяти либо «провалы» в памяти сообществ. Думается, здесь уместна аналогия с автобиографической памятью, а именно с эффектами «ретроспективного смещения» и др., позволяющими интерпретировать прошлые события в свою пользу. Защита собственной позитивной идентичности происходит на уровне как личностной, так и социальной идентичности и может считаться доказанной устойчивой социально-психологической закономерностью.

Как и в случае автобиографической памяти, в коллективной памяти существуют факторы, способствующие проявлению мнестического «смещения» и противодействующие ему. Усиливает действие механизма «смещения» тоталитарный характер существующего политического режима, под давлением которого история может быть существенно искажена или вовсе переписана заново. Политическое противостояние групп или целых государств также увеличивает вероятность «смещения» воспоминаний под действием механизмов, близких к тем, которые анализировал М. Шериф, изучая межгрупповые отношения. Акцентированная групповая идентичность, усиленная конфликтным взаимодействием, сама по себе способствует подобного рода «смещениям». Соответственно, «выравниванию» искаженных воспоминаний благоприятствуют смена политического режима на более демократичный, деятельность общественных организаций в рамках гражданского общества, разрядка политической напряженности, открытия в исторической науке.

На наш взгляд, представляет интерес классификация стратегий и механизмов искажения коллективной памяти, предложенная Р. Баумейстером и С. Хастингсом (Baumeister, Hastings, 1997). Эти авторы на многочисленных исторических примерах рассматривают закономерности трансформаций людьми воспоминаний в пользу своей группы, а именно: избирательные пропуски неприятных фактов, вымыслы или фабрикация нужной информации,

преувеличение и приукрашивание, манипуляция ассоциациями, огульные обвинения врага, атрибуция вины обстоятельствам, контекстуальное обрамление. Если откровенная фабрикация ложных сведений представляет собой малоэффективный прием и поэтому к нему прибегают крайне редко, то остальные стратегии легко узнаваемы и широко используются, причем они чаще всего применяются не по отдельности, а совокупно. Скажем, на примере оценки роли нормандского десанта во Второй мировой войне можно видеть, как использование стратегии преувеличения (высадка десанта определила исход войны), которую авторы статьи блестяще развенчивают (*ibid.*, p. 282), так, с нашей точки зрения, и стратегию избирательных пропусков (успехи Красной Армии в этот период войны замалчиваются). Манипуляция ассоциациями может дополняться специальным контекстуальным обрамлением. Так, пример с коллективной памятью о крестовых походах позволяет выявить и манипулирование ассоциациями (освобождение святынь), и контекст борьбы за веру. Подобная «мифологизация истории» служит оправданию прошлого в свете настоящего, героизации действий предков и поиску «золотого века». Важным представляется вопрос о степени преднамеренности искажения. Очевидно, что эта степень может быть различной: от политических спекуляций до добросовестного заблуждения. Выявление степени преднамеренности «смещения» воспоминаний составляет специальную задачу.

«Войны памяти», которые в современных обществах мы можем постоянно наблюдать, ведутся группами, объединенными по политическим, религиозным и даже экономическим интересам. При этом каждая группа стремится навязать собственный образ представления прошлого другим. Группы, представленные большинством, обычно контролируют общественное пространство (например, монументы, названия улиц и т. п.) и другие символы официальной истории, тогда как группы-меньшинства часто бывают вынуждены транслировать свое видение прошлого другими способами, такими как граффити или новые медиа (*Wagoner*, 2015, p. 161).

Резюмируя, можно сказать, что детальный анализ стратегий и механизмов коллективных мнестических искажений полезен для исследовательских целей, но следует учитывать, что в реальной общественной практике эти стратегии причудливо переплета-

ются, создавая благоприятную для группы картину. Целью такой картины, безусловно, является интерпретация событий, которая, с одной стороны, должна быть непротиворечивой, когнитивно целостной и прегнантной, а с другой — удовлетворять чувство справедливости людей, т. е. формировать нравственно благоприятный образ прошлого. В конструировании этих картин-интерпретаций явственно просматриваются моральные требования современного общества: своя группа не может быть агрессивной (она должна быть изображена в виде жертвы), если она нападает, то только превентивно, упреждая агрессивные действия врага. «Своя» национальная группа движима только благородными миссионерскими помыслами (колониальные войны). «Своя» национальная армия не может не быть доблестной и непобедимой (наполеоновские войны во французских военных мемориалах). Сравнительные исследования таких интерпретаций в разные исторические периоды могли бы многое сказать о динамике черт нравственного идеала в истории человечества.

Эмоциональный заряд некоторых воспоминаний настолько силен, что их можно считать основой психологического единства нации (как, например, память о военных победах). Хальбвакс выделял две функции коллективной памяти: глобальную и групповую. Глобальная функция определяет ностальгию по прошлому, рисуя его стабильный и положительный образ. Исследования современных авторов в целом подтверждают это наблюдение и доказывают, что современный период времени обычно воспринимается как более опасный, чем недавнее прошлое, даже когда социальное насилие объективно ослабевает (Paez et al., 1997, p. 157). Вторая, групповая функция коллективной памяти связана с целями и потребностями группы. По Хальбваксу, коллективная память реконструирует прошлое, приспособляя образ минувших событий к убеждениям и потребностям современности.

Связь коллективной памяти с эффектами поколения обнаруживается при анализе яркости воспоминаний о событиях, прошедших на разные возрастные периоды. Пеннебекер и Банейсик (Pennebaker, Vanasik, 1997, p. 14) изучали силу воспоминаний у людей разного возраста и сделали вывод о том, что люди любого возраста лучше помнят общественные события, происходившие тогда, когда они были в старшем подростковом или юношеском возрасте. Они сделали предположение, которое назвали «гипоте-

зой критического возраста»: события, происходившие в промежутке с 12 до 25 лет, становятся одними из наиболее запоминающихся и значимых в жизни человека. Авторы приводят результаты исследований, которые показывают, что в ответ на просьбу вспомнить наиболее значительные общественные события, свидетелями которых они были, люди чаще всего вспоминают события, совпадавшие по времени именно с этим периодом в их жизни. В этом же возрасте формируются музыкальные пристрастия, предпочтения кинопроизведений и т. п. Объяснение этой закономерности авторы находят в теории Э. Эриксона, согласно которой формирование интегрированной личной идентичности приходится именно на этот период, а, кроме того, «воспоминания о крупномасштабных событиях могут быть более сильными у тех, кто переживал их в позднем подростковом возрасте и в возрасте немного за двадцать, так как они оказывают более мощное воздействие на тех, кто испытывает влияние значительных событий в первый раз» (*ibid.*, p. 15). «Свежий» опыт оказывается более стойким в памяти.

Идентичность, как личная, так и социальная, по-видимому, определяет и другие поколенческие эффекты коллективной памяти. Те же авторы обнаруживают, что в обществе «события отмечаются, когда у людей появляются экономические ресурсы и социальная или политическая власть для этого» (*ibid.*). Если названные «критические периоды» действительно существуют, то можно предположить, что вскоре после потенциально памятного события у соответствующего поколения в силу его молодости еще нет экономических и политических возможностей для увековечения этого события. Они появляются спустя примерно 25 лет, тогда и начинается активная деятельность по возведению памятников, запечатлению события в фильмах и книгах: «События, происходящие в этом промежутке времени, как правило, будут оказывать наибольшее воздействие на самовосприятие этого поколения, а также на коллективные воспоминания» (*ibid.*, p. 11). Речь идет о «гипотезе поколенческого ресурса». Кроме того, вступает в силу эффект «психологической дистанции», согласно которому сразу после аффективно заряженного события, особенно негативно окрашенного, люди бывают морально не готовы к его ознаменованию. По Эриксону, преодолев 40-летний рубеж, люди начинают все чаще обращаться к прошлому, к своей и общественной истории. Таким образом, появляются теоретические основания связывать эффекты

личной и социальной идентичности с проявлениями коллективной памяти.

Исследования коллективной памяти в 1990-е годы отличаются интенсивностью и многоплановостью, а также то, что они ведутся параллельно с нарастанием общественного интереса к памяти и традициям. Если Хальбвакс считал базовым каналом трансляции представлений о событиях прошлого передачу воспоминаний от старшего поколения семьи младшему, то к концу XX—началу XXI в. арсенал субъектов в практике исследований коллективной памяти значительно расширился и включает теперь как ограниченные по численности сообщества (например, участников или очевидцев событий, если речь идет о недавней истории), так и большие социальные группы, поколенческие когорты и целые нации (Paez, Vasabe, Gonzalez, 1997). Такая широкая трактовка объекта создает не только определенные разночтения в понимании самого феномена коллективной памяти, но и порождает трудности при сопоставлении результатов исследований. Однако на нынешнем этапе изучения коллективной памяти более точная квалификация объекта едва ли возможна.

Одним из важнейших признаков, дающих основания трактовать коллективную память как социально конструируемый феномен является ее интерактивная природа. Мысль об интересубъектной природе коллективных воспоминаний впервые была высказана Хальбваксом (Halbwachs, 1950), проработана Бартлеттом (Bartlett, 1950), а затем, уже в конце XX в. доказана эмпирически. Многочисленные исследования коллективных воспоминаний о событиях недавнего прошлого показывают, что это всегда воспоминания связаны с другими людьми. Так, например, вспоминая о первых годах обучения в университете, студенты, прежде всего, называют эпизоды, связанные с межличностным взаимодействием (Paez, Vasabe, Gonzalez, 1997). Есть эмпирические данные о том, что более стойкая и точная память регистрируется в тех случаях, когда вспоминаемое событие непосредственно после того, как оно произошло, обсуждалось с кем-либо (*ibid.*, p. 153). Авторы отмечают, что наиболее определенно эта закономерность проявляется в отношении эмоционально ярких событий. Результаты их исследований показывают, что группы, разделяющие свои прошлые коллективные травмы, обладают более эмоциональной и сложной памятью об этих событиях. Авторы утверждают, что социальная функция

разделения прошлых травмирующих событий заключается в построении более четкого образа коллективных событий (*ibid.*, p. 155).

Связь коллективной памяти с эмоционально-ценностными аспектами жизни группы неизбежно ведет к изменчивости содержания и эмоциональной окраски коллективных воспоминаний, придает им культурно-историческую обусловленность. Подобные особенности феномена коллективной памяти дают основания рассматривать его как разновидность коллективной ментальной реинтерпретации с позиций конструкционистского подхода (Gergen, 1985), который позволит применить к коллективной памяти более адекватные объяснения, нежели с позиций социального когнитивизма и наметить новые перспективы его изучения. Положение о том, что социальная реальность конструируется в процессе взаимодействия людей, является одним из основополагающих в социальном конструкционизме. Так, К. Герген называет человеческое взаимодействие источником конструирования знания (*ibid.*, p. 268). Обобщая принципы этого подхода, П. Н. Шихирев (1999, с. 361) подчеркивает, что основным объектом исследования знания являются «сообщества собеседников, участников разговора». Факты конструирования коллективных воспоминаний в процессе общения не только подтверждаются эмпирическими результатами, но и открывают большие возможности для качественного исследования дискурса как процесса, в ходе которого конструируются коллективные воспоминания (см., напр.: Billig, 1990).

Обсуждая конструкционистскую природу коллективной памяти, нельзя не обратить внимания на ее контекстуальный характер. Влияние социального контекста проявляется, прежде всего, в существовании множества точек зрения на один и тот же предмет воспоминаний. Подобные «разночтения» обусловлены социальными и социально-психологическими особенностями групп, внешними и внутренними условиями их жизнедеятельности. Влияние социального контекста было доказано многими эмпирическими исследованиями, в частности британскими авторами при изучении воспоминаний об отставке Маргарет Тэтчер (Gaskell, 1997). В этом исследовании с участием более 6000 респондентов был использован особый вид экспресс-интервью стандартизированного типа – «omnibus» – интервью, в котором выявлялось так называемое «качество воспоминаний» (MQ). Для этого испытуемых просили оценить четкость их воспоминаний, то, насколько, по их мнению,

важной была отставка и рассказать об их эмоциональной реакции на это событие. Было обнаружено, что существуют значимые различия между группами в качестве воспоминаний об отставке Тэтчер, наблюдаемые среди разных социальных слоев общества в Великобритании. У респондентов из высших социальных слоев, где больше сторонников консерваторов, наблюдались более высокие рейтинги памяти, поскольку для них уход Тэтчер был ключевым событием, расколовшим консервативную партию на тех, кто считал, что она находилась у власти слишком долго, и на тех, кто все еще был ей предан.

Влияние социального контекста на содержание памяти было нами показано в исследовании фигуры идеального политического деятеля прошлого (см. главу 3). Анализ факторной структуры образа Петра I, возглавлявшего рейтинг идеальных лидеров, показал наличие значимых различий в содержании представлений у респондентов разных возрастных групп и в группах с различными политическими предпочтениями. Подобная множественность образов коллективной памяти свидетельствует о сконструированности воспоминаний, их непосредственной зависимости от социально-культурного контекста жизни сообществ.

Результаты социологического исследования, посвященного массовым представлениям об исторических личностях (Левинсон, 1996), дают интересный материал о структуре представлений памяти, охватывающих всемирную историю. Исследование проводилось ВЦИОМ в два этапа: в 1989 и в 1994 гг. Респонденты должны были назвать «десять самых выдающихся людей всех времен и народов». Аналитик обращает внимание на то, что число названных исторических деятелей XX в. составляют величину, превышающую количество упоминаний исторических фигур за все остальные периоды истории человечества.

Таким образом, эмпирически выявленная структура массовой памяти определяется тем набором личностей, которые оказали непосредственное влияние на судьбы ныне живущих людей. При этом история России представлена в массовой памяти как история власти, т. е. в качестве самых выдающихся людей фигурируют цари, диктаторы и военачальники (там же, с. 260–261). Однако даже в пределах пятилетнего промежутка времени между двумя исследовательскими срезами от 1989 до 1994 г. обнаружили различия в частоте упоминания исторических фигур недавне-

го прошлого. Массовое историческое сознание стало значительно менее интегрированным вокруг моносимвола – Ленина, оно стало более дифференцированным «по интересам», кроме того, четко обозначилась тенденция к актуализации «символов империи и авторитарного управления ей» (там же, с. 267). Подобная динамика массовой памяти даже на небольшом, но насыщенном политическими событиями отрезке времени, свидетельствует об особой подвижностью этого феномена и «чувствительности» памяти к социальному контексту.

Между тем именно конструкционистская парадигма в социальной психологии, по словам П. Н. Шихирева, побуждает рассматривать знание «не как процесс накопления, а как процесс бесконечного исторического пересмотра, реинтерпретации» (Шихирев, 1999, с. 361). Ведь любое знание, как утверждает К. Герген, является продуктом исторически сложившихся взаимоотношений между людьми (Gergen, 1985). Применение этого подхода к историческому знанию порождает новые методологические идеи, технологии исследования коллективной памяти и подсказывает методы убедительной интерпретации результатов.

Обнаруженная в современных исследованиях подвижность содержания коллективных воспоминаний объясняет их зависимость от контекста, а также определяет то соответствие, которое существует между характером воспоминаний и актуальными потребностями групп. Современные представления о предмете коллективной памяти на первый взгляд выглядят однозначными – это зафиксированные историками события прошлого и их персонажи, однако практика исследований показывает, что коллективные воспоминания в действительности кристаллизуются на событиях и личностях, обладающих большой ценностной нагрузкой и, соответственно, сопряженных с эмоциональными переживаниями. Аффективно наполненные коллективные воспоминания обычно связаны со славными, реже с бесславными историческими событиями, а также их действующими лицами. Таким образом, активный всплеск коллективных воспоминаний вызывают не любые исторические события и персонажи, а те, которые в значительной степени актуальны для современной общественной жизни сообществ.

Конструирование воспоминаний как отвечающих эмоциональному настрою и наличной мотивации сообщества, в частности, отчетливо наблюдается в изменениях содержания и эмоциональ-

ной окраски памяти о Второй мировой войне в Европе. Сам факт и последствия нацистской оккупации Франции уже упоминались как предмет исследования сложных трансформаций в коллективной памяти французов. Подчеркивая болезненную эмоциональную напряженность этих воспоминаний, А. Руссо (Руссо, 1995) называет этот период «постыдной страницей» в истории Франции и ставит вопрос о проблеме «управления историческим прошлым», механизмах и закономерностях подобного «управления» со стороны общественного сознания. Он показал, что эволюция воспоминаний обнаруживает еще один важнейший аспект коллективной памяти — ее ценностную природу. Такие этически «нагруженные» ценности не просто эмоционально сопровождают воспоминания, они радикально меняют их смысл и содержание.

Аффективная составляющая коллективной памяти исследовалась многими авторами, которые подчеркивали роль эмоций в распространении и запечатлении информации при конструировании воспоминаний, и в осуществлении коллективного копинга (Paez, Basabe, Gonzalez, 1997). В исследовании, касавшемся коллективных воспоминаний о похищении бывшего премьер-министра Бельгии (Rimé, Christophe, 1997), авторы фокусируют внимание на важном социально-психологическом феномене, состоящем в передаче частного эмоционального опыта другим. Этот феномен, по мысли авторов, основан на принципе, согласно которому любой эмоциональный опыт непременно социально разделяется. Такой акт они называют социальным разделением эмоций. Социальное разделение эмоции — это процесс, происходящий на протяжении многих часов, дней и, возможно, недель и месяцев, последующих за эмоциональным эпизодом (*ibid.*, p. 133). Психологический механизм этого процесса родственен тому, что действует в процессе серийного воспроизводства, открытого Бартлеттом (Bartlett, 1950).

В обзоре, проведенном Б. Римэ и В. Кристоф, где анализировались 1384 различные жизненные эпизода, наблюдаемая доля случаев, в которых участники говорили с другими людьми о прошлых эмоционально окрашенных событиях, составляла от 90% до 96,3%. Эта доля не менялась ни в связи с возрастом или полом испытуемых, ни в зависимости от типа конкретной эмоции (будь то страх, гнев, радость, досада или стыд). Более того, особенности культуры (в пределах различных западноевропейских стран) также не влияли на результат (Rimé, Christophe, 1997).

Такая высокая эмоциональная насыщенность коллективных воспоминаний является основой как относительной устойчивости воспоминаний, так и желания ими поделиться, что обеспечивает воспроизводство памяти. Кроме того, ценностно-этический потенциал коллективной памяти также базируется на эмоциональной окрашенности воспоминаний, определяя их актуальность. В конструировании этих картин-интерпретаций явственно просматриваются моральные требования, существующие в современном обществе. Эмоциональный заряд некоторых воспоминаний настолько силен, что их можно считать основой психологического единства нации.

Конструкционистский подход позволяет взглянуть на эмоционально-ценностную «предвзятость» памяти не с точки зрения артефактов, ошибок и «необъяснимой» коллективной амнезии, а с точки зрения культурно-исторической логики момента и связанного с ней представления об «этике памяти». Приведем высказывание французского историка о времени нацистской оккупации Франции: «Французское общество в целом, от добровольного акта амнистии до коллективной амнезии, сокрыло черные страницы режима Виши. История, освобожденная от гнета памяти, то есть от легенды, искусно поддерживаемой политическими властями, являющимися соучастниками идеализированной истории движения Сопротивления в том виде, в коем ее предложили и организовали голлисты и коммунисты, подошла к рубежу, за которым ее больше не считают священной, за которым ее начинают критиковать во имя „этики памяти“, отвергающей забвение» (Лавабр, 1995, с. 234). Сравнительные исследования «легенд памяти» в разные исторические периоды могли бы многое сказать о динамике особенностей нравственного идеала в истории отдельных наций и всего человечества.

Подход к коллективной памяти с позиций конструкционизма открывает дополнительные возможности анализа не только интерпретаций истории политических событий и их эмоционально-ценностной основы, он позволяет по-новому взглянуть на те процессы, эффекты и структурные особенности памяти, которые были обнаружены исследователями. В ряду процессов коллективной памяти можно назвать систематические ознаменования событий истории. По аналогии с индивидуальной памятью их можно рассматривать как упорядоченные во времени воспроизведения со-

бытий в памяти, носящие ритуальный характер. Кроме уже упомянутых культурно-исторических факторов и причин, связанных с упрочением позитивной идентичности группы, ознаменования имеют личностную основу, так как люди неизменно испытывают желание упорядочить поток времени, структурировать и отметить свою собственную позицию в нем. Выделение отмечаемых дат, частота и масштабность празднований различных общественных событий представляют специальную исследовательскую проблему.

Изучение коллективной памяти в современной социальной психологии опирается на совершенно различные методологические традиции, что непосредственно связано с историей ее исследования. Думается, в чем-то это напоминает ситуацию с формированием методологии изучения социальных представлений и ее связи с методологией коллективных представлений Дюркгейма. Понятие коллективной памяти как «социально разделяемых образов прошлого» (Paez et al., 1997, p. 147) тоже было заимствовано из французской социологической школы, и вслед за Хальбваксом было принято считать, что ее функции состоят в том, чтобы «способствовать социальному сплочению группы» (*ibid.*). Однако, соглашаясь с этим тезисом, мы не должны забывать, что для Хальбвакса за ним стоял принцип «социологизма», утверждаемый французской социологической школой, начиная с Дюркгейма, и онтологизирующий коллективное сознание. Для него коллективная память являлась не функцией группы, а основной реальностью ее существования. В работе «Память и общество» (Halbwachs, 1948) Хальбвакс писал, что, когда группа переносит свой интерес с одного исторического периода на другой, то «это не одна и та же группа, которая забывает часть своего прошлого, в действительности это две группы, которые следуют друг за другом» (*ibid.*, p. 80).

Извлекая понятие «коллективная память» из этого теоретического контекста, современные исследователи, по сути, не следуют методологии Хальбвакса, хотя и заявляют об этом (см., напр.: Paez et al., 1992, p. 257–258). Коллективная память трактуется ими совершенно в других теоретических традициях, отличных от постулатов французской социологической школы. Хотя идеологи этого направления и не обсуждают развернуто своих теоретических позиций, ссылаясь лишь на Хальбвакса и Бартлетта, в их текстах, в основном ориентированных на анализ результатов эмпирических исследований, можно уловить определенные мето-

дологические акценты. Первое, что обращает на себя внимание, — это приверженность теории личной и социальной идентичности, с помощью которой интерпретируются такие эффекты коллективной памяти, как поиск исторических доказательств в пользу своей группы и игнорирование невыигрышных обстоятельств, подтасовка фактов, поиск врага, «козла отпущения» (Baumeister, 1997; Paez et al., 1992; Pennebaker, Banasik, 1997). Вторая линия теоретических объяснений касается интерпретации фактов коллективного забвения. В этом случае используются психологические теории стресса, фрустрации-агрессии и психодинамические объяснения забывания как вытеснения неприятных воспоминаний (Paez et al., 1992). Этот список можно дополнить и третьей линией объяснений возникновения коллективных воспоминаний в ходе социального взаимодействия, — объяснениями через дискурсивную практику (Pennebaker, Banasik, 1997, p. 3), т. е. в русле конструкционистской логики.

Такое причудливое сосуществование различных методологических оснований наводит на мысль о том, что феномены коллективной памяти действительно настолько многолики, что не поддаются единому теоретическому описанию. Все то, что объединяется под категорией явлений коллективной памяти: искажение исторических фактов, забвение негативно окрашенных событий, акцентирование заслуг своей группы или интерпретация ее как жертвы агрессии и т. п. — представляет собой скорее процессы конструирования коллективных интерпретаций, соответствующих целям и ценностям социальной группы, чем собственно воспоминания. Это предположение поддерживается и тем, что подобные интерпретации всегда содержат мощные аффективные и ценностные компоненты, являясь тем самым комплексными психологическими образованиями, а не моноструктурами. Можно предположить, что в переломные исторические периоды группы, пересматривая свою историю, создают новые трактовки прошлого, приближенные к своим актуальным ценностям. Другими словами, коллективные воспоминания существуют до тех пор, пока они выполняют свои функции, но при возникновении исторической необходимости на их базе создаются новые интерпретации соответствующих исторических событий.

Если предположить, что социальные группы в периоды общественных кризисов, например войн, конструируют «скоррек-

тированные» представления о прошлом, соответствующие их нынешним целям, ценностям и моральным принципам, то вероятно, новые социальные представления об актуальных событиях будут опираться на эти «отредактированные» исторические интерпретации. Сформированная таким образом комплексная трактовка события обладает мощным эмоциональным зарядом, который тесно связан с целями и ценностями группы и поэтому моральная составляющая всегда в нем присутствует.

Конструируемые интерпретации исторических событий можно сравнить с «имаго». Возвращаясь к прошлому, люди в очередной раз надеются найти там свою мечту о «золотом веке». Именно в прошлом ищут доказательства величия нации, а неудачи подвергаются забвению. Именно прошлое дает образцы героики и отваги, с которыми группа себя идентифицирует. Темы социального конструирования в коллективной памяти обсуждаются социологами и психологами (Middleton, 1990). Факт реконструкции информации в коллективной памяти под влиянием культурно-исторических факторов подтверждают данные эмпирических исследований (Collective memory of political events, 1997). По словам Г. М. Андреевой, «человек не просто „получает“ социальную информацию, „перерабатывает“ ее, но и „творит“ мир» (Андреева, 2005, с. 143).

Анализируя проявления коллективной памяти, исследователи сталкивались с феноменами, которые не укладывались полностью в схему, очерченную Хальбваксом. Известно, что он в основном рассматривал память как механизм поддержания внутреннего единства группы, связывающего ее членов, т. е. акцентировал, прежде всего, положительно окрашенные воспоминания, сплачивающие сообщество. Между тем в эмпирических исследованиях современные авторы встали перед необходимостью интерпретировать то, каким образом общества и группы вспоминают негативно окрашенные коллективные события, вызванные социальными конфликтами, массовыми репрессиями, войнами и др.

В исследованиях было показано, что подобные воспоминания имеют особые свойства. Исследователи назвали этот феномен «заговором молчания» или «молчаливой памятью». Каждому по собственному опыту известно, насколько неохотно ветераны войны вспоминали фронтową жизнь. Явление умалчивания получило подтверждение в исследованиях испанских и португальских психологов, когда при попытках выявить детали военного опыта

ветеранов войны они сталкивались с отказом говорить на эту тему (Marques, Paetz, Serra, 1997). По результатам исследований были сделаны выводы о существовании общих, разделяемых реакций на травмирующие события в виде молчания, т. е., вероятно, их коллективного подавления в памяти.

Традиционно вопросы, связанные с психическими травмами, были предметом психоанализа и клинической психологии. Известно, что Фрейд затрагивал тему коллективной памяти именно в связи с событиями, травмирующими психику. Социальные процессы в эмоционально нейтральных условиях, считал он, обычно работают в направлении предания забвению травмирующих событий. Однако если цензура или другие репрессивные мероприятия в обществе искусственно запрещают эти воспоминания, то они возвращаются с новой силой. В любом случае коллективное подавление является неблагоприятным фактором как для психики отдельных людей, так и для коллективов и общества в целом. Подавление затрудняет процессы когнитивной обработки и запуска механизмов психологической защиты. Эти механизмы хорошо известны по отношению к стрессу и фрустрации, испытываемым отдельным человеком: негативные переживания должны пройти через процессы отрицания, избегания, а на их основе подвергнуться ассимиляции и реконструкции. Не ассоциированные когнитивные и эмоциональные фрагменты провоцируют психическое возбуждение и вызывают фрустрационные реакции. Если эти реакции разделяются множеством людей, они начинают индуцировать друг друга и в конце концов могут привести к разрушительным последствиям в форме либо агрессивных действий, либо к повышению уровня заболеваемости и смертей.

Эта схема, основанная на наблюдениях психической жизни отдельных людей, конечно, не может, на наш взгляд, быть непосредственно перенесена в пространство общественных процессов, где действуют собственные социальные и социально-психологические механизмы. Верно одно: если общество состоит из групп, а группы из личностей, то процессы, происходящие на личностном уровне, не могут не учитываться при социально-психологическом анализе, тем более что сейчас, кажется, никто, включая жестких когнитивистов, не сомневается в том, что индивидуальные когнитивные процессы обусловлены социальными факторами.

Так направление, изучающее социальную память, может быть хорошим примером и подспорьем в исследованиях коллективной памяти. В будущем может быть поставлена задача поиска достоверных параллелей между мнестическими процессами разного уровня. Нельзя не согласиться с испанскими авторами: «Исследования, посвященные памяти как коллективному феномену, даже в большей степени, чем исследования индивидуальной памяти, основаны на социально распределяемых процессах воспоминания. Память — это нечто, происходящее внутри людей, но распределяемый процесс воспоминания имеет социальные функции и эффекты на общественном уровне» (Paez, Basabe, Gonzalez, 1997, p. 150). Эти особые функции и эффекты основаны на социально-психологических закономерностях функционирования социального знания, которые особым образом конструируются: отбираются группой сквозь призму ее социально-психологических особенностей, фиксируются в схематической форме образов памяти, хранятся в виде устной традиции, мемуаров, архивов, памятников, преданий, которые не всегда соответствуют официальной версии события.

В случае коллективного переживания травмирующего события различные группы общества формируют свое специфическое отношение к нему. Если члены группы имеют общий опыт переживания этого события, то различия аттитюдов будут сильнее выражены в случае межгруппового сравнения, так как члены групп будут более активно и последовательно встраивать событие в логику групповой идентичности. Межгрупповые различия содержания воспоминаний и отношения к ним обычно велики в случае именно травмирующего переживания. Так, на примере Чили было обнаружено существование раскола общественного мнения относительно того, следует ли вообще возвращаться к прошлым событиям периода диктатуры и давать им оценку. В целом же исследования показывают, что позитивное отношение населения к своей стране (т. е. ее общая положительная оценка в настоящем) связано с забвением негативных коллективных событий.

Изучалась также связь между частотой воспоминаний об отрицательно окрашенных событиях и оценкой эмоционального климата своей страны на выборах в Чили и в Испании (Paez, Basabe, Gonzalez, 1997, p. 159). Была обнаружена обратная зависимость — в случае большого количества воспоминаний о негативных событиях и их частой актуализации наблюдалась, соответственно,

и худшая оценка своей страны в настоящем. Примеров коллективного забвения достаточно в истории каждой страны. Так, туристы, посещающие Версаль, могут полюбоваться залом военных побед в этом дворце, где представлены огромные живописные полотна с изображением побед наполеоновской армии. Однако хронология этих побед обрывается как раз на том историческом моменте, когда начинается «русская кампания», о которой, естественно, в этом зале не вспоминают. Как же может быть иначе в стране, где Наполеон Бонапарт является национальным героем, которому воздвигнуты многочисленные памятники и монументы!

Исследователей интересовала также проблема протяженности во времени и стадий, через которые проходит процесс реконструкции в случае травмирующего события. Испанские авторы предполагают, опираясь на идею Хальббакса о произведениях культуры как об институциональных формах коллективной памяти, что в таких произведениях, как кинофильмы и романы, отражаются основные этапы реконструирующих процессов коллективной памяти. Авторы (Igartua, Paez, 1997, p. 82) анализируют фильмы, снятые во Франции и за ее пределами о войне в Алжире (1954—1962). Как известно, эта война, которая велась Францией за сохранение постколониального влияния в Алжире и закончилась для Франции бесславно, унеся много жизней с обеих сторон. В исследовании анализировались содержание, эмоциональный тон, смысловые акценты и основные темы, разрабатываемые в фильмах на протяжении 30 лет после окончания алжирской войны (всего пять периодов).

В качестве первого периода авторы рассматривают те восемь лет, на протяжении которых шла война. В это время наблюдались либо тактика умалчивания, либо жесткое селектирование кинопродукции через институт военной и политической цензуры для фильтрования негативных аспектов войны. Десятилетний период после окончания войны, т. е. до 1972 г. составил вторую фазу символической реконструкции событий: в 1966 г. в Италии был снят фильм «The battle of Algiers», но он интерпретировал события с позиций Алжирского фронта национального освобождения и не пропускаться французской цензурой для проката во Франции до 1982 г. В самой же Франции этот конфликт официально войной не признавался и фильмов о нем не снимали. В третьем периоде, который длился еще десять лет, преобладали рефлексивные

тенденции, раскрывавшие личностные особенности поведения людей на войне, в особенности те обстоятельства, которые превращали нормальных людей в убийц. Однако при этом факт проигрыша игнорировался. Четвертый период ознаменовал рождение идеализированной конвенциональной памяти, когда появились произведения, содержащие высокую оценку французской военной доблести и офицерской чести. Между тем жестокость, пытки по-прежнему игнорировались. Спустя 30 лет по окончании войны, условно говоря в пятом периоде, появился документальный фильм об алжирской войне, который был посвящен индивидуальным трагедиям солдат, участвовавших в нем, но вновь не затрагивал политических аспектов этой войны (Igartua, Paez, 1997).

Подобная периодизация представляется интересной по нескольким причинам. Во-первых, она вскрывает волнообразный процесс, в котором конструируются различные аспекты воспоминаний от личностных переживаний до патриотической патетики. В сохраняющихся образах коллективной памяти о травмирующих событиях именно эти элементы в основном и присутствуют. Индивидуальные трагедии воплощаются в темы, поддерживающие позитивную идентичность нации. Иногда эти процессы напоминают преодоление когнитивного диссонанса в индивидуальной психике: оправдание затраченных усилий, неизбежная жестокость войны и т. п. Конечно, в социальных процессах многое зависит от политической обстановки в конкретной стране, силы цензуры, смены политических ориентаций, которые влекут за собой переосмысление прошлого и от многого другого. Однако остается вопрос: почему в подавляющем большинстве случаев политические причины травмирующих событий забываются? Не потому ли, что, всемерно укрепляя положительный образ группы, люди подавляют мысли, связанные с тем, что их попросту обманули, сделали их жертвами чьих-то интересов, а то и политических ошибок?

Обобщая результаты зарубежных исследований коллективной памяти, можно предположительно выделить элементы структуры коллективной памяти и ее механизмы. Так, хорошо изученные в общей психологии процессы памяти: запоминание информации, ее хранение, переработка, забывание и воспроизведение — в случае коллективной памяти имеют специфику.

Было показано, что политико-экономический контекст события оказывает влияние на его запоминание и сохранение в кол-

лективной памяти. Дж. Пеннебейкер и Б. Банейсик (Pennebaker, Banasik, 1997) изучали память о четырех военных кампаниях Соединенных Штатов: Второй мировой войне, корейской войне, о Вьетнаме и войне в Персидском заливе. Все они повлекли за собой гибель людей и огромные расходы. Однако только две были отмечены респондентами как имеющие долговременные следы в памяти — Вторая мировая война и Вьетнам. Исследование показало, что не количество потерь в войнах оказало влияние на коллективную память, а то, что они были поворотными моментами для Америки. После Второй мировой войны США появились на мировой арене как доминирующая военная и экономическая сила. Вьетнам же был важным моментом в изменении этой эгоцентричной позиции, так как появилось новое поколение американцев, которое подвергло сомнению роль США в мире. Таким образом, авторы делают вывод, что любая война становится субъективно важным событием истории, однако, если институциональные или персональные последствия не очевидны, она оставит слабый след в коллективной памяти.

Аналогичный вывод был сделан по результатам исследования коллективной памяти об убийствах особ королевской крови во Франции. До казни Людовика XVI во Франции в 1793 г. произошло немало убийств французских королей. Однако они не запомнились так прочно, поскольку основная линия политической истории (королевская власть) не нарушалась. После Французской революции и казни Людовика XVI структура правления поменялась навсегда. Этим и объясняется прочность коллективной памяти на это событие.

Таким образом, некоторые события, переработанные коллективной памятью, приобретают своего рода вечное значение. Поэтому они чаще и дольше вспоминаются по сравнению с огромными массивами происшествий, которые обречены на забвение. Их искажение может быть скорее результатом того статуса, который эти события получают в сравнении с другими. Как подчеркивал Хальбвакс, коллективная память характеризуется избирательностью. Вероятность сохранения воспоминаний зависит от того, наделяет ли их особой функцией «социальная рамка памяти», т. е. они могут удержаться в памяти лишь в том случае, если они отвечают каким-то институциональным нуждам (Halbwachs, 1950b). Следовательно, общество будет принимать и коллективно вспоминать

те события, которые больше всего влияют на его жизнь. Коллективная память более вероятно сформируется и будет храниться, если события вызвали значительные изменения в жизни людей и страны.

Как отмечают Д. Пеннебейкер и Б. Банейсик (Pennebaker, Vaparakis, 1997), на индивидуальном уровне объекты и события имеют большую вероятность быть запечатленными в памяти, если они повторяются. В лабораторных экспериментах повторение помогало людям сохранить девятизначное число в течение секунд, минут и даже дольше. Но память на события, утверждают авторы, отличается от памяти на телефонные номера или списки не связанных между собой слов тем, что она имеет интерактивный компонент. Содержание события в большинстве своем обсуждается с другими — это и является своеобразной формой повторения. Так, исследования природной катастрофы (землетрясение в заливе Сан-Франциско в 1989 г.) и откликов на войну в Персидском заливе показали, что, когда случаются такие крупномасштабные события, которые влияют на общество, степень социального участия и интенсивность размышлений о них очень высока в течение первых двух недель. Затем активность обмена впечатлениями и воспоминаниями постепенно спадает. Кроме того, отмечают авторы, люди не только усиленно обсуждают эти события между собой, но и «бомбардируются» информацией о них из газет и телевидения. Получая основные сведения о событии, люди не смогут не запомнить его. Этот феномен Хальбвакс в свое время назвал процессом «переговоров» по согласованию коллективной и индивидуальной памяти. Таким образом, память о произошедших событиях более вероятно сформируется, если люди активно говорят и думают о них. Обсуждение событий способствует конструированию их согласованного образа.

Одной из тем современных социальных наук о памяти является описание связи процессов закрепления коллективной памяти с «памятниками», т. е. объектами, предназначенными для фиксации следов прошлого. По поводу сохранения образов памяти А. Левинсон отмечает, что возведение «памятника» (монумента, мемориала, памятной доски или знака, а также создание музея или академического института, написание книги) возможно лишь в том случае, если определенная версия прошлого вольно или невольно признается обществом (Левинсон, 2010). Нужно заметить, что про-

цессы сохранения памяти довольно детально изучены в контексте анализа «памятных мест» (Нора, 1999).

Процесс актуализации следов коллективной памяти также имеет специфику, обусловленную контекстуальным характером феномена. На то, какие события вспоминаются, большое влияние оказывает актуальная ситуация. Пеннебейкер и Банейсик (Pennebaker, Banasik, 1997) приводят пример праздников, которые отмечались в Капитолии (США) выставками картин, скульптур, фресок и т. п. Было обнаружено, что часто люди и события, которые не считались важными в определенный период времени, были как бы заново «открыты» последующими поколениями. Например, ранние колонисты чтили как великого исследователя Джона Кабота, английского мореплавателя итальянского происхождения. Но с усилением антибританских настроений они заинтересовались Колумбом, который стал самым почитаемым путешественником в Америке. Сходный феномен был отмечен в отношении репутации А. Линкольна и в том, как она менялась после его смерти.

Между тем Хальбвакс (Halbwachs, 1950b) указывал на наличие особого неизменного статуса некоторых моментов прошлого в памяти. В работе «Социальные рамки памяти» он рассматривал различные компоненты христианского культа, каждый из которых по существу является напоминанием о периоде или событии жизни Христа. Ощущение вечности, связанное с памятью о Христе, возникает в силу исключения религиозной памяти из общего потока постоянно флуктуирующей коллективной памяти. Хальбвакс выдвигает идею о том, что религия переносит нас в иной мир вечных образов, поэтому ее объект неизменен. Таким образом, он предлагает объяснение тому, как конкретное событие в рамках социальной памяти приобретает статус вечного.

Важная закономерность воспоминания событий была описана Фрейдом. С его точки зрения, мысли, воспоминания, связанные с влечением, запрещаются высшими инстанциями сознания, которые стремятся держать их в области бессознательного. Однако, несмотря на это вытеснение, такие воспоминания имеют тенденцию возвращаться, выбирая окольные дороги снов, невротических симптомов и недомоганий. Однако, возвращаясь без ведома сознания, бессознательное содержание оказывает на «Я» навязчивое влияние, которого оно не может избежать. Этот процесс Фрейд называл возвращением вытесненного. Но, как отмечает С. Моско-

виси (Московиси, 1998), он свойствен психологии индивида и плохо применим к коллективным явлениям. Прежде всего, этот процесс предполагает существование общего фонда бессознательного. Но такого фонда, считает Московиси, не существует у масс. К тому же возвращение вытесненного касается большей частью подавления эротических влечений. Поэтому, чтобы избежать неоправданного переноса феномена из одной области психологии в другую, Московиси предлагает для описания подобного явления термин «воскресение имаго». Оно проявляется во внезапном и глобальном оживлении ситуаций и персонажей прошлого.

Достаточно проработанными в психологии коллективной памяти можно считать характеристики процесса забывания. Пеннебейкер и Банейсик (Pennebaker, Banasik, 1997) считают, что, если событие не изменило направление истории, разговоры о нем будут помогать людям организовывать, ассимилировать и, в конце концов, забывать событие. «Раз событие когнитивно ассимилировалось, индивиды не нуждаются в размышлении о нем, раз событие выпало из их головы, они могут активно забыть о нем» (ibid.). Пример того, как забываются даже объективно важные события, можно увидеть в случае войны в Персидском заливе. Было замечено, что интенсивность, с которой люди говорили о войне в Персидском заливе в США в первые недели после ее начала, была довольно велика. Исследователи предположили, что, если разговоры о событии помогают нам организовывать память о нем, а также и забывать его, то те, кто говорил о войне больше всех, будут хуже ее помнить. В проверке этой гипотезы участвовало 76 студентов, еженедельно заполнявших анкеты об интенсивности, с которой они говорили о войне в то время, когда она шла. 2,5 года спустя они были опрошены снова. Им задавались вопросы о важнейших фактах войны: «С кем мы боролись? (Ирак). Кто был лидером оппозиционной силы? (Саддам Хуссейн). Как много американских солдат было убито? (143)». К удивлению исследователей, у большинства опрошенных память была крайне бедной. Интересно, что два фактора оказали влияние на бедность долгосрочной коллективной памяти о войне: интенсивность обсуждения и негативные эмоции по отношению к войне. По существу, те, кто говорил больше всего и те, у кого война вызывала самые негативные эмоции, спустя 2,5 года отличались наиболее скудными воспоминаниями.

Исследователями коллективной памяти большое внимание уделялось изучению ее механизмов. Один из важнейших — умалчивание событий. Как отмечает М. Полляк, за последние 15 лет в Европе большое распространение получили случаи переписывания истории (Полляк, 1995). Этот процесс автор называет «битвами памяти», так как чаще всего он представляет собой возрождение прежде «запретной», «подпольной» памяти, которое вызывает конфликт в обществе. С точки зрения автора, существование «запретной» памяти подтверждает значительную стойкость групповой памяти, а также существование «пропасти» между идеологией партий, государства и гражданским обществом.

Таким образом, Полляк разделяет коллективную память на «официальную» и «скрытую». Московиси также отмечал существование запрещенных имаго, хранящихся в форме мнестических следов (Московиси, 1998). Пеннебейкер и Банейсик называют такую память коллективной памятью умалчиваемых событий. Под умалчиваемым событием они понимают событие, о котором люди избегают говорить. Молчание может быть навязано репрессивным правительством или другим авторитетным институтом, например, религией. Событие может вызывать чувство вины или считаться настолько позорным, что многие отказываются говорить о нем.

Долгое молчание о прошлом может быть, как отмечает Полляк, своеобразной формой сопротивления слишком сильному давлению со стороны сил, проводящих официальную версию событий (Полляк, 1995). Однако молчание — это не только результат идущих сверху запретов, оно может быть следствием интериоризации чувства вины, стыда и унижения. Так, тенденция не афишировать прошлое у бывших узников концентрационных лагерей, вернувшихся после освобождения в Германию, Полляк объясняет их потребностью найти способ совместного существования с теми, кто прямо или косвенно способствовал их депортации. Отдельные ситуации усугубляются еще и возможными угрызениями совести, так как люди могли принудительно участвовать в действиях, считающихся постыдными. К этому еще добавляются и проблемы ограниченности памяти, а также вольных или невольных заблуждений и преувеличений, утрирования оттенков в интерпретациях и нарушения хронологии.

Если молчание бывших нацистов и попутчиков режима понятно, то трудно разобраться в его причинах у жертв. К ним Полляк отно-

сит трудности в нахождении контакта с собеседником, сомнения в понимании. К этим причинам молчания относится еще и желание уберечь детей от травмирующего опыта. Но когда живые свидетели понимают, что их жизнь завершается, они пытаются спасти свои воспоминания от забвения. Дети тоже, оказывается, хотят знать о прошлом — вот откуда, считает Полляк, этот шквал современных свидетельств и публикаций. Кроме того, «запретная» память вызывается к жизни во времена глубоких политических перемен, когда происходит пересмотр прошлого и у носителей такой памяти появляется надежда покончить с чувством отверженности и восстановить то, что они считают правдой и справедливостью.

Исследования Пеннебейкера и Банейсика памяти о войне в Персидском заливе и землетрясении подтвердили их предположение о том, что люди быстро усваивают нормы того, что уместно, а что нельзя говорить о событиях. Исследования также показали, что, когда людям не позволяли говорить о важном событии по какой-либо причине, то эти события возвращались к ним во сне.

Процессы забвения в коллективной памяти изучались в Франкфуртской школе, прежде всего Т. Адорно. В послевоенное время работа коллективной памяти в Германии была подчинена необходимости осмыслить недавнее прошлое (Адорно, 2005). Беспрецедентность геноцида породила устойчивые переживания вины и стыда, избавление от которого часто сопровождалось перечеркиванием индивидуальных и коллективных воспоминаний и тем самым отрицанием самого существования недавнего прошлого. Т. Адорно утверждал, что в Западной Германии 50-е годы были временем целенаправленного забвения военного прошлого. Основываясь на осуществленном Франкфуртским институтом социальных исследований послевоенной германской ментальности, Т. Адорно заявил, что в ней обнаружен факт коллективного самообмана, на который указывал (и который маскировал) призыв к «переоценке прошлого». В этом стремлении к «переоценке» декларировалась, с одной стороны, добрая воля к пониманию и искуплению ужасов нацизма, с другой — слишком часто просматривалась тенденция подвести черту под прошлым. По мнению Адорно, в этом процессе «разрушения памяти» западногерманское общество руководствовалось необходимостью создать собственный позитивный образ, что было связано с тем, что коллективная память тесно связана с групповой идентичностью.

Еще одним механизмом коллективной памяти, открытым благодаря исследованиям последних десятилетий, является запаздывание в актуализации памяти. Феномен «запаздывающей памяти» состоит в том, что крупные исторические события, сильно травмирующие общественное сознание, подвергаются умалчиванию. Исследователи указывают на различную длительность срока умолчания. Так, Е. Г. Турбина (1998) определяет его как 15-летний промежуток и приводит пример Гражданской войны в США, которая не отмечалась до 1880-х годов. Исследования и мемориальные мероприятия по поводу холокоста как в Израиле, так и на Западе начались не ранее 1960-х годов. Военные воспоминания ветеранов Вьетнама также не выносились в США на публику около 15 лет. Однако, Пеннебейкер и Банасик этот срок умолчания определяют в 25 лет. Их исследование касалось убийства президента Кеннеди. В течение долгих лет после этого события в Далласе не было знаков того, что здесь произошло убийство. Лишь почти через 25 лет в Далласе открылся музей-выставка, подтверждающая, что убийство Кеннеди произошло в деловой части города. Раньше же попытки открыть подобную выставку вызывали сильные протесты.

Подобный феномен наблюдался в Мемфисе, штат Теннесси, в городе, где в 1968 г. был убит Мартин Лютер Кинг. Почти через 25 лет после убийства Кинга в Мемфисе открылась большая выставка, посвященная смерти известного защитника гражданских прав. Мемориальная стена в память погибших во Вьетнаме была открыта в 1982 г. — спустя почти 25 лет после гибели первого американца на войне. Более того, 10 лет до выпуска в 1986 г. кинофильма о вьетнамской войне она еще не была приемлемой для освещения, но спустя некоторое время после его выхода на экраны, о вьетнамской войне было выпущено более десятка фильмов (Pennebaker, Banasik, 1997).

Для проверки этой закономерности авторы исследовали памятники, которые были сооружены в Соединенных Штатах за последние 100 лет в память катастроф, сражений и других событий — позитивных и негативных. Затем они определили промежуток времени между событием и сооружением памятников. Исследование показало, что памятники сооружаются в основном с промежутком в 20–30 лет, причем не имеет большого значения, являлось ли событие позитивным или негативным.

Авторы подробно исследовали, когда делаются и выпускаются в прокат кинофильмы по мотивам недавних исторических событий. Случайным образом из более чем 20000 фильмов, выпущенных с 1920 по 1990 г., были выбраны 1400 и классифицированы по дате реализации и эпохе, которая была показана в фильме. Большинство из них изображало настоящее, т. е. время, когда фильм был в прокате. Однако те фильмы, которые не изображали настоящее, обнаружили тенденцию отражать события 20–25-летней давности. Эта закономерность очевидна для картин, имевших большой успех по количеству проданных билетов.

В связи с этим возникает два вопроса. Почему для начала ознаменования события должно пройти 20–30 лет? И почему возведение памятников возобновляется с циклом в 20–30 лет? Существует, по крайней мере, три гипотезы. Первая — гипотеза критических периодов. События имеют большее влияние на людей в определенном возрасте, а именно в возрасте 12–15 лет. Э. Эриксон указывает на важность этого периода жизни. Исследователи, имеющие дело с автобиографической памятью, полагают, что люди имеют тенденцию вспоминать то, что было сформировано в возрасте 12–25 лет. Данная закономерность подтвердилось и для воспоминаний о событиях национального и мирового значения. Г. Шуман и Ж. Скотт показали, что, когда людей разного возраста спрашивали, какие исторические события кажутся им особенно важными, они значимо чаще называли те, которые произошли, когда им было 13–19 и 20–29 лет (Шуман, Скотт 1992).

Таким образом, события становятся достоянием коллективной памяти определенной возрастной группы. Причины, почему именно эти возрастные периоды так важны для формирования памяти на события, пока еще не раскрыты.

Некоторые исследователи считают, что, кроме формирования самоидентификации и первых интимных отношений, в это время происходят сильные эмоциональные и психологические изменения личности, они относятся и к формированию памяти и воспоминаний (Conway, 1997). Таким образом, память на крупномасштабные события может быть сильнее для тех, кто переживал их в 13–19 или в 20–29 лет, так как у тех, кто переживает важное историческое событие впервые, оно вызывает более сильное впечатление.

Вторая гипотеза получила условное название гипотезы «ресурсов поколения». С этой точки зрения события отмечаются то-

гда, когда люди имеют экономические ресурсы или политические возможности для этого. После значимого для коллективного запоминания события юное поколение еще не имеет возможностей для его ознаменования. Примерно 25 лет спустя, когда представители этой группы достигают возраста 40 лет, они активно осмысливают свое собственное прошлое, строят памятники, создают фильмы или пишут книги. Когда индивиды проходят 40-летний рубеж, они, по Э. Эриксону, начинают активно интересоваться прошлым и рефлексировать относительно своей собственной жизни.

Существует и третья гипотеза, не противоречащая, впрочем, первым двум — гипотеза психологической дистанции. Установлено, что сразу после сильного (особенно травмирующего) переживания люди имеют тенденцию отгораживаться от него. Любое напоминание может вызывать беспокойство и стресс. Чтобы справиться с травмой, люди используют различные защитные механизмы. После убийства президента Кеннеди в Далласе, например, немногие желали открытого обсуждения события. Некоторые активно делали пожертвования на гуманистические цели. Возросло число самоубийств и смертей от болезней сердца. Однако со временем негативные эмоции начинают стираться в памяти и количество членов общества, которые противятся созданию памятников, уменьшается. В результате общество приходит к согласию и осознает важность меморизации события.

Приведенные примеры исследований, осуществленных социальными психологами, позволяют прийти к некоторым обобщениям, относительно сложившихся особенностей социально-психологического подхода к коллективной памяти, в отличие от подходов других социальных наук. Социально-психологический ракурс изучения коллективной памяти предполагает апелляцию к социальной идентичности и другим социально-психологическим особенностям исследуемых групп общества. Отмечается также выраженный интерес к характеристикам процессов коллективной памяти и ее механизмам.

В наших исследованиях, представленных в главах 3–5, мы, развивая логику предшествующих работ, сфокусировали свой исследовательский интерес на проблемах факторов, определяющих содержание коллективной памяти, на особенностях процессов сохранения и забвения следов памяти, механизмов коллективной

История и современный этап изучения коллективной памяти

памяти, а также ее функций в структуре ментальности больших социальных групп общества. Особое внимание было направлено на выявление политико-экономических векторов интерпретации событий и персон разными социальными группами. Исследования, проводившиеся с 1995 по 2015 г. посвящены коллективным воспоминаниям о событиях отечественной истории и ее выдающихся деятелях.

ГЛАВА 3

Коллективная память россиян об исторических личностях: логика вариативности

3.1. Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти поколений

Обыденное политическое сознание, частью которого является коллективная память, в условиях динамично развивающейся общественно-политической системы страны приобретает особую исследовательскую актуальность. Коллективная память становится важнейшим фактором построения людьми интерпретаций происходящего в политической жизни, создания образов политических деятелей, поскольку именно коллективная память дает своего рода «точки отсчета», исторические образцы, предлагает ассоциации с событиями и деятелями прошлого. Как и другие коллективные феномены обыденного сознания, коллективная память является атрибутом социальной группы. Для социальной психологии актуальность представляет изучение того, какие механизмы действуют при актуализации тех или иных образов коллективной памяти. Среди этих механизмов важнейшими представляются социальная идентичность, коллективный коупинг, способы поддержания позитивного образа группы, коллективные эмоциональные процессы, разделяемые членами группы социальные потребности и установки.

Результаты работ международной группы социальных психологов, проведенных в нескольких десятках стран, показали, что более выраженным у респондентов был консенсус относительно положительной оценки героических фигур (выше всех оценивались Эйнштейн, Мать Тереза, Ганди), чем относительно негативной оценки злодеев (самым плохим был признан Гитлер – Hanke и др.,

2013). При этом не исключается, что, помимо универсальных закономерностей, существует и феномен местной культурной зоны, атрибутируемой конкретной нации (Inglehart, Baker, 2000; Liu, Sibley, 2015).

Проведенное нами исследование было посвящено коллективной памяти о наиболее субъективно значимых исторических событиях и деятелях отечественной истории у представителей различных социальных групп. В исследовании участвовали 345 человек, из них: 121 студент (возраст от 18 до 23), 115 работающих взрослых (возраст от 25 до 55) и 109 неработающих пенсионеров (возраст от 60 до 86). В качестве методов исследования использовались авторские методики оценки субъективной значимости исторических событий и деятелей, авторская методика выявления политических ориентаций (или политической индифферентности) респондентов. Опрос проводился весной 2011 г. в Москве. В данной работе представлен один из фрагментов исследования. Согласно инструкции, респонденты называли пятерых наиболее значимых с их точки зрения политических деятелей в истории России. Далее им было предложено описать этих деятелей и назвать поступки либо события, в связи с которыми эти деятели ими выделены, перечислить то значимое, что было ими совершено. Ниже (см. таблицу 1) представлены персоны, частота упоминания которых оказалась наибольшей (выше 15%).

Таблица 1
Доля политических деятелей (в процентах)

Исторические фигуры	Группы			
	Студенты	Работающие взрослые	Неработающие пенсионеры	Средние значения
Пётр I	63	67	54	61
Сталин	51	58	63	57
Ленин	41	52	53	49
Путин	47	36	28	38
Горбачев	20	49	33	33
Ельцин	34	28	23	29
Екатерина II	18	18	14	17

По итогам рейтинга, самыми часто упоминаемыми историческими персонажами являются: Пётр I (упомянут 61% респондентов), И. В. Сталин (57%), В. И. Ленин (49%), В. В. Путин (38%), М. С. Горбачев (33%), Б. Н. Ельцин (29%), Екатерина II (17%), П. А. Столыпин (13%), Александр II (13%), Н. С. Хрущев (10%). Отметим, что упоминание В. В. Путина не относится к предмету коллективной памяти, но, поскольку президент РФ, видимо, является актуальным объектом в политическом сознании респондентов, то исключать его из общего массива анализируемых данных не представилось целесообразным. В более детальном анализе действующий президент РФ не фигурировал.

Л. И. Брежнев не оказалась в числе наиболее популярных фигур среди респондентов. В то время как в исследовании структуры социальных представлений о различных периодах истории СССР, проведенном Т. П. Емельяновой в 2008 г., представители тех же групп отметили время правления Л. И. Брежнева в качестве наиболее благоприятного для населения страны. Вероятно, причина противоречия кроется в формулировке вопроса: в представлениях респондентов Л. И. Брежнев значим в контексте обеспечения комфортных условий жизни каждого отдельного гражданина, но он не имел решающего значения в истории страны.

Рейтинги наиболее часто упоминаемых политических деятелей у студентов и работающих взрослых не имеют значимых отличий и совпадают с данными в целом по выборке, описанными выше. В то же время, неработающие респонденты пенсионного возраста чаще всего называли И. В. Сталина (63%), а Пётр I (54%) находится только на втором по частоте упоминания месте, равно как и В. И. Ленин (54%). Стоит отметить, что разница в процентах не является значимой, скорее она указывает на тенденцию, нуждающуюся в уточнении.

Нельзя не отметить, что частоты упоминания первых двух деятелей в рейтинге достаточно близки, а потому в данном случае трудно говорить о достоверных различиях значимости этих лидеров. Тем не менее показательно, что возглавляющий список Пётр I имел похожие значения популярности в нескольких исследованиях близкой тематики (Левинсон, 1996, Емельянова, 2009). Объяснение этого факта является актуальной задачей нашего исследования. Сделать первые предположения по этому поводу можно будет после анализа категорий оценки и описания

респондентами выбранных ими значимых фигур исторического прошлого.

Рассмотрим результаты анализа оценок политических деятелей в целом по выборке и в отдельных группах респондентов. Данные респондентами описания политических деятелей были подвергнуты процедуре тематического и эмоционального контент-анализа. Оценка различий проводилась при помощи метода χ^2 Пирсона и при помощи таблиц сопряженности с использованием коэффициента Z-статистика. Контент-анализ описаний, данных респондентами, позволил выделить ряд тематических категорий и подкатегории описания исторических деятелей. Наиболее популярные категории представлены в таблице 2.

Очевидно, что наиболее важными, с точки зрения респондентов, свойствами политических деятелей являются степень их

Таблица 2

Основные категории описания исторических деятелей

Категория	Подкатегории, индикаторы	Частота
Категории силы	Сильный, властный, тиран	342
Способности, воспитание	Умный, мудрый, талантливый, творческий, интеллигентный	196
Черты характера, личностные качества	Уверенный, хитрый, гибкий	188
Особенности поведения	Новатор, решительный, смелый, активный, трудолюбивый	133
Оценки политической деятельности, профессиональных качеств	Новатор, дальновидный, реформатор, прогрессивный	109
Общие оценки	Хороший, молодец, плохой, отрицательный	90
Моральные качества	Справедливый, честный, благородный	45
Титул	Президент, лидер, вождь	42
Внешность	Высокий, лысый	32
Аморальные качества, оскорбительные оценки	Подлец, алчный, предатель	28
Психическое здоровье	Неадекватный, псих	26
Дистанция, близость с народом	Народный, свой	21
Патернализм, забота	Заботливый, отец родной	16

властности, силы, мощи, а также особенности воспитания и способности – эти категории использовались большинством респондентов.

Отметим, что, описывая двух лидеров рейтинга воспоминаний – Петра I и И. В. Сталина, респонденты в первую очередь использовали категории силы и могущества, а затем говорили о способностях и определенных личностных качествах. При этом в описаниях Петра I преобладали следующие характеристики: «сильный», «властный» и «жесткий», в то время как среди описаний И. В. Сталина встречается гораздо больше определений, связанных с жестокостью и террором.

В процессе анализа были обнаружены некоторые предпочтения разных групп респондентов в использовании тех или иных категорий описания политических деятелей. Так, студенты статистически чаще, чем работающие взрослые и неработающие пенсионеры, использовали категории внешности (z -статистика = 5,08), политических и профессиональных качеств деятеля (z -статистика = 2,01), особенностей поведения (z -статистика = 2,35), моральные качества (z -статистика = 2,66). При этом студенты реже, чем другие группы, использовали категории силы (z -статистика = -2,27) и общие оценки (z -статистика = -3,03). Можно сказать, что описания студентов были наиболее содержательны – эта группа отмечает все наиболее заметные внешние проявления образа деятеля – его внешность, его поведение, его моральные особенности.

В то же время для работающих взрослых в большей степени оказались свойственны поверхностно оценочные категории, «ярлыки» – титул, положение (z -статистика = 2,07), психическое здоровье (z -статистика = 2,74), оскорбительные оценки (z -статистика = 1,96). Согласно статистическому анализу, для работающих взрослых не свойственно использование категорий моральных качеств (z -статистика = -3,64), особенностей политической деятельности и профессионализма (z -статистика = -2,24). Работающие взрослые меньше рассуждают о поступках или свойствах политика, они преимущественно выносят ему свою оценку, выражают недовольство либо ограничиваются формальными определениями (царь, руководитель, президент).

Что касается оценок, данных неработающими пенсионерами, было обнаружено, что больше других групп для них свойственно использовать оценочные категории (плохой, хороший, молодец –

z -статистика = 1,98), и практически не использовать категории внешности (z -статистика = $-3,33$). Оценки пенсионеров оказываются наиболее обобщенными, обдуманными, категоричными, что может быть объяснено многолетним опытом осмысления исторического прошлого и своего к нему отношения.

Кроме анализа содержания, полученные описания были подвергнуты процедуре эмоционального контент анализа, в результате которого описания были поделены на три группы – положительные, отрицательные и нейтральные. Это позволило представить результаты в более компактном виде и выделить некоторые закономерности в различиях описаний политических деятелей представителями разных социальных групп.

Большинство политических деятелей, в том числе Пётр I, воспоминания о которых закрепились в памяти респондентов, оцениваются ими преимущественно позитивно. Исключение составляет И. В. Сталин – значимо большая часть полученных им оценок негативны ($p=0,01$). В оценках М. С. Горбачева и Б. Н. Ельцина респонденты высказались неоднозначно – присутствует большое количество и положительных, и отрицательных, и нейтральных оценок, значимых различий между этими категориями оценок не обнаружено (таблица 3).

Анализируя различия между группами респондентов (студентами, работающими взрослыми и неработающими пенсионерами), отметим, что среди наиболее часто называемых исторических деятелей есть те, которые оцениваются в равной мере позитивно либо

Таблица 3

Модальность оценок политических деятелей (в процентах)

Деятель	Доля оценок			Значимость различий (χ^2)
	Нейтральные	Позитивные	Негативные	
Пётр I	19	69	12	$p=0,01$
Сталин	17	26	57	$p=0,01$
Ленин	23	48	28	$p=0,01$
Горбачев	31	33	35	Нет различий
Ельцин	28	30	42	Нет различий
Екатерина II	26	66	8	$p=0,01$

негативно представителями разных возрастных когорт, и есть те, относительно которых мнение не столь однозначно.

Так, по отношению к личности И. В. Сталина оценки всех трех групп распределились следующим образом: многие респонденты оценили деятеля негативно (жестокий, кровавый, тиран), некоторые дали положительные отзывы (сильный, умный, решительный), минимальное количество респондентов привели нейтральные (властный, неоднозначный), безоценочные описания. Также практически единодушны представители разных социальных групп и в описаниях В. И. Ленина – многие респонденты оценили его позитивно (умный, целеустремленный, лидер), некоторые – негативно (жестокий, неприятный), немногие – нейтрально (хитрый, лысый). Представления об этих деятелях являются наиболее категоричными и согласованными.

Относительно Екатерины II мнения представителей разных групп также согласованны, но менее категоричны – большая часть респондентов описывает царицу в позитивных понятиях (мудрая дипломатичная), меньшая – в нейтральных. Негативные описания (жестокая) привели минимальное число респондентов. Стоит отметить, что негативных описаний Екатерины II вообще не приводили пенсионеры.

Были обнаружены статистически значимые различия в описаниях Петра I в зависимости от принадлежности респондента к социальной группе ($p = 0,003$). Взгляды студентов и работающих взрослых схожи – большее число оценок позитивны (сильный, целеустремленный, умный), меньшее – нейтральны (неоднозначный, реформатор, властный) и минимальное – негативны (жесткий, авторитарный). При этом статистически значима тенденция студентов не давать негативных оценок (z -статистика = $-2,69$) и тенденция работающих взрослых давать оценки нейтральные (z -статистика = $2,17$), при этом группе работающих взрослых статистически не свойственно давать позитивные оценки Петру I (z -статистика = $-2,26$). В то же время хотя преобладающее количество оценок остается позитивным, неработающие пенсионеры статистически чаще дают этому деятелю не нейтральные оценки (z -статистика = $-2,52$), а негативные (z -статистика = $2,35$). Отметим, что по рейтингу упоминаний в этой группе респондентов на первом месте с небольшим отрывом идет И. В. Сталин, а не Пётр I. Обратившись к примерам описаний, обнаруживаем, что негативные

оценки респондентов в основном относились к жестокости, беспощадности, сумасбродности правителя.

М. С. Горбачев неработающими пенсионерами чаще оценивается негативно (слабый, болтун, пустомеля), и эта тенденция подтверждается статистически (z -статистика = 2,19), а студентам негативные оценки этого деятеля не свойственны (z -статистика = -2,08). Студенты чаще дают нейтральные оценки (лысый, с пятном на голове, уступчивый). Работающие взрослые на уровне тенденции дали больше позитивных описаний (новатор, гибкий, умный), но статистически значимых различий с другими группами не обнаружено.

Б. Н. Ельцин более чем в половине случаев негативно оценивается работающими взрослыми (алкоголик, слабый, безнравственный), и почти в половине описаний неработающих пенсионеров (бесчестный, разрушитель, пьяница), при этом студенты чаще всего дают этому руководителю страны нейтральные описания (z -статистика = 2,45 – седой, первый президент), треть студентов оценивают его положительно (харизматичный, умный, отеческий). Студенты статистически крайне редко дают негативные определения Б. Н. Ельцину (z -статистика = -2,39), число таких оценок (безответственный, эгоистичный) минимально.

Отметим, что среди рассмотренных групп студенты в целом редко дают негативные определения. Студенты чаще говорят о личностных, моральных качествах, обсуждают конкретные поступки и профессионализм деятеля, воздерживаясь от категоричных оценок. Возможно, это результат недавнего школьного и нынешнего вузовского обучения.

В исследовании также рассматривались различия в оценках политических деятелей в группах респондентов с разным уровнем дохода. Относительно Петра I, Екатерины II оценки у респондентов с разным доходом сходятся – первые два деятеля получили в основном позитивные характеристики, И. В. Сталин же – более половины негативных. Интересно отметить, что, характеризуя В. И. Ленина, респонденты с невысоким доходом значимо чаще давали позитивные оценки ($p = 0,001$, z -статистика = -2,17), в то время как респонденты с более высоким доходом были не так единодушны – разница между позитивными и негативными оценками этого деятеля статистически не значима. Стоит отметить, что среди респондентов с высоким доходом большая часть относится к катего-

рии работающих взрослых, и, вероятно, некоторая их часть склонна скептически оценивать исход революции и советский строй.

Также расходятся оценки респондентов с различным доходом относительно фигур Б. Н. Ельцина и М. С. Горбачева. Респонденты с невысоким доходом дают этим деятелям преимущественно негативные характеристики (z -статистика = $-2,79$), а респонденты с более высоким уровнем дохода — наоборот, описывают этих двух деятелей позитивно (z -статистика = $2,79$). Вероятно, люди с невысоким доходом (а это преимущественно неработающие пенсионеры) связывают с либеральными реформами этих деятелей свою неустроенность и, соответственно, обвиняют их в своих проблемах. В негативных оценках этой группы преобладают: слабый, слабохарактерный, разрушитель, пьяница.

Подводя итоги анализу данных, отметим результаты, позволяющие предположить определенные закономерности конструирования коллективных воспоминаний. Как мы видим, обладающие наибольшей популярностью исторические деятели в массовом сознании различных социальных групп представлены идентичными понятиями и оценками, мнение о них однородно и согласованно. В рассмотренных социальных группах коллективные воспоминания сконцентрированы вокруг нескольких политических деятелей, образы которых стабильны и практически не меняются в группах респондентов с разным уровнем образования, дохода, социального статуса и в полной мере могут быть названы «ядерными» элементами коллективных воспоминаний об историческом прошлом страны. По данным нашего исследования, к подобным центральным, «ядерным» фигурам прошлого в полной мере можно отнести Петра I, И. В. Сталина, В. И. Ленина, Екатерину II. Различия в оценках и описаниях появляются в большей степени по отношению к персонажам из «периферии» воспоминаний — тех деятелей, частота упоминаний которых ниже. Здесь вступают в силу различные социальные характеристики респондентов, связанные с социальным опытом, ценностями, картиной мира. Наибольшее количество разногласий в оценках приходится на описания деятелей ближайшего политического прошлого страны — Б. Н. Ельцина и М. С. Горбачева. Вероятно, результаты их свершений еще не в полной мере осмыслены и пережиты нашими респондентами, итоги их деятельности кажутся противоречивыми, таким образом коллективная память об их правлении только формируется, и процесс

этот будет связан с дальнейшей переоценкой и конструированием представлений коллективной памяти.

Как показали результаты, наиболее часто упоминаемыми историческими персонажами являются Пётр I, И. В. Сталин, В. И. Ленин, М. С. Горбачев, Б. Н. Ельцин, Екатерина II, П. А. Столыпин, Александр II, Н. С. Хрущев. Рейтинги наиболее часто упоминаемых политических деятелей у студентов и работающих взрослых не имеют значимых отличий и совпадают с данными в целом по выборке, описанными выше. В то же время респонденты пенсионного возраста чаще всего называли И. В. Сталина, а Пётр I находится только на втором по частоте упоминания месте, равно как и В. И. Ленин (54%). Стоит отметить, что разница в процентах не является значимой, скорее указывает на тенденцию, нуждающуюся в уточнении.

Наиболее часто используемыми в описаниях политических деятелей характеристиками являются оценки силы (25% всех ответов), особенности воспитания и способности (15% ответов), личностные характеристики (15% ответов) и особенности поведения (10% ответов). Сравнение образов наиболее популярных политических деятелей было проведено при помощи метода семантического дифференциала, построенного на основе наиболее часто встречающихся описаний. Образ Петра I в коллективной памяти респондентов представлен характеристиками: уверенный, значимый, свой, высокий, энергичный, хороший, прогрессивный, решительный. И. В. Сталин получил наиболее высокие баллы по параметрам значимый, плохой, реформатор, решительный, строгий, уверенный. В образе В. И. Ленина преобладают характеристиками: глупый, несправедливый, низкий, энергичный, плохой, решительный. Профиль М. С. Горбачева: хитрый, слабый, простодушный, реформатор, ласковый, творческий, неважный, регрессивный. Образ Б. Н. Ельцина сформирован характеристиками: значимый, сильный, энергичный, реформатор, неадекватный, прогрессивный, решительный, строгий, уверенный, большой, практичный.

Специальная серия исследований, проведенных совместно с А. В. Мишариной, была посвящена источникам получения информации о выдающихся деятелях прошлого России. Респондентами выступили школьники старших классов, студенты университетов, работающие взрослые и неработающие пенсионеры. У значительного количества школьников и студентов (70%) в формировании

воспоминаний о прошлом большую роль играют книги (чаще всего имеются в виду учебники истории). В группе среднего возраста наибольшее число респондентов отметили фильмы (80%), у пенсионеров высокий процент по всем источникам: 96% респондентов указали книги, 93% – фильмы, 86% – художественную литературу, 70% – телевизионные передачи. Наиболее значимым источников для всех групп являются уроки истории (45%). Стоит привести устные комментарии респондентов, отметивших, что в первую очередь им запомнился не столько учебный материал, сколько личная оценка, которую давал историческому деятелю учитель. Специальная группа вопросов была нацелена на источники воспоминаний о наиболее часто вспоминаемом российском историческом деятеле – о Петре I. Самыми популярными книгами о Петре I оказались «Пётр Первый» А. Н. Толстого, «Арап Петра Великого» и «Медный всадник» А. С. Пушкина, «Русь изначальная» В. Д. Иванова, «Россия молодая» Ю. П. Германа, а также энциклопедии. Среди фильмов упоминались «Петр Великий», «Сказ про то, как царь Петр арапа женил», «В начале славных дел», «Юность Петра». Телевизионные передачи – «Суд времени», «10 имен России», «Россия молодая», «История Руси». При этом художественная литература со значительной разницей в частоте упоминалась была отмечена практически одними пенсионерами (73%), фильмы чаще всего упоминались пенсионерами и работающими взрослыми (67% и 57% соответственно). Посещение музеев и мемориалов примерно в равной степени важно для школьников (47%), студентов (50%) и пенсионеров (47%) и чуть менее – для работающих взрослых (33%). Примечательно, что абсолютное большинство респондентов помнят и выделяют два посвященных Петру I монумента: памятник у слияния Москвы-реки и Водоотводного канала (61%) и Медный всадник в Санкт-Петербурге (52%). Прочие памятники имеют гораздо меньшую частоту упоминания, самое популярное памятное место среди них – Кунсткамера в Санкт-Петербурге (21%). Стоит отметить, что больше всего различных мемориалов и памятных мест смогли перечислить пенсионеры, студенты и работающие взрослые, для школьников этот вопрос оказался наиболее затруднительным, эта группа перечислила наименьшее количество памятных мест.

Можно заключить, что коллективная память испытывает серьезное воздействие социальных институтов, в частности, шко-

лы, и определенно имеет интерактивную природу – важнейшим источником коллективных воспоминаний для молодежи являются оценки исторического деятеля школьным учителем на уроках истории, а также обсуждения с другими взрослыми. Для более старших групп преобладающими источниками конструирования образов коллективной памяти становятся художественная литература и кинофильмы.

3.2. Коллективная память о личности Петра I

Фигура Петра Великого как государственного деятеля неоднократно изучалась в разных гуманитарных науках. Среди современных исследователей этой исторической личности можно назвать А. М. Лобина, Ю. М. Лотмана, Е. А. Соловьева и др. А. М. Лобин на основании изучения многочисленных научных и художественных литературных произведений делает вывод о том, что интерес к противоречивой фигуре Петра Великого обостряется в кризисные переломные периоды социального развития. Для общественного сознания Петр Великий – это, в первую очередь, государственный деятель, совершивший резкий поворот в развитии страны, предопределивший ход ее истории на многие века вперед (Лобин, 2006). Общественным сознанием Петр рассматривается в противоположных ипостасях – «антихриста» и «отца Отечества», «создателя империи» и «творца культуры». В восприятии людей он жесток, своенравен – и одновременно энергичен, активен, представляя решительное и волевое начало изменений не только в государственном устройстве, но и в умах граждан.

Все исследователи указывают на главную отличительную черту эпохи Петра Великого – это период решительной ломки, преодоления отжившего социально-экономического уклада и обновления страны. При всей противоречивости этой исторической фигуры невозможно отрицать ее значение для истории России. Вот как об этом пишет Ю. М. Лотман: «Если в средневековом сознании святые земли (Восток) были источником, откуда „искра благочестия доиде и до Российского царствия“, то XVIII век начался с демонстративного утверждения, что новый просветитель русской земли должен совершить паломничество на Запад – с „Великого посольства“ Петра I. В дальнейшей поездке в Париж для русского дворянина XVIII в. приобретает характер своеобразного путе-

шествия к святым местам. Не случайно противники западнического курса видят именно в таких путешествиях главный источник зол» (Лотман, 2002, с. 183–184).

Представленное в предыдущем параграфе исследование, посвященное выявлению наиболее значимых исторических деятелей России в коллективной памяти, показало, что в числе наиболее популярных фигур прошлого Пётр I занимает ведущее место. Для уточнения места этого деятеля в коллективной памяти наших современников и его образа в коллективных воспоминаниях в 2004 г. было предпринято специальное исследование. В работе использовались следующие методы: метод семантического дифференциала, шкалирование, ассоциативный метод. Испытуемыми выступали 600 жителей Твери в возрасте от 18 лет и старше. Выборку для города Твери можно считать репрезентативной, поскольку она формировалась как квотная по следующим признакам: пол, возраст, уровень образования. Согласно процедуре опроса, испытуемых просили ответить на следующий вопрос «История дает примеры разных типов политиков. Назовите, пожалуйста, деятеля (руководителя) из истории России, который, по вашему мнению, мог бы изменить к лучшему современную ситуацию в России». Испытуемых просили также привести слова и выражения, которые ассоциируются с названным историческим деятелем. Далее предлагалось оценить данного человека по десяти шкалам. В опроснике участники отмечали свои политические предпочтения по шкале «левый блок – правый блок». Фиксировался пол, возраст, уровень образования и степень политической активности.

Для обработки данных использовался критерий Спирмена с применением статистической программы SPSS 13. С помощью дисперсионного анализа выявлялась степень сходства оценок в образе исторического деятеля. Данная процедура проводилась в статистическом пакете Statistica. Для обработки ассоциативного ряда высказываний в адрес политических деятелей прошлого использовался частотный анализ, а для выявления значимости полученных различий в группах использовался критерий χ^2 .

Согласно полученным данным, Пётр I с большим отрывом занял первое место в рейтинге лидеров, которые могли бы изменить к лучшему современную ситуацию в России.

В ходе исследования, направленного на выявление наиболее часто встречающихся ассоциаций к образу Петра I, был проведен

частотный анализ. Как можно видеть в таблице 4, он воспринимается большей частью респондентов как человек, создавший в России флот, «прорубивший» окно в Европу и в целом как великий реформатор. Рисуя его образ, испытуемые чаще всего указывают такие черты его характера, как «сильный», «жесткий», «умный», «решительный», отмечают его образованность, прогрессивность, а также его «справедливость», «трудолюбие».

Существуют значительные различия в особенностях семантического поля воспоминаний о Петре I среди респондентов, относящих себя к левому или правому политическому блоку. Так, среди относящих себя к левому блоку было выделено три фактора: «го-

Таблица 4
Частота встречаемости ассоциаций о Петре I

Место	Ассоциации	Частота встречаемости	
		Количество	%
1	Флот	44	28,8
2	Окно в Европу	42	27,5
3	Реформатор	37	24,2
4	Сильный	28	18,3
5	Сила	20	13,1
6	Жесткий	18	11,8
6	Ум	18	11,8
7	Держава	16	10,5
8	Прогресс	13	8,5
9	Патриот	12	7,8
10	Справедливый	11	7,2
11	Решительный	8	5,2
11	Прогрессивный	8	5,2
12	Власть	7	4,6
12	Трудолюбие	7	4,6
12	Процветание	7	4,6
13	Образованный	6	3,9

Глава 3

сударственник»; «неэффективный политик»; «самодержец». По результатам факторного анализа, в группе респондентов, относящих себя к правому блоку, также было выделено три фактора: «энергичное управление»; «своенравие»; «государственник».

Таким образом, можно видеть, что образ в коллективной памяти респондентов двух групп с различными политическими ориентациями («левые» и «правые») существенно различается по содержанию. Для «левых» Пётр I – это, прежде всего, сильный политик-этатист, самодержец-государственник, не заботящийся о реализации гуманистических ценностей. Для «правых» же образ Петра I несет в себе основную смысловую нагрузку прогрессивного, справедливого, энергичного политика, своенравного в методах управления. Выбирая Петра I как политика в истории России, который мог бы изменить к лучшему современную ситуацию в стране, группы с различной политической ориентацией наделяют его образ различным смыслом в соответствии со своими политическими установками.

Пётр I в памяти респондентов левого блока в большей степени смещается в сторону «сильного государственника», в то вре-

Таблица 5

Частотный анализ ассоциаций с фигурой Петра I у респондентов с разными политическими предпочтениями (в процентах)

	Правый блок		Левый блок	
	Ассоциации	Частота	Ассоциации	Частота
1	Окно в Европу	34,2	Окно в Европу	27,3
2	Флот	28,9	Флот	27,3
3	Реформатор	21	Реформатор	18,2
4	Сильный	15,8	Держава	18,2
5	Сила	15,8	Патриот	18,2
6	Ум	10,5	Сильный	9,1
7	Жесткий	7,9	Сила	9,1
8	Держава	7,9	Жесткий	9,1
9	Патриот	5,2	Ум	9,1
10	Справедливый	5,2	Прогресс	–
11	Прогресс	2,6	Справедливый	–

мя как для правых Пётр I предстает скорее эффективным руководителем и наделяется такими качествами, как «прогрессивность» и «быстрота», эти качества также используют представители левого блока, но с добавлением качества «жесткость». В обеих группах респонденты характеризуют Петра I как самодержца, человека своевольного. Как мы видим, образ Петра I в группах с разными политическими предпочтениями различается, принимая у представителей левого блока более жесткие, диктаторские характеристики.

При сравнении содержания ассоциаций по возрастным группам также были обнаружены значимые различия в факторной структуре элементов образа Петра I. Сравнивались две группы: младшая группа респондентов от 18 до 24 лет и старшая группа — лица старше 55 лет. В младшей группе первым по значению стал фактор «динамизм», представляющий Петра I как человека активного и энергичного в политической жизни, затем следовали факторы «жесткости» и «независимости». В старшей группе ведущим оказался фактор «справедливости», за которым следовали «активное стремление к прогрессу» и «своенравие». Тем самым младшей группой в личности Петра I акцентируются ценности динамики преобразований, проводимых средствами жесткой и независимой политики, в то время как для старшей группы Пётр I является символом справедливой и прогрессивной политики. Ценности поколений, по-видимому, проецируются на фигуру идеального руководителя, наделяя ее различными атрибутами.

Был также проведен сравнительный частотный анализ ассоциативного ряда в двух возрастных группах: 1) 18–24 года и 2) от 55 лет и старше с последующим сравнением результатов между собой и выявлением значимых различий. Для этого применялся статистический критерий χ^2 , расчеты производились в статистическом пакете Statistica.

Как можно видеть в таблице 6, Пётр I вызывает различные ассоциации в двух возрастных группах. Об этом свидетельствуют результаты расчетов по статистическому критерию χ^2 . Так, ассоциация «сила» возникает только у респондентов старшего поколения, для них же более значима в связи с Петром I характеристика «патриот». Ассоциации «сильный» и «прогресс» значимо более характерны для молодого поколения.

Таблица 6

Частотный анализ ассоциаций с Петром I респондентов двух возрастных групп (доли упоминаний в процентах)

Место	Респонденты 18–24 года		Респонденты от 55 лет и старше	
	Ассоциации	Частота	Ассоциации	Частота
1	Флот	27,0	Флот	21,9
2	Окно в Европу	27,0	Реформатор	18,8
3	Сильный	23,0	Сила	18,8
4	Реформатор	15,4	Окно в Европу	15,6
5	Прогресс	15,4	Ум	15,6
6	Ум	11,5	Патриот	15,6
7	Патриот	3,8	Сильный	9,3
8	Сила	–	Прогресс	6,3

Таким образом, можно утверждать, что содержание коллективной памяти различных групп населения, выраженное в предпочтении фигуры Петра I среди российских государственных деятелей, значимо связано с социально-культурными характеристиками этих групп, а именно с политической ориентацией и возрастными особенностями. В свой выбор желательной политической фигуры каждая группа привносит собственное содержание, наделяя ее смыслом, отражающим социокультурную специфику этих групп.

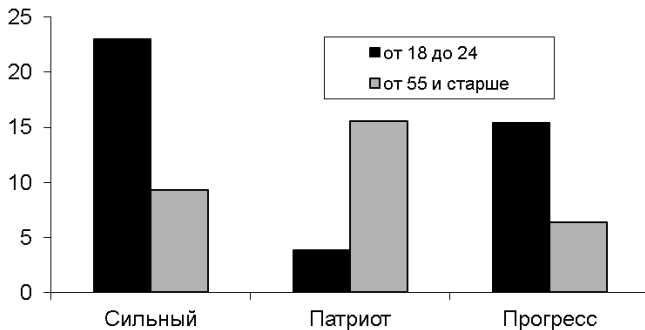

Рис. 1. Значимые различия ассоциаций, связанных с личностью Петра I, респондентов двух возрастных групп

3.3. Пётр I и его эпоха в коллективных воспоминаниях

В продолжение нашей серии работ, посвященных коллективной памяти о наиболее значимых фигурах российской истории, было предпринято исследование коллективных воспоминаний об эпохе Петра I, проведенное М. В. Алания под руководством автора. Данное исследование опиралось на идею о том, что содержание коллективной памяти различных групп населения значимо связано с социально-культурными характеристиками этих групп. В исследовании коллективной памяти об эпохе Петра I, выполненном в 2012 г. под руководством автора, мы предположили, что коллективные воспоминания современных россиян детерминированы актуальной социальной, политической и экономической ситуацией в стране, характеризующейся социальной турбулентностью, противоречивостью поставляемой СМИ информации, а также возросшей общественной активностью граждан, проявившейся в массовых акциях. Мы предположили, что эти особенности жизни российского общества той поры могли обусловить обращение его представителей к воспоминаниям о прошлом страны, переосмысление исторических событий и переоценку вклада исторических личностей в развитие России. Исходя из результатов проведенных ранее исследований, можно было предположить, что одной из тех исторических личностей, вклад которых в развитие страны по-прежнему оценивается современными россиянами как наиболее весомый, является личность Петра I. Исследование коллективных воспоминаний об эпохе правления Петра I позволяет выявить проявляющиеся через коллективную память особенности, отличающие представителей различных поколенческих когорт друг от друга. Целью работы было изучение особенностей коллективной памяти об эпохе Петра I представителей трех поколенческих когорт. Были выдвинуты гипотезы о том, что содержание представлений памяти об эпохе Петра I различается в группах респондентов, принадлежащих к различным поколенческим когортам; представления об эпохе Петра I и о современной России совпадают в вопросах необходимости реформирования; существует ряд типов респондентов-носителей различных представлений об эпохе Петра I; содержание ядра представлений об эпохе Петра I различается в трех поколенческих когортах; содержание представлений об эпохе Петра I различается в группах респондентов с различными политическими предпочтениями.

В исследовании приняло участие 120 жителей Москвы. Мужчин — 53 человека, женщин — 67 человек. Выборку составили три возрастные когорты: 20–25, 40–45 и 60–65 лет, в каждой группе по 40 человек. Все респонденты с высшим или неполным высшим образованием. Были учтены политическая ангажированность респондентов: не интересуются политикой 41 человек, проявляют интерес к политике 79 человек. Принимался во внимание характер занятости респондентов: работающих респондентов 94 человека, неработающих — 26 человек.

Исследование проводилось в два этапа. На первом происходила оценка содержания воспоминаний о фигуре Петра I и степени его значимости. На втором этапе респондентам предлагалось актуализировать свои представления относительно эпохи Петра I, сравнить ее с современной эпохой, описать наиболее значимые источники информации о Петре I. В качестве методов сбора эмпирических данных использовались авторские методики оценки субъективной значимости исторических событий и деятелей, авторский опросник, содержащий 20 шкал для оценки эпохи Петра I. Основанием для создания этих методик послужили результаты поискового этапа исследования, включавшего задание написать эссе об эпохе Петра I. Кроме того, применялся метод незаконченных предложений, характеризующих различные сферы государственной жизни в современной России и в конце XVII—начале XVIII века, а также источники, из которых респонденты получали основную информацию о Петре I (учебные и справочные материалы, упомянутые респондентами). Обработка полученных данных проводилась при помощи тематического контент-анализа, лексического анализа, а также через вычисление коэффициента позитивных ответов по Ж.-К. Абрику. Математико-статистическая обработка данных осуществлялась с использованием русифицированного статистического пакета Statistica 6.1 и пакета статистических программ SPSS 13; проводился качественно-количественный анализ с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни для сравнения двух несвязных выборок, использовался метод таблиц сопряженности с использованием коэффициента z-статистика, метод кластерного анализа, контент-анализ.

Согласно результатам поискового этапа исследования (эссе и незаконченные предложения), большинство респондентов при характеристике исторической эпохи в России конца XVII—на-

чала XVIII в. указывают на реформы и изменения в данный период, в частности – на преобразования Петра I. Среди важнейших реформ названы преобразования в сфере культуры, армии, флота, экономики и общества. Также отмечалась необходимость реформирования государства, разобщенность общества, неготовность общества к переменам, необходимость европеизации России, установления дружеских отношений с другими странами. Что касается темы сходства современной России и России времен Петра I мнения респондентов разделились: часть согласна с данным утверждением, часть не согласна.

Относительно восприятия личности Петра I большинство респондентов отмечают решительность, целеустремленность и трудолюбие. Главная отличительная характеристика внешности Петра I – высокий рост. Стиль правления Петра I частью респондентов рассматривается как либеральный, частью – как авторитарный или деспотичный. Среди достижений Петра I респонденты отмечают культурные преобразования, укрепление армии и флота, строительство Санкт-Петербурга, «окно в Европу» и новый уровень развития России. На основании контент-анализа ответов респондентов на поисковом этапе исследования были составлены двадцать утверждений, оцениваемых посредством шкал, включенных в анкету основного опроса.

Полученные посредством эссе данные обрабатывались с помощью лексического анализа. Лексический анализ состоял в использовании метода анализа близости и иерархической классификации (Lacassagne et al., 2001). Этот метод позволяет обнаружить некоторые лингвистические связи между элементами текста. Применялся один из вариантов метода, заключающийся в выявлении наиболее часто встречающихся в тексте слов. Затем подсчитывались случаи, когда эти слова встречаются вместе в одном предложении, после чего составлялась итоговая матрица. Анализ степени близости лексических единиц текста между собой позволил выделить те из них, которые наиболее тесно связаны с ключевыми словами, обозначающими исследуемый предмет. По мысли разработчиков метода, слова, наиболее тесно связанные с обозначением предмета социального представления, являются ядерными в структуре этого представления.

В ходе обработки данных методом лексического анализа нами были получены следующие результаты по содержанию социальных представлений в трех группах респондентов (таблицы 7–9).

Таблица 7
 Матрица частоты встречаемости основных категорий текста в эссе (группа 20–25 лет)

Ранг	Категория	Абсолютная частота упоминания, раз	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1	Пётр I	98	X	11	12	8	5	5	6	5	6	3	4		1	1	1	5	4	2	1	
2	Реформы	75		X	6	4	3	2	3	3	1	3	4	2	2		1	1	2		1	1
3	Россия	70			X	4	9	3	2	5	2	2	2	2	2	2	2	4		1	1	1
4	Эпоха	52				X	2	1	1	2	4	1	1	1				2	3			
5	Европа	50					X	3	2	4	1	1	1		3	5	2	2				1
6	Страна	39						X	3		1	2		1	1	1	1	1			1	1
7	Развитие	37							X	1	1	1	1	1	1	1			1			
8	Флот	36								X	1	2	1	2	1	3	5	1				
9	Государство	26									X							1	2	1		
10	Время	26										X			1			1			1	1
11	Военный	25											X			2	2	1				
12	Новый	22												X		1	1	1	1	1		1
13	Санкт-Петербург	22													X	1	1	1	1			1
14	Окно	20														X	2	1				
15	Море	17															X	1	1			
16	Первый	17																X	1	2		
17	Преобразование	16																	X			
18	Русь	15																		X		
19	Уровень	15																				X
20	Экономика	14																				X

Таблица 8

Матрица частоты встречаемости основных категорий текста в эссе (группа 40–45 лет)

Ранг	Категория	Абсолютная частота упоминания, раз	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	
1	Петр	98	X	15	5	14	5	5	4	2	4	1	2	3	4	2	2	1	1		4	3	
2	Реформы	75		X	5	8	3	3	5	6	5	2	5	3	2	1	2		1		1	3	
3	Россия	70			X	3	1	1	2	2	3	1	1		2	2	2	2	1	2	1		
4	Эпоха	52				X	1	1	1	1	4		2	2	1	1	1				2	2	
5	Европа	50					X	4	2	4		1	2		3	6	1	1		3	2	2	
6	Страна	39						X	3	4		1			3	2	1				1	1	
7	Развитие	37							X	3	1	1		2	1	2					2	4	
8	Флот	36								X			6	1	3	1	5	2	1			3	
9	Государство	26									X	1	1	2			1				2	1	
10	Время	26										X				2	4					1	
11	Военный	25												X		2					2	2	
12	Новый	22													X	1	2	2	1			1	
13	Санкт-Петербург	22														X	1	2	2	1		1	
14	Окно	20														X				1		1	
15	Море	17															X	2				1	
16	Первый	17																X		1			
17	Преобразование	16																	X				
18	Русь	15																		X			
19	Уровень	15																				X	
20	Экономика	14																					X

Таблица 9
 Матрица частоты встречаемости основных категорий текста в эссе (группа 60–65 лет)

Ранг	Категория	Абсолютная частота упоминания, раз	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
1	Петр	98	X	5	13	10	5	1	2	2	1	5	1	5	2	2	1	1	3	3	4	1
2	Реформы	75	X	3	3	5	2	3	3	4	5	4	2	2	2	2	1	2	1	2	3	2
3	Россия	70		X	4	8	2	5	4	2	2	1	6	3	4	1	4	1	4	1	4	2
4	Эпоха	52			X	1	3	1	3	1	2	1	2	2	2	1	1	1	1	1	2	1
5	Европа	50				X	2	2	7	1	3	1	2	8	5	2	2	1	2	1	2	2
6	Страна	39					X	3	2	2	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
7	Развитие	37						X	2	1	2	1	2	1	1	1	1	1	1	1	3	2
8	Флот	36							X	1	1	3	1	2	3	2	1	1	1	1	1	2
9	Государство	26								X	2	2	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1
10	Время	26									X	1	2	2	2	1	1	1	1	1	1	1
11	Военный	25										X	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
12	Новый	22											X	1	1	2	2	2	2	2	6	1
13	Санкт-Петербург	22												X	2	2	2	2	2	2	1	1
14	Окно	20													X	2	2	2	2	2	1	1
15	Море	17														X	1	1	1	1	1	1
16	Первый	17															X	1	1	1	1	1
17	Преобразование	16																X	1	1	2	2
18	Русь	15																	X	1	1	1
19	Уровень	15																			X	1
20	Экономика	14																				X

Число на пересечении столбца и строки означает количество респондентов, употребивших обе категории в одном предложении. Цифра в столбце «ранг» означает соответствующий ранг этой категории в списке из двадцати выделенных. Столбец «Абсолютная частота упоминания» содержит информацию о том, сколько раз данная категория встречается в ответах обобщенной выборки.

Согласно данным, представленным в таблице 7, в группе респондентов 20–25 лет наибольшую частоту имеют сочетания категорий «Пётр – реформы», «Пётр – Россия», «Пётр – эпоха», «Пётр – развитие», «Пётр – государство», «Россия – реформы», «Россия–Европа».

Можно видеть, что в группе респондентов 40–45 лет наибольшую частоту имеют сочетания категорий «Пётр – реформы», «Пётр – эпоха», «Реформы – эпоха», «Реформы – флот», «Европа – окно», «Военный – флот».

В группе респондентов 60–65 лет наибольшую частоту имеют сочетания «Пётр – Россия», «Пётр – эпоха», «Россия – Европа», «Европа – флот», «Европа – окно», «Россия – новый», «Новый – уровень».

Нужно отметить, что содержание представлений об эпохе Петра I различается в группах респондентов, принадлежащих к различным поколенческим когортам. Ядро социальных представлений об эпохе Петра I содержит ассоциации с реформами в армии и флоте и связями России с Европой, ее ориентацией на западный путь развития. В возрасте 20–25 лет респонденты оценивают перемены, произошедшие в эпоху правления Петра I, как положительные, большое значение придавая личности правителя. 40–45-летние респонденты также отмечают позитивный характер произошедших преобразований, оценивают необходимость реформ и уделяют особое внимание личности Петра I, оценивая характеристики развития различных сфер жизни государства. Респонденты 60–65 лет придают особое значение деятельности Петра I в связи с обновлением России, ее связям с Европой, эпохальным преобразованиям Петра I.

Таким образом, с возрастом респонденты все более расширяют контекст включения личности Петра I в исторический процесс: если в 20–25 лет респонденты рассматривают личность правителя как отдельную и главную предпосылку преобразования, то в 40–45 лет люди склонны к включению ее в общую систему государст-

ва, а в 60–65 лет – в систему мира, человеческого общества и эпохи в целом.

Выявлены достоверные различия в представлениях об эпохе Петра I между различными поколенческими когортами. Респонденты в возрасте 20–25 лет позитивно оценивают проведенные Петром I реформы в сфере флота, армии и европеизации, тогда как респонденты в возрасте 40–45 лет больше значения придают реформам в сфере культуры, а респонденты 60–65 лет – установлению связей с другими странами. Респондентами 20–25 и 40–45 лет народ отделяется от государства, поскольку рассматривается как неготовый к реформам и недовольный ими. Респондентами 60–65 лет, напротив, народ рассматривается как ждущий перемен благодаря доверию решениям Петра I как просвещенного правителя. При выполнении задания на сопоставление петровского времени с современным респондентами 20–25 лет Россия времен Петра I оценивается как не похожая на современную Россию на основании того, что стиль правления Петра отличен от стиля правления руководителей страны в XXI в. Респонденты 60–65 лет, напротив, отмечают сходство эпох на основании необходимости перемен в области культуры в настоящее время.

Таким образом, во всех возрастных когортах имя императора Петра I связывается с категорией «эпоха». Время правления Петра I выступает в памяти респондентов как значительное, наделенное свойствами «эпохальности», важное для дальнейшей судьбы России. Пётр I в памяти возрастной когорты 20–25 лет выступает реформатором, эпоха правления которого связана с развитием российского государства. Судьба Петра I как правителя представляется им неразрывно связанной с судьбой российского государства, а реформы в России – приближающими страну к Европе. Таким образом, можно констатировать, что респонденты в возрасте 20–25 лет связывают преобразования, произошедшие в данную эпоху, с именем Петра I, приписывая лично ему решающую роль в судьбе страны. В памяти возрастной когорты 40–45 лет Пётр I также представляется реформатором, но ядро представлений содержит элементы, связанные не с деяниями императора, а со значением реформ для страны. По мнению этой группы респондентов, проведенные реформы придают петровскому времени статус периода с эпохальным значением. Наиболее значимыми выступают реформы в области военного флота и сближение с Европой.

Для респондентов 60–65 лет Пётр I выступает связанным с Россией, определяющим ее судьбу. Россия в этот период ощущает влияние Европы, что определяет новизну данного этапа развития для страны, ее выход на новый уровень. Значимым событием выступает открытие «окна в Европу», при этом на европейский уровень Россию выводит флот, созданный Петром I.

Итак, выявлены различия в структуре социальных представлений относительно эпохи Петра I. Представители старших возрастных групп считают историческую личность Петра I менее значимой, а выдвигают на первый план идею эпохи перемен. Респонденты в возрасте 40–45 лет при восприятии эпохи конца XVII–начала XVIII в. оценивают ее как время реформ, в частности, в сфере армии и флота. Представители возрастной когорты 60–65 лет связывают данный период с переходом России на новый, европейский уровень развития. При восприятии исторической эпохи респонденты 20–25 лет оценивают, в первую очередь, вклад исторической личности в ее развитие, респонденты 40–45 лет – характеристики развития различных сфер жизни государства, респонденты 60–65 лет – связь России с мировым сообществом.

При использовании авторского шкального опросника результаты опроса были обработаны с применением коэффициента Абрика в адаптации автора. Ж.-К. Абрик предлагает использовать при анализе структуры социального представления вычисления коэффициента позитивных ответов – ТСП. Расчет коэффициента позитивных ответов для каждого явления из списка ТСП (i) производился по следующей формуле (Емельянова, 2006, с. 243–244):

$$ТСП(i) = \frac{n(4) + n(5)}{N} \cdot 100$$

где n (4) – число ответов «значительная степень», n (5) – число ответов «очень значительная степень», N – общее число ответов.

Вычисление коэффициента позитивных ответов позволило выявить те характеристики, которые, по мнению респондентов, в наибольшей степени определяют особенности эпохи правления Петра I. Это элементы, которые, по Абрику, будут принадлежать к ядерной части представления об эпохе Петра I.

В таблице 10 представлены результаты подсчета коэффициента позитивных ответов для каждого явления из списка. Жирным шрифтом выделены наиболее высокие коэффициенты.

Таблица 10

Коэффициенты позитивных ответов об особенностях эпохи Петра I у респондентов трех групп

Утверждение	Коэффициент позитивных ответов (ТСП)		
	20–25	40–45	60–65
1. Конец XVII–начало XVIII в. – время реформ в России	90	95	92,5
2. Необходимость реформирования России в этот период	85	90	85
3. Потребность в изменении старого уклада жизни	87,5	82,5	72,5
4. Нововведения в армии и флоте	95	97,5	97,5
5. Значимые перемены в сфере культуры	77,5	80	80
6. Отсталость России от Европы	72,5	72,5	65
7. Неподготовленность российского общества к петровским переменам	70	70	55
8. Недовольство разных классов петровскими реформами и переменами	65	75	65
9. Старание Петра I достичь уровня Европы	100	92,5	92,5
10. Установление дружеских отношений с разными странами	87,5	87,5	80
11. Влияние европейского образования на политику Петра I	85	85	90
12. Период активной внешней политики и войн	82,5	85	92,5
13. Сходство и общность проблем и сложностей в развитии экономики, финансов, системы образования и культуры внутри государства в конце XVII–начала XVIII в. и в наши дни	12,5	25	10
14. Главная черта характера Петра I – это целеустремленность	77,5	95	77,5
15. Пётр I избрал либеральный стиль правления	25	12,5	27,5
16. Пётр I часто принимал необдуманные решения	20	22,5	25
17. Правление Петра I связано с множеством реформ и инноваций	97,5	97,5	95
18. Пётр I поднял Россию на качественно новый уровень	92,5	95	77,5
19. Основное достижение Петра I является строительство Санкт-Петербурга	60	72,5	42,5
20. Пётр I прорубил окно в Европу	90	97,5	97,5

Согласно полученным данным, в суждениях представителей трех возрастных когорт об эпохе Петра I выявлено сходство. Так, высоки значения коэффициента ТСР во всех трех группах относительно суждений «Конец XVII—начала XVIII в. — время реформ в России», «Нововведения в армии и флоте», «Старание Петра I достичь уровня Европы», «Правление Петра I связано с множеством реформ и инноваций», «Пётр I прорубил окно в Европу». В группе 20–25-летних также велико значение коэффициента ТСР относительно суждения «Пётр I поднял Россию на качественно новый уровень». Таким образом, респондентами из данной когорты перемены, произошедшие во время правления Петра I, оцениваются как положительные.

В группе 40–45-летних высоки значения коэффициента ТСР относительно суждений «Необходимость реформирования России в этот период», «Главная черта характера Петра I — это целеустремленность», «Пётр I поднял Россию на качественно новый уровень». Данная группа характеризуется наиболее объемными представлениями о данной эпохе. Ее представители рассматривают реформы Петра I как позитивный этап в судьбе страны, отмечая, что реформы были необходимы России. Респонденты в возрасте 40–45 лет высоко оценивают такую черту Петра I, как целеустремленность, неразрывно связывая изменения в данный период с особенностями личности правителя. В группе 60–65-летних высоко значение коэффициента ТСР относительно суждения «Влияние европейского образования на политику Петра I». Респонденты рассматриваемой когорты склонны оценивать личность в связи с ее окружением и поэтому считают, что образование способно во многом повлиять на становление человека.

Ядром представлений о данной эпохе являются утверждения, связанные с реформами Петра I, происходившими в рассматриваемый период (в частности — нововведениями в армии и флоте). Значимыми выступают для респондентов также усилия Петра I по налаживанию связей с Европой и по внедрению европейского стиля жизни.

Итак, содержание элементов ядра представлений об эпохе Петра I связывается с реформами в армии и флоте и связями России с Европой, ее ориентацией на западный путь развития. В возрасте 20–25 лет респонденты оценивают перемены, произошедшие в эпоху правления Петра I, как положительные. 40–45-летние ре-

спонденты также отмечают позитивный характер произошедших преобразований, оценивают необходимость реформ и уделяют особое внимание личности Петра I. Респонденты 60–65 лет придают особое значение образованию Петра I. Таким образом, содержание ядра представлений памяти об эпохе Петра I различается в трех поколенческих когортах по элементам необходимости реформирования в рассматриваемый период, влияния образования на политику Петра I, целеустремленности Петра I и качества осуществляемых преобразований.

Контент-анализ завершений неоконченных предложений выявил внутренние особенности структуры коллективных воспоминаний в возрастных когортах. Результаты контент-анализа представлены в таблицах ниже.

Результаты контент-анализа позволяют сделать следующие выводы относительно структуры образов памяти об эпохе Петра I у респондентов 20–25 лет. Российское государство XVII–начала XVIII в. воспринимается ими как реформируемое и нуждающееся в этих реформах, при этом необходимость реформ объясняется отсталостью России от Европы. Подчеркивается последовавший за реформами расцвет страны на мировой арене.

Политическая система в петровскую эпоху оценивается респондентами в возрасте 20–25 лет как изменчивая, нестабильная, требующая реформ. Подчеркивается позитивность перемен в данный период, характеризуемый как скачок и подъем. Младшая группа респондентов наряду с заботой о развитии страны со стороны императора отмечает также деспотизм и абсолютистский, жесткий характер власти.

Развитие экономики в государстве в конце XVII–начале XVIII в. оценивается респондентами как интенсивное, бурное и ведущее к позитивным изменениям (30,95%), экономика на подъеме (19,05%). А изначальное состояние экономики характеризуется как отстающее от европейского уровня и требующее реформ (7,14%).

Большинство респондентов оценивает систему образования в XVII–начале XVIII в. как развивающуюся и меняющуюся под воздействием проводимых реформ (30% и 12,5%), при этом 15% респондентов, напротив, считают ее слабой и отсталой.

Ведущей характеристикой общества XVII–начала XVIII в. респонденты 20–25 лет считают его разобщенность, сословность (22,5%), а также сопротивляемость реформам (15%). 10% респон-

Таблица 11

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Российское государство в конце XVII—начале XVIII века...»
респондентами 20–25 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 Категория «Период реформирования»	Реформы, потребность в изменениях, преобразования, перемены, нововведения, бунтарский век	23	56,10
	Стабильность	1	2,44
2 Категория «Период развития»	Развитие, скачок вперед, подъем, процветание, новый уровень	2	4,88
	Отсталость по сравнению с Европой, время кризиса, критическое время	5	12,20
3 Категория «Расцвет на мировой арене»	Достойный соперник Западу, расцвет, оценки другими странами российского государства стали выше, государство стало ближе к европейскому уровню, успехи русской армии	5	12,20
4 категория «Сильная монархическая власть»	Монархия, мудрый правитель	2	4,88
5 категория «Уникальность»	Уникальный	1	2,44
	Государственное устройство, схожее с современным	1	2,44
6 Категория «Философский аспект»	Утвердились рационалистические представления об обществе и государстве	1	2,44
Итого		41	100

дентов, напротив, рассматривают общество как шагнувшее вперед и стремящееся к развитию.

Респондентами 40–45 лет российское государство конца XVII—начала XVIII в. оценивается как реформируемое и нуждающееся

Таблица 12

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Политическая система России в конце XVII—
начале XVIII века...» респондентами 20–25 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 Категория «Период реформирования»	Изменения, реформы, нестабильность, критический период, революционный, рубеж в истории	14	33,33
2 Категория «Уровень развития»	Развитие в лучшую сторону, скачок, подъем	7	16,67
	Несовершенная система	5	11,91
3 категория «Форма правления»	Монархия, самодержавие, жесткая власть, забота о развитии страны	8	19,05
	Авторитарность, деспотизм	2	4,76
5 категория «Ориентированность на Запад»	Ориентация на Европу, активное взаимодействие с Западом	3	7,14
	Система отличается от европейской	1	2,38
6 категория «Характер»	Военный характер политической системы	1	2,38
7 категория «Утверждение о существовании»	Такая система существовала в России	1	2,38
Итого		42	100

в этих реформах (34,15%), развивающееся, перешедшее на новый уровень (24,39%), активно взаимодействующее с миром (14,63%).

Таким образом политическая система в российском государстве XVII—начала XVIII в. оценивается респондентами как монархическая, самодержавная (48,72%), но в то же время изменяющаяся (23,08%).

Развитие экономики в государстве в конце XVII—начале XVIII в. оценивается респондентами как прогрессивное (48,78%), стремительное (26,82%).

Таблица 13

Результаты контент-анализа завершеный предложения
«Развитие экономики в государстве в конце XVII–
начале XVIII века...» респондентами 20–25 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 Категория «Характер развития»	Подъем, улучшение	8	19,05
	Хромает, отстает от европейского уровня, нуждается в реформах	3	7,14
2 Категория «Скорость перемен»	Интенсивное развитие, бурными темпами, стремительное	13	30,95
	Среднее развитие	2	4,76
	Медленное, поэтапное развитие	3	7,14
	Не было развития	1	2,38
3 категория «Степень влияния»	Развитие экономики влияло на государство	2	4,76
4 категория «Связь с Западом»	Связь с Европой, ориентация на Запад	2	4,76
	Отличается от Европы	1	2,38
5 категория «Конкретные перемены»	Новые идеи и технологии	1	2,38
	Развитие армии и флота	1	2,38
	Новые торговые пути	1	2,38
	Аграрная реформа	1	2,38
6 категория «Государственный строй»	Абсолютизированное государство	1	2,38
7 категория «Неосведомленность»	Не знаю	2	4,76
Итого		42	100

Система образования в российском обществе XVII–начала XVIII в. рассматривается этой группой респондентов как развивающаяся (45,71%) и требующая перемен, реформирования (22,86%), кроме

Таблица 14

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Система образования в России в конце XVII—начале
XVIII века...» респондентами 20–25 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 Категория «Период развития»	Развитие, возрождение	12	30
2 Категория «Период перемен»	Система реформировалась, требовала изменений, усовершенствования	5	12,5
	Изменялась	3	7,5
3 Категория «Уровень развития»	Средний уровень	1	2,5
	На нуле, система отсталая	6	15
	Лучше, чем в наши дни	1	2,5
4 Категория «Недоступность»	Недоступность для простых, доступность только богатым	3	7,5
	Образование стало более доступным и качественным, было направлено на просвещение, окультуривание	3	7,5
5 Категория «Конкретные реформы»	Образование приобретало черты европейского	1	2,5
	Открытие Академии наук, открытие первого учебного заведения, открытие светских школ	3	7,5
	Эпоха развития литературы	1	2,5
6 категория «Не знаю»	Не знаю	1	2,5
Итого		40	100

того, образование характеризуется респондентами как элитарное, недоступное для низших слоев (8,57%). Отмечается и открытие новых университетов в России. При этом преобладает позитивная характеристика системы образования со стороны почти половины респондентов.

Таблица 15

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Общество в России в конце XVII—начале XVIII века...»
респондентами 20–25 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 Категория «Уровень развития»	Общество серое и убогое, отсталое по сравнению с Европой	2	5
	Шагнуло вперед, возматало, стремилось к развитию	4	10
	Нормальный уровень	1	2,5
2 Категория «Реформируемость»	Общество реформировалось	1	2,5
	Сопротивляемость реформам, общество не было готово к изменениям, неоднозначно воспринимало изменения, крайне консервативное, старомодное	6	15
	Общество было довольно реформами, нуждалось в них	2	5
	Нуждалось в антиреформах	1	2,5
	Нуждалось в государственной поддержке	1	2,5
3 Категория «Разобщенность»	Сословное, разобшенное, разрозненное, замкнутость социальных групп	9	22,5
	Сплоченное, единое	2	5
4 Категория «Активность»	Активное	1	2,5
	Менее активное, политически неактивное	3	7,5
5 Категория «Патриотизм»	Патриотизм, идеология	2	5
6 категория «Близость к Европе»	Общество стало ближе к европейскому	1	2,5
7 категория «Трудности»	Столкнулось с серьезными проблемами	2	5
8 категория «Интеллигентность»	Интеллигентное	1	2,5
9 категория «Государственный строй»	Монархия	1	2,5
Итого		40	100

Таблица 16

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Российское государство в конце XVII—начале XVIII века...»
респондентами 40–45 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 Категория «Период реформирования»	Реформы, преобразования, перемены, перестройка, нововведения	14	34,15
	Стабильность	1	2,44
2 Категория «Период развития»	Развитие, скачок вперед, подъем, процветание, новый уровень	10	24,39
	Упадок	1	2,44
3 Категория «Активное взаимодействие с миром»	Европейский путь развития, активная внешняя политика, всемирная держава, ведущее мировое государство	6	14,63
4 категория «Сильная монархическая власть»	Пётр I, империя, монархия, потребность в сильном лидере	7	17,07
5 категория «Патриотизм»	Патриотизм	2	4,88
Итого:		41	100

Общество эпохи XVII—начала XVIII в. оценивается респондентами 40–45 лет как разобщенное, сословное, раздробленное (25%). 15% респондентов рассматривают общество данного времени как обрванное, а 12,5% — как отсталое. 15% подчеркивают сопротивляемость общества реформам.

Среди респондентов в возрасте 60–65 лет 45% оценивают российское государство в конце XVII—начале XVIII в. как изменяющееся и нуждающееся в реформах (45%), 30% — как вышедшее на новый уровень развития. 10% подчеркивают абсолютный характер власти, 7,5% — выход России на мировую арену, укрепление ее позиций.

Политическая система в эпоху Петра I рассматривается респондентами с точки зрения формы правления — монархической

Таблица 17

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Политическая система в России в конце XVII–
начале XVIII века...» респондентами 40–45 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 Категория «Период реформирования»	Изменения, реформы, нестабильность	9	23,08
	Конкретные реформы (создание 12 коллегий, сословные реформы)	2	5,13
	Стабильный период	2	5,13
2 Категория «Уровень развития»	Высокоразвитая система	1	2,56
	Несовершенная система	1	2,56
3 категория «Форма правления»	Монархия, самодержавие, отсутствие партий, строгий контроль, императорская власть	19	48,72
	Самоуправство, деспотизм	2	5,13
5 категория «Положение в мире»	Рост авторитета, укрепление политической позиции, сильная политическая система	3	7,69
Итого		39	100

(35,90%). 25,64% оценивают ее как реформируемую и нуждающуюся в преобразованиях, 20,51% отмечают высокий уровень развития политической системы, 7,69% подчеркивают ее позитивные организационные характеристики – отсутствие бюрократии, организованность и строгость власти, еще 7,69% политическую систему рассматривают как основу, обеспечивающую авторитет России в мире.

Развитие экономики в эпоху правления Петра I большинством респондентов рассматривается позитивно, как продуктивное, переживающее новый скачок (42,5%) и протекающее быстрыми темпами (15%), но 20%, напротив, отмечают его низкий уровень, слабость.

Таблица 18

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Развитие экономики в государстве в конце XVII–
начале XVIII века...» респондентами 40–45 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 категория «Период развития»	Прогресс, высокий уровень развития, подъем в гору, превосходит все страны мира	20	48,78
	Экономика отсталая	3	7,32
2 категория «Скорость перемен»	Быстрые, стремительные перемены	11	26,82
	Умеренный темп развития	2	4,88
3 категория «Изменения в экономике»	Денежная реформа	1	2,44
	Новые налоги, монополизация	1	2,44
	Новые торговые пути	1	2,44
	Активная внешняя торговля	1	2,44
4 категория «Нестабильность»	Нестабильное	1	2,44
Итого		41	100

Система образования в России в конце XVII – начале XVIII веков рассматривается как переживающая период расцвета (32,5%), 7,5% отмечают ее лидирующие позиции в мире. При этом 17,5%, напротив, считают, что развитие в данной сфере было недостаточным. Еще 15% отмечают реформы в образовании того времени, а 10% подчеркивают его недоступность для низших слоев населения.

Общество в России XVII–начала XVIII в. рассматривается старшей группой респондентов как разобщенное, сословное (25,64%), но при этом – развитое, высокообразованное (20,51%), требующее реформ (12,82%), меняющееся (7,69%). 12,82% подчеркивают подвластность и подчиненность народа в данный период, еще 15,39% считают, что он был не готов к проводимым реформам.

Таким образом, контент-анализ продолжений незаконченных предложений выявил единство всех групп респондентов в по-

Таблица 19

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Система образования в России в конце XVII–
начале XVIII века...» респондентами 40–45 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 категория «Период развития»	Развитие системы, совершенствование, улучшение	16	45,71
	Плохое образование	1	2,86
	Зарождение	1	2,86
2 категория «Период перемен»	Реформирование	8	22,86
	Стабильный период	1	2,86
3 категория «Недоступность»	Образование недоступно для низших слоев	3	8,57
	Стали обучать женщин	1	2,86
4 категория «Конкретные реформы»	Равнение на Европу	1	2,86
	Открытие университетов, школ, академий	2	5,71
	Массовое образование, обязательное для дворянства и духовенства	1	2,86
Итого		35	100

зитивном оценивании России времен Петра I, что связывается с проведением множества необходимых реформ и с завоеванием положения влиятельного государства на мировой арене. Респонденты младшей возрастной когорты при оценивании государства в петровскую эпоху большое значение придают реформам, проводимым в данный период, демонстрируя при этом определенную амбивалентность в оценке положения России на мировой арене: часть респондентов отмечает отсталость страны, часть – ее влияние в мире. Респонденты средней поколенческой когорты большее значение придают не столько лидирующим позициям России в мире, сколько ее взаимодействию с миром, отмечая переход страны на качественно новый уровень. Представители старшей поколенческой когорты наиболее позитивно оценивают рассматри-

Таблица 20

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Общество в России в конце XVII—начале XVIII века...»
респондентами 40–45 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 категория «Уровень развития»	Развитое	4	10
	Отсталое общество, неразвитое, неграмотное, малоактивное, не интересующееся политикой	5	12,5
	Образованное, интеллигентное, культурно образованное, развивающееся	6	15
2 категория «Реформируемость»	Реформы	4	10
	Спротивляемость реформам, общество традиционное, привыкающее к новому, переживающее трудные времена	6	15
3 категория «Потеря самобытности»	Потеря самобытности	1	2,5
4 категория «Разобщенность»	В обществе раздробленность, разделенность на классы и сословия, разобщенность	10	25
	Общество сплоченное, единое	1	2,5
5 категория «Характеристики государственной власти»	Феодальное общество	1	2,5
	Смена элит	1	2,5
6 категория «Патриотизм»	Общество патриотов	1	2,5
Итого		40	100

ваемый период как характеризующийся многочисленными положительными изменениями.

Политическая система в эпоху Петра I респондентами характеризуется формально — как реформируемая, изменяющаяся. Большая часть респондентов ограничивается указанием на фор-

Таблица 21

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Российское государство в конце XVII—начале XVIII века...»
респондентами 60–65 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 Категория «Период реформирования»	Реформы, изменения, период перемен, государство нуждалось в реформах, переходный период, перепутье	18	45
	Традиционное государство	1	2,5
	Выбрало западный путь развития	1	2,5
2 Категория «Период развития»	Государство вышло на новый этап развития, скачок вперед, развивалось, стремительно развивалось	12	30
	Отстает от Европы	1	2,5
3 Категория «Ведущая мировая держава»	Укрепление позиций на мировой арене, ведущая мировая держава, мощное государство с активной внешней политикой	3	7,5
4 категория «Государственный строй»	Абсолютная монархия, империя, централизация	4	10
5 категория «Пробуждение»	Развитие институтов государства	1	2,5
Итого		40	100

му правления. Экономика в XVII—начале XVIII в. респондентами всех когорт оценивается позитивно, как развивающаяся быстрыми темпами и переживающая подъем. Только представители старшей когорты отмечают слабость экономики в данный период. Система образования в России времен Петра I оценивается респондентами всех когорт как улучшающаяся, развивающаяся.

Общество в России времен Петра I младшими респондентами оценивается по самым различным основаниям, при этом оценки

Таблица 22

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Политическая система в России в петровскую эпоху
в конце XVII—начале XVIII века...» респондентами 60–65 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 категория «Период реформирования»	Система реформировалась, изменялась, нуждалась в реформах, преобразованиях, сильно преобразовывалась	10	25,64
2 категория «Уровень развития»	Начало становления, новый уровень, система реформирована в лучшую сторону, новый виток в развитии	8	20,51
	Система неблагоприятна	1	2,56
3 категория «Форма правления»	Монархия, единовластие, лидер у власти, черты авторитаризма, тоталитарная	14	35,90
4 категория «Характеристики государственной системы»	Была организована, добюрократическая власть, строгая	3	7,69
5 категория «Положение в мире»	Система обеспечивала авторитет России на международном уровне, эпоха завоеваний, мировая держава	3	7,69
6 категория «Нововведения в политике»	Сенат, новые государственные институты	2	5,13
Итого		39	100

характеризуются большой противоречивостью и насыщенностью штампами. Во всех когортах общество тех времен оценивается как разобщенное, сословное. Респонденты из средней поколенческой когорты демонстрируют большее единство мнений, но и они противоречиво оценивают общество как образованное и культурное и в то же время — сопротивляющееся реформам. Наиболее позитивно оно оценивается старшими респондентами.

Респонденты — представители всех трех исследованных когорт — характеризуются единством взглядов в том, что касает-

Таблица 23

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Развитие экономики в России в конце XVII—начале
XVIII века...» респондентами 60–65 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 Категория «Качество развития»	Продуктивное развитие, рост, прогресс, новый уровень, скачок	17	42,5
	Перестройка, изменения	2	5
	Слабая экономика, низкий уровень, отстает от европейских стран	8	20
	Средний уровень	1	2,5
2 Категория «Скорость перемен»	Развитие ускорилося, стремительное, быстрыми темпами	6	15
	Медленное, экстенсивное	2	5
3 категория «Качественные характеристики экономики»	В экономике начался переход к мануфактурному производству	1	2,5
	Направлена на преодоление «великого московского разорения»	1	2,5
	Основана на военном успехе, за счет военных действий	2	5
Итого		40	100

ся сравнения России конца XVII—начала XVIII в. и современной России, при этом социально-экономическая ситуация наших дней оценивается критически, а государство времен петровских реформ – как более благополучное, развивающееся, занимающее ведущие позиции на мировой арене. Оценка времени XVII—начала XVIII в. характеризуется меньшей эмоциональностью, поскольку события того времени лично не касаются респондентов. С возрастом респонденты все более склонны к осмыслению событий настоящего и прошлого в масштабах государства и истории в целом. При этом, достигнув возраста 40–45 лет, люди подсознательно считают, что должны быть более активными в жизни

Таблица 24

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Система образования в России в конце XVII—начале
XVIII века...» респондентами 60—65 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 Категория «Период развития»	Развитие, совершенствование, улучшение, новый уровень, развитие быстрыми темпами, система была улучшена, приобретала все большее значение	13	32,5
	Образование начало развиваться	1	2,5
	Развитие отсутствует, недостаточное	7	17,5
2 Категория «Период перемен»	Реформирование	6	15
3 Категория «Недоступность»	Недоступно для низших слоев, доступно только богатым	4	10
4 Категория «Качественные характеристики»	Стремление к европейскому уровню, образование подражает западному	2	5
	Новые университеты, новые учебные заведения	2	5
	Базируется на церкви	1	2,5
	Учились из-под палки	1	2,5
5 категория «Положение в мире»	Одно из лучших, крупное, высокий уровень развития	3	7,5
Итого		40	100

страны. В возрасте 60—65 лет люди оценивают прошлое и настоящее с позиций имеющегося опыта и считают себя вправе критиковать действительность.

Образы памяти об эпохе Петра I и о современной России совпадают в вопросах необходимости реформ. Респонденты из младшей поколенческой когорты менее включены в оценивание событий прошлого и политики, они демонстрируют несколько формаль-

Таблица 25

Результаты контент-анализа завершений предложения
«Общество в России в конце XVII—начале XVIII века...»
респондентами 60–65 лет

Категории	Подкатегории	Количество упоминаний	Частота упоминания в процентах
1 Категория «Уровень развития сознания»	Общество развивалось, шагнуло вперед, двигалось, высокообразованное, культурное, развитое	8	20,51
	Рабское самосознание, необразованное общество, обязано принимать реформы, подчиняемое, не высказывающее своего мнения, подвластное	5	12,82
2 Категория «Активность населения в ходе реформ»	Общество требовало реформ, смелое, вышло из сна, могло влиять на положение страны	5	12,82
	Общество не было готово к реформам, значительное влияние традиций, консерватизм, с трудом принимало реформы	6	15,39
	Общество подвергалось перестройке, менялось	3	7,69
3 Категория «Разобщенность»	Дворяне и крепостные, преобладают бедные, сословное общество, деление на богатых и бедных, враждебные лагеря	10	25,64
	Общество порочное и набожное	1	2,56
4 Категория «Соотнесение с другими поколениями»	Сильно отличалось от последующих поколений	1	2,56
Итого		39	100

ное понимание отдельных сфер жизни. Наиболее значимы для них сферы экономики, образования и социальной жизни. Респонденты средней и старшей поколенческих когорт более позитивно оценивают прошлое и менее позитивно – настоящее. Респонденты средней поколенческой когорты демонстрируют внутреннюю кон-

фликтность, респонденты старшей группы настроены в основном критично по поводу прошлого и настоящего.

Для выявления типов респондентов, различающихся представлениями об эпохе Петра I был проведен кластерный анализ. Удалось эмпирически выявить три типа респондентов – носителей коллективных воспоминаний об этом периоде. Выявленные типы представлены на диаграмме (рисунок 2).

Эмпирически выделенные типы респондентов получили условные наименования: первый тип – «Критики», второй тип – «Нуждающиеся в сильном лидере» и третий тип – «Почвенники». Согласно представленным данным, первый тип респондентов характеризуется наименее одобрительными оценками периода правления Петра I как времени реформ, а также низкими оценками утверждения «Пётр I поднял Россию на качественно новый уровень». При этом респонденты данного типа в наибольшей степени по сравнению с представителями других типов оценивают современную эпоху как схожую с эпохой конца XVII–начала XVIII в., а Петра I как склонного к необдуманным решениям. К данному типу относится 48 респондентов (40% выборки).

Первый тип респондентов, по-видимому, склонен к критическому оцениванию результатов правления Петра I на основании того, что принимаемые им решения были необдуманными и в конечном счете не привели к положительным преобразованиям в жизни государства, а сходство с положением дел в современной России они видят в недостаточном учете действительных потребностей народа. К типу респондентов «Критики» принадлежит 14 респондентов в возрасте от 20 до 25 лет, 12 респондентов в возрасте от 40 до 45 лет, 22 респондента в возрасте от 60 до 65 лет.

Респонденты, относящиеся ко второму типу «Нуждающиеся в сильном лидере», характеризуются наиболее высокими оценками по сравнению с другими типами по всем шкалам, описывающим необходимость преобразований в российском государстве конца XVII–начала XVIII в. Респонденты данного типа также согласны с идеей неподготовленности народа к петровским преобразованиям, что не мешает им давать высокие оценки проведенным реформам. Личность Петра I оценивается позитивно, ему приписываются такие качества, как целеустремленность и склонность к директивному (в противоположность либеральному) стилю правления, а необдуманность решений императора

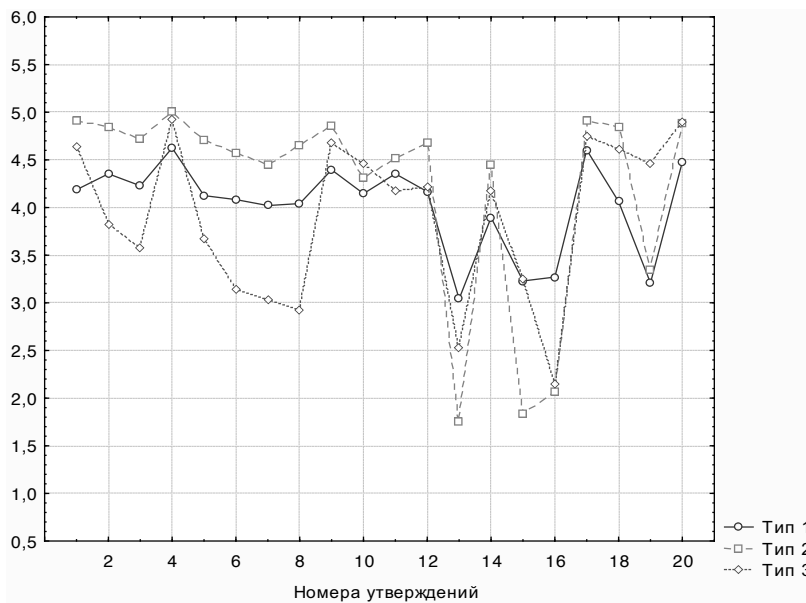

Рис. 2. Типы респондентов-носителей коллективных воспоминаний относительно эпохи правления Петра I.

По горизонтали представлены номера утверждений опросника: 1. Конец XVII—начало XVIII века — время реформ в России. 2. Необходимость реформирования России в этот период. 3. Потребность в изменении старого уклада жизни. 4. Нововведения в армии и флоте. 5. Значимые перемены в сфере культуры. 6. Отсталость России от Европы. 7. Неподготовленность российского общества к переменам. 8. Недовольство разных классов петровскими реформами и переменами. 9. Стремление Петра I достичь уровня Европы. 10. Установление дружеских отношений с разными странами. 11. Влияние Европейского образования на политику Петра I. 12. Период активной внешней политики и войн. 13. Сходство и общность проблем и сложностей в развитии экономики, финансов, системы образования и культуры внутри государства в конце XVII—начале XVIII в. и положение в государстве в наши дни. 14. Главная черта характера Петра I — это целеустремленность. 15. Пётр I избрал либеральный стиль правления. 16. Пётр I часто принимал необдуманные решения. 17. Правление Петра I связано с множеством реформ и инноваций. 18. Пётр I поднял Россию на качественно новый уровень. 19. Основное достижение Петра I является строительство Санкт-Петербурга. 20. Пётр I прорубил окно в Европу

отрицается. К данному типу относится 44 респондента (36,7% выборки).

Таким образом, представителей второго типа респондентов можно охарактеризовать как позитивно оценивающих эпоху правления Петра I, но при этом отрицающих ее сходство с современной Россией. Респонденты, по-видимому, считают, что России в наши дни необходим лидер, схожий с Петром I, способный поднять страну на прежний высокий уровень и обеспечить ее решающее положение на мировой арене. Данный тип респондентов получил название «Нуждающиеся в сильном лидере». К нему принадлежит 16 респондентов в возрасте от 20 до 25 лет, 19 респондентов в возрасте от 40 до 45 лет, 9 респондентов в возрасте от 60 до 65 лет.

Представители третьего типа респондентов «Почвенники» характеризуются отрицанием необходимости реформирования России в период правления Петра I и отсталости России от Европы, но при этом они относительно высоко оценивают готовность общества к реформам и степень обдуманности петровских решений. По-видимому, респонденты, относящиеся к данному типу, склонны рассматривать события прошлого в контексте всего последующего пути развития страны. И если в период конца XVII—начала XVIII в. реформы Петра I оценивались как конструктивные преобразования, то дальнейший путь развития России продемонстрировал, что стране следовало придерживаться собственной логики развития, не ориентируясь на Европу. К данному типу относится 28 человек (23,3%), из них 10 в возрасте от 20 до 25 лет, 9 в возрасте от 40 до 45 лет и 9 в возрасте от 60 до 65 лет. Тип получил название «Мыслители».

Большая часть представителей младшей и средней возрастных когорт принадлежит к типу «Нуждающихся в сильном лидере», большая часть представителей старшей возрастной когорты принадлежит к типу «Критиков».

Следующей задачей было выявление достоверных различий в образах памяти об эпохе Петра I между исследуемыми поколенческими когортами. Результаты, полученные с помощью оценивания утверждений по шкалам, были обработаны в программе Statistica с помощью вычисления U-критерия Манна–Уитни для выявления достоверных различий между представителями трех возрастных когорт.

Были получены данные о достоверных различиях в оценке суждения «Главная черта характера Петра I – это целеустремленность» между представителями первой (20–25 лет) и второй (40–45 лет) возрастных когорт (рисунок 3).

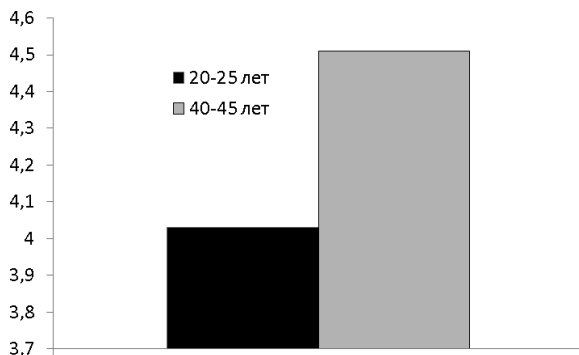

Рис. 3. Значимые различия между средними значениями оценок суждения «Главная черта характера Петра I – это целеустремленность» представителей первой и второй возрастных когорт

Также выявлены достоверные различия в оценках суждений «Пётр I поднял Россию на качественно новый уровень» и «Основным достижением Петра I является строительство Санкт-Петербурга» между представителями первой и третьей когортами.

В целом наибольшее количество различий выявлено между представителями второй и третьей возрастных когорт: значимо различаются оценки суждений по утверждениям «Установление дружеских отношений с разными странами», «Главная черта характера Петра I – это целеустремленность», «Пётр I часто принимал необдуманные решения», «Пётр I поднял Россию на качественно новый уровень», «Основное достижение Петра I – строительство Санкт-Петербурга».

Сравнивая результаты, полученные при сопоставлении ответов в разных поколенческих когортах с помощью критерия Манна–Уитни, мы можем сделать следующие выводы. Возрастная когорта 40–45 лет видит Петра I более целеустремленным, чем когорты 20–25 лет и 60–65 лет. Кроме того, средняя когорта в большей степени ценит заслугу Петра в установлении дружеских отношений с другими странами и строительстве Санкт-Петербурга, чем когорта 60–65 лет, в меньшей степени оценивает его поступки как не-

Глава 3

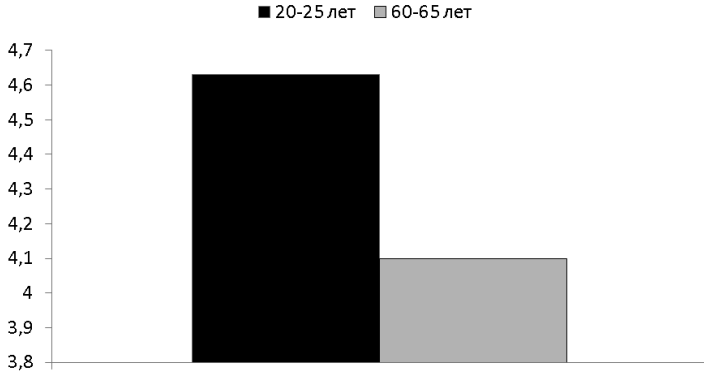

Рис. 4. Значимые различия между средними значениями оценок суждения «Пётр I поднял Россию на качественно новый уровень» представителей первой и третьей возрастных когорт

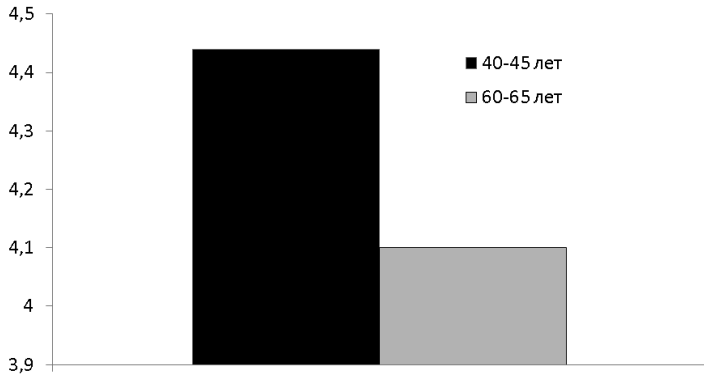

Рис. 5. Значимые различия между средними значениями оценок суждения «Петра I устанавливал дружеские отношения с разными странами» представителей второй и третьей возрастных когорт

обдуманно и в большей степени склонна утверждать, что Петр сумел поднять Россию на качественно новый уровень. Таким образом, представление об эпохе конца XVII—начала XVIII в. в сознании когорты 40—45 лет тесно связано с личностью Петра I и его значительным вкладом в процветание страны. Представители возрастной группы 60—65 лет в наибольшей степени склонны обесце-

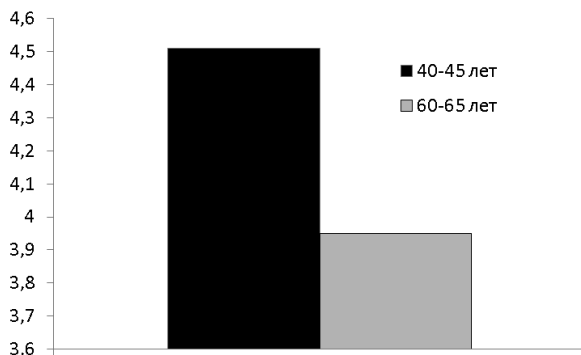

Рис. 6. Значимые различия между средними значениями оценок суждения «Петра I устанавливал дружеские отношения с разными странами» представителей второй и третьей возрастных когорт

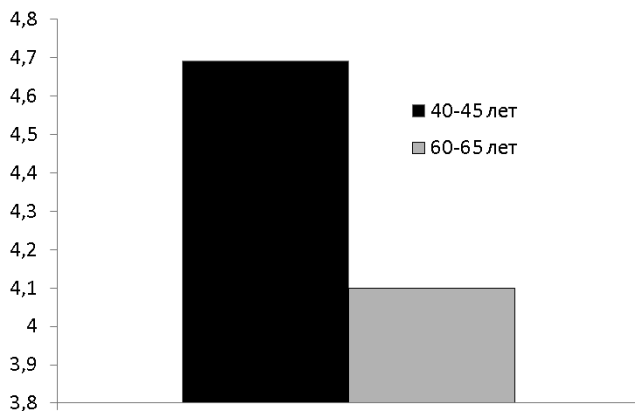

Рис. 7. Значимые различия между средними значениями оценок суждения «Пётр I поднял Россию на качественно новый уровень» представителей второй и третьей возрастных когорт

нивать достижения Петра (строительство Санкт-Петербурга и поднятие России на качественно новый уровень). Личность правителя рассматривается ими как атрибут эпохи, не имеющий решающего значения для судьбы страны.

В отличие от самой старшей возрастной группы респонденты 20–25 лет рассматривают Петра I как личность целеустремленно-

го человека, сумевшего поставить Россию на новый уровень развития, но их образы относительно данной эпохи более размыты и менее структурированы, более близки к средним показателям, чем образы двух других когорт.

В работе был проведен анализ достоверных различий в представлениях об эпохе Петра I между респондентами с различными политическими взглядами. Респонденты были разделены на группы в соответствии с их политическими взглядами – симпатиями к определенным политическим партиям и наличию интереса к политике вообще. Результаты распределения респондентов по группам согласно политическим установкам представлены в таблице 26.

Самой многочисленной оказалась группа респондентов, не интересующихся политикой. Респонденты, высказывающие приверженность партии «Справедливая Россия», склонны оценивать схожесть современной эпохи с эпохой Петра I в большей степени, чем те, кто привержен партии ЛДПР.

Респонденты, демонстрирующие отсутствие интереса к политике, в большей степени оценивают эпоху петровских реформ как период активной внешней политики и характеризуются мень-

Таблица 26

Распределение респондентов по группам в зависимости от политических взглядов, приверженности политическим партиям и наличия интереса к политике

Политические партии	20–25 лет	40–45 лет	60–65 лет	Всего
Справедливая Россия	3	7	2	12
КПРФ, КПСС	1	6	9	16
ЛДПР	5	6	3	14
Аграрная партия России	0	1	0	1
Яблоко	0	1	0	1
Единая Россия	2	0	4	6
Солидарность	1	0	0	7
Правое Дело	0	0	2	2
Лейбористская партия	0	0	1	1
Политикой не интересуюсь	16	17	8	41

шим разбросом ответов по данной позиции и по утверждению «Правление Петра I связано с множеством реформ и инноваций». Таким образом, те, кто не интересуется политикой, демонстрируют большее единство взглядов, при этом данные респонденты придерживаются наиболее распространенных стереотипных мнений.

Содержание представлений об эпохе Петра I различается в группах респондентов, принадлежащих к различным поколенческим когортам. В возрасте 20–25 лет респонденты оценивают перемены, произошедшие в эпоху правления Петра I, как положительные, при этом большее значение придавая личности правителя. 40–45-летние респонденты также отмечают позитивный характер произошедших преобразований, оценивают необходимость реформ и уделяют особое внимание личности Петра I, оценивая характеристики развития различных сфер жизни государства. Респонденты 60–65 лет придают особое значение образованию Петра I и связи России с мировым сообществом. Таким образом, с возрастом расширяется контекст включения личности в исторический процесс: если в возрасте 20–25 лет респонденты рассматривают личность правителя как отдельную и главную предпосылку преобразования, то в 40–45 лет люди склонны к включению ее в общую логику становления государства, а в 60–65 лет — в систему мира и человеческого общества в целом.

Подводя итоги проведенным исследованиям коллективной памяти о значимых политических фигурах прошлого России, нужно отметить, что обыденное политическое сознание, частью которого является коллективная память, в условиях динамично развивающейся общественно-политической системы страны приобретает особую исследовательскую актуальность. Коллективная память становится важнейшим фактором построения интерпретаций происходящего в политической жизни, создания образов политических деятелей, поскольку именно коллективная память дает своего рода «точки отсчета», исторические образцы, предлагает ассоциации с событиями и деятелями прошлого. Как и другие коллективные феномены обыденного сознания, коллективная память является атрибутом социальной группы. Для социальной психологии важно изучение того, какие факторы воздействуют на актуализацию тех или иных образов коллективной памяти.

В кросс-культурных исследованиях, проведенных в странах Западной Европы, также использовалась техника типологиза-

Глава 3

ции представлений коллективной памяти с применением метода построения «репрезентационных профилей» (Liu, Sibley, 2013). По итогам работы, два самых распространенных профиля в западных культурах названы «светскими» и «религиозными идеалистами», они были солидарны в очень низких оценках Гитлера, Садама и Усамы бен Ладена, а лидеров в области науки, демократии и прав человека — в очень высоких. При этом «светские идеалисты» в целом давали более низкие оценки положительным персонам и еще ниже оценивали фигуры основателей религий (Иисус, Будда, Мохаммед). Нужно заметить, что 90% западных респондентов попали в один из этих двух репрезентационных профилей (Hanke et al., 2013). Для западного общества религиозная и светская ментальности, разумеется, оказались ключевым фактором типологизации. Имеет ли он значение в российском менталитете? Это должен показать дальнейший анализ.

В наших исследованиях коллективных воспоминаний о значимых деятелях были обнаружены такие факторы конструирования коллективной памяти, как принадлежность к поколенческой когорте, уровень дохода респондентов, их политическая ангажированность либо неангажированность. Кроме того, выделение эмпирических типов респондентов — носителей разных социальных представлений об эпохе Петра I показывает, что в российском менталитете присутствуют такие политические векторы, как вектор авторитаризма, «почвенничества», и «западничества». Результаты исследований, представленных в последующих главах, позволят расширить и уточнить этот перечень.

ГЛАВА 4

Коллективная память о значимых событиях русской истории

4.1. Оценка значимости событий отечественной истории

Приступая к анализу субъективной важности исторических событий в коллективной памяти, нельзя не задаться вопросом — чем определяется эта субъективная важность? Если говорить о характере событий в жизни стран и народов, то результаты исследований на материале всемирной истории показывают, что «в коллективной памяти о мировой истории самыми заметными оказываются не мир и процветание, а война и политика» (Liu, Sibley, 2015, p. 274). В масштабном исследовании на студентах 24 стран было показано, что при свободном припоминании именно политика и война упоминались наиболее часто, тогда как экономические и научные достижения были представлены незначительно. Вторая мировая война оказалась чаще всего упоминаемым событием, а Гитлер — чаще всего свободно припоминаемой фигурой в коллективной памяти об истории (там же). Российские респонденты не участвовали в этом исследовании.

Нами же был предпринят анализ коллективной памяти о наиболее субъективно значимых событиях русской истории у представителей различных социальных групп России. В исследовании участвовали 345 человек, из них: 121 студент (возраст — от 18 до 23), 115 работающих взрослых (возраст — от 25 до 55) и 109 неработающих пенсионеров (возраст — от 60 до 86). Методами исследования послужили: авторские методики оценки субъективной значимости исторических событий, авторская методика выявления политических ориентаций (или политической индифферентности) респондентов и методика оценки уровня патернализма (Т. Г. Сте-

Таблица 27

Коллективная память об исторических событиях в исследуемых группах (события с наибольшей частотой упоминания)

Преобладающие образы памяти в группах		
Студенты	Работающие взрослые	Неработающие пенсионеры
Победа в Великой Отечественной войне Отмена крепостного права Перестройка	Победа в Великой Отечественной войне Перестройка Революция 1917 г. Реформы Петра I Полет человека в космос	Победа в Великой Отечественной войне Сталинские репрессии Первые пятилетки

фаненко, Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая). Опрос проводился весной 2011 г. в Москве. В данной работе представлен один из фрагментов исследования.

Респондентам было предложено в свободной форме перечислить исторические события, которые с их точки зрения можно было бы назвать эпохальными. В результате контент-анализа высказываний были выделены наиболее часто называемые события для каждой из групп. Наиболее часто упоминаемыми во всех группах оказались следующие события: победа в Великой Отечественной войне (55% респондентов), революция 1917 г. (38%), распад СССР (22%), перестройка (15%), отмена крепостного права (11%), крещение Руси (9%), правление и реформы Петра I (9%), полет человека в космос (8%), создание СССР (5%).

При сравнении ответов респондентов различных возрастных когорт было обнаружено следующее. Несмотря на различие в преобладающих образах коллективной памяти, воспоминания респондентов средней возрастной группы были во многом схожи с воспоминаниями студентов с изменениями в порядке частоты упоминания событий. Так, перестройка называется ими чаще (23%), чем студентами (11%). Респонденты пенсионного возраста в отличие от представителей других возрастных групп значительно чаще упоминают события сталинской эпохи (включая репрессии, восстановление народного хозяйства после войны и эпоху правления Сталина в целом) – 7%, а также события советского периода (первые пятилетки, ударный труд, экономический подъем после войны) – 5%.

Можно отметить, что респонденты с низким уровнем патернализма чаще отмечают такие переломные моменты нашей истории, как распад СССР и перестройка. Ответы патерналистов отличаются значительно большей гомогенностью – Великая Отечественная война и революция 1917 г. были названы абсолютным большинством этих респондентов. Примечательно, что патерналисты вообще не вспоминали о репрессиях Сталина. Респонденты, определившие себя как «не интересующиеся политикой», реже, чем интересующиеся, отмечали ВОВ и революцию 1917 г. Примечательно, что склонность к патернализму связана с уровнем политической ангажированности: среди респондентов, не интересующихся политикой, больше непатерналистов, чем среди тех, кто ею интересуется.

По всей видимости, политические установки оказываются значимым фактором конструирования коллективной памяти. Это подтверждают и результаты других авторов: «Те, кто склонны к авторитаризму и наиболее мотивированы к сохранению коллективной безопасности и внутригрупповой сплоченности, скорее всего будут так позиционировать историю своей группы, чтобы она выглядела славной, и будут защищать ее от „клеветы“» (Liu, Sibley, 2015, p. 276).

В целях изучения механизмов сохранения информации при конструировании коллективных воспоминаний респондентам был задан вопрос «Какие исторические события должны помнить ваши дети?». С помощью этого вопроса мы намеревались получить информацию о векторах целенаправленного конструирования представлений коллективной памяти. Действительно, одним из мощных механизмов трансляции представлений коллективной памяти в будущем является непосредственно реализуемое стремление создать желаемый образ прошлого у младшего поколения.

Результаты контент-анализа показали, что абсолютное большинство респондентов хотели бы, чтобы их дети помнили о Великой Отечественной войне. Это событие остается центральным в конструировании коллективной памяти для будущих поколений во всех возрастных когортах. Отметим, что среди респондентов, назвавших его, большинство является патерналистами. Также респонденты отвечали, что хотели бы, чтобы их дети помнили всю историю, причем правдивую и настоящую. Большее число респондентов среди ответивших таким образом являются непатер-

терналистами. На третьем месте оказалась «Революция 1917 года», за ней – «Полет человека в космос». Патерналисты чаще, чем непатерналисты, отвечали, что их дети обязательно должны помнить семейные события (памятные даты, праздники, дни рождения родителей). Примечательно, что только не интересующиеся политикой ответили, что царская Россия должна сохраниться в воспоминаниях их детей.

При сравнении частоты упоминаний «значимых событий прошлого» и частоты упоминания событий, о которых «должны помнить дети», выявились различия. Так, «революция 1917 года» отодвинулась со второго на третье место (количество упоминаний сократилось в 6 раз). «Распад СССР» с третьего места в рейтинге «значимых» переместился на 12-е. «Отмена крепостного права», «перестройка», «крещение Руси», «создание СССР» и «война 1912 года» (занимавшие, соответственно, с 4-го по 8-е места в рейтинге) вообще не вошли в первые полтора десятка важнейших событий отечественной истории, которые «должны помнить дети». Между тем «полет человека в космос» с 9-го места переместился на 4-е.

Логика конструирования образа прошлого для будущего выглядит довольно противоречивой. С одной стороны, утверждение о том, что нужно «помнить всю историю», занимает второе место в рейтинге «для будущих поколений», с другой стороны, наблюдается ярко выраженная избирательность событий. Если «Великая Отечественная война» и «революция 1917 года» не теряют приоритетности (хотя количество упоминаний второго события как важного для памяти детей снизилось в 6 раз), то «отмена крепостного права», «перестройка», «крещение Руси», «создание СССР» и «война 1912 года» становятся «неважными» и не попадают даже в первые 15 строк рейтинга.

Возвращаясь к вопросу о природе преимущественного сохранения событий в коллективной памяти, можно вспомнить о том, что коллективная память конструируется как нарратив, в частности, концепцию Верча, который определял русский нарративный шаблон как происходящий из благоприятного для своей группы краткого изложения исторического прошлого (Верч, 2009б). Не оспаривая природы коллективной памяти как нарратива, мы не можем согласиться с тем, что только благоприятные для национальной общности события запечатлеваются и сохраняются. Согласно приведенным данным, и революция 1917 г., и распад СССР,

и перестройка (неоднозначно оцениваемые в обществе) находятся в фокусе коллективных воспоминаний.

Можно предположить, что образ коллективной памяти конструируется, прежде всего, посредством механизма увековечивания великих достижений страны («Великая Отечественная война» и «полет человека в космос»). Но при этом фиксируется и событие, надолго и неоднозначно изменившее политический облик страны — «революция 1917 года» (молодежь реже представителей других возрастных когорт называет это событие как «память для будущего»). Подобный же смысл имеет и «перестройка», но, видимо, из-за близости к настоящему моменту во времени оно еще не приобрело в сознании респондентов той знаменательности, которая должна была бы ему обеспечить место в памяти будущих поколений.

Результаты исследования процессов коллективной памяти — сохранения, забывания, закрепления, искажения — показывают, что центральным элементом представлений о прошлом страны является Великая Отечественная война, именно воспоминания о ней репрезентируют представители всех социальных групп, через призму этого события вспоминают и оценивают политических деятелей.

Таким образом, несколько противоречивой видится логика сохранения воспоминаний. С одной стороны, респонденты часто отвечают, что помнить нужно всю историю. С другой — наблюдается явная избирательность воспоминаний, причем специфичная для каждой из рассматриваемых групп. Кроме того, есть события, которые не отмечаются респондентами в числе самых значимых, но при этом респонденты утверждают, что память об этих событиях не должна быть стерта (события советской эпохи), и, наоборот, есть события значимые, но не транслируемые потомкам (революция 1917 г.).

Для изучения процесса сохранения воспоминаний через сопротивление забвению, респондентам был задан вопрос: «О чем нас пытаются заставить забыть?». Преимущественно респонденты указали на попытки искажения достоверных оценок советского прошлого, причем именно преимуществ этого строя: высоких зарплат, социальной стабильности, мощи страны (16% респондентов). Чаше всего так отвечали студенты (18%). Второе по важности для этой группы — сокрытие информации об ошибках и неудачах политической власти (12%), при этом респонденты не указали конкретно,

какие решения и поступки имеются в виду. Чаще других групп студенты упоминали в ответах демократию, террористические акты, войну в Чечне и Афганистане, абстрактную «правду». Группы работающих взрослых и неработающих пенсионеров чаще студентов высказывали подозрение в попытках исказить «настоящую» историю и удалить из воспоминаний общества память о достижениях и величии страны, ее некогда весомом статусе на мировой арене. Стоит отметить, что практически только респонденты из группы неработающих пенсионеров говорили о попытках заставить забыть о некогда присутствовавшем высоком уровне социальной защищенности, величии русской нации. Только 10% респондентов высказали мнение о попытках насильственного забвения событий Великой Отечественной войны.

Что касается коллективного забвения, обнаружено явное упущение событий исторически весьма значимых, но не вносящих вклада в позитивный образ державы. К примеру, респондентами не упоминаются неудачные войны: Первая мировая, Русско-японская война, Крымская война, Советско-финская война, а также Смутное время, правление Лжедмитрия и польская интервенция и даже татаро-монгольское иго, весьма широко представленное в фольклоре и художественных произведениях. В этом мы видим подтверждение механизма конструирования коллективных воспоминаний — фиксируются и репрезентируются в основном события, укрепляющие групповую идентичность и позитивный образ страны, остальные уходят из коллективной памяти и постепенно предаются забвению.

Примечательно, что в исследованиях коллективной памяти о мировой истории, проведенных в 30 западных странах (Liu et al., 2012), оказалось, что негативные события — исторические бедствия, катастрофы, войны — были более консенсусными в разных культурах, чем позитивные события (исторический прогресс и права человека). Возможно, в условиях социально-экономической турбулентности, в которых находится российское общество, коллективная память концентрируется на таком драматичном, но одновременно героическом событии, как Великая Отечественная война. Победа в войне служит стабилизирующим общественное сознание фактором и основой для позитивной идентификации.

В исследовании предпочтений политических режимов, имевших место в разные периоды истории страны (Емельянова, Куз-

нецова, 2012), респонденты сравнивали между собой три исторических периода – «царскую Россию», «советскую Россию» (имелся в виду весь период, начиная с революции 1917 г. до начала перестройки, включая период СССР) и Россию периода перестройки (1987–1991 гг., включающие крупные идеологические, экономические и политические изменения в укладе страны). Ключевым критерием выбора сравниваемых периодов был тип политического уклада – монархического, коммунистического, попытки построения демократии. Современный этап развития российского государства специально не включался в исследование, поскольку суждения о нем не относятся к категории коллективной памяти, а характеризуют актуальные социальные представления. Респонденты оценивали по 5-балльной шкале свойства выделенных политических режимов с учетом 13 признаков, определенных на предварительном этапе. По этим же признакам респонденты оценивали идеальную с их точки зрения политическую власть.

Полученные данные обрабатывались путем сравнения представлений о каждом историческом периоде с представлениями респондентов об идеальной власти, а также выявлялись статистические отличия в оценках между группами студентов, работающих взрослых и неработающих пенсионеров. Для выявления статистической значимости различий использовался критерий Манна–Уитни и метод определения корреляционных связей Спирмена.

При сравнении политических режимов царской России, СССР и России периода перестройки с параметрами идеальной власти были обнаружены значимые отличия по абсолютному большинству шкал ($p < 0,05$). При сравнении с идеалом описаний советской России и царской России значимых различий не было обнаружено только по одному критерию – «необходимость власти для общества». Этот показатель невысок и относительно этих двух периодов, и в представлениях об идеальной власти. В период перестройки, по мнению респондентов, необходимость власти для общества была еще меньше, чем в другие периоды и при идеальной власти – средний ранг оценок по этому критерию политической власти периода перестройки ниже, чем периодов советского и царского режимов.

Относительно политической власти в царской России мнения респондентов из разных групп различались незначительно. Относительно периода царской власти было выявлено, что работающие взрослые склонны в большей степени считать власть этого перио-

да заботящейся об интересах государства и поддерживающей нуждающихся ($p=0,05$), чем студенты и пенсионеры. Студенты дали этому периоду более высокие оценки по критериям «власть закона» ($p=0,04$) и «власть силы» ($p=0,05$), чем работающие взрослые и неработающие пенсионеры. Отметим, что пенсионеры дали этому периоду наименьшие оценки по всем четырем характеристикам.

В оценках советской власти больших различий между группами респондентов также не было. Описывая советскую Россию работающие взрослые дали самые высокие оценки в сравнении со студентами и пенсионерами по шкалам «забота об интересах государства» ($p=0,00$), «безопасность государства» ($p<0,01$), «безопасность человека» ($p<0,01$), «поддержка нуждающихся» ($p<0,01$). При этом студенты дали самые низкие из трех групп оценки по этим шкалам.

Наибольшее количество разногласий между респондентами было обнаружено относительно периода перестройки – по восьми из 13 шкал. Студенты дали более высокие, по сравнению с работающими взрослыми и неработающими пенсионерами, оценки политической власти этого периода по таким характеристикам, как «забота о народе» ($p<0,01$), «забота о государстве» ($p<0,01$), «безопасность государства» ($p<0,01$), «безопасность человека» ($p<0,01$), «власть закона» ($p < 0,01$), «поддержка нуждающихся» ($p<0,01$) и «повышение качества жизни» ($p < 0,01$), т. е. представления студентов о перестройке в наибольшей степени позитивны по сравнению с представлениями других групп. При этом работающие взрослые в большей степени, чем студенты и неработающие пенсионеры, склонны оценивать этот период как период «заботы об интересах власть имущих» ($p < 0,05$).

Меньше всего различий оказалось в описании идеальной политической власти. Пенсионеры в большей степени считают необходимым для политической власти заботиться об интересах государства ($p<0,01$). Работающие взрослые чаще, чем студенты и неработающие пенсионеры, считают, что идеальная власть не должна заботиться об интересах «власть имущих» ($p<0,01$) и не должна быть «властью силы». В остальных шкалах мнения респондентов сошлись.

Определено, что по ряду характеристик коллективные воспоминания в рассматриваемых группах сходятся относительно всех периодов (к ним относятся «свобода личности», «международные отношения», «дистанция между народом и властью» и «необходимость власти для общества»). В то же время есть характеристики,

оценки по которым различны между группами по всем трем периодам. Прежде всего, это «забота об интересах государства» и «поддержка нуждающихся». Наибольшее количество положительных корреляций между оценками различных исторических периодов по отдельным шкалам с параметрами идеальной власти было обнаружено относительно советской власти, наименьшее — относительно перестройки.

4.2. Значимые события советской истории в коллективных воспоминаниях

Коллективная память помогает людям обрести социальную идентичность через интернализацию общих традиций и коллективных представлений, разделяемых группой. Причем если представление о прошлом имеет позитивный смысл «золотого века» — выполняется глобальная, или ностальгическая, функция. Вторая социальная функция связана с целями и потребностями группы, в этом смысле коллективная память — это своего рода реконструкция прошлого в соответствии с целями настоящего в жизни группы.

Коллективные воспоминания об СССР выполняют обе названные функции. По мнению отечественных социологов, «можно говорить о том, что для относительного большинства россиян идеал общественного устройства локализован в прошлом» (Касамара, Сорокина, 2014, с. 110). Изучение представлений о советском прошлом у студентов ведущих московских вузов показало, что «у молодого поколения в сознании достаточно позитивный образ СССР и весьма негативное отношение к современной России» (там же, с. 110). Оказалось, что эти студенты имеют очень приблизительное представление о тоталитаризме и, возможно, именно поэтому во многом идеализируют советское прошлое: по их мнению, «проблемы советского периода истории характеризовались бытовыми трудностями, а не миллионами погибших в сталинских лагерях» (там же, с. 116). В поисках причин подобного искажения коллективной памяти важно обратиться к идее темпоральной непрерывности коллективного сознания. Настоящее посредством институциональной памяти через кинопродукцию, СМИ, политический дискурс выстраивает образ советского прошлого, преимущественно как героического, стабильного и светлого времени созидания. Этот образ охотно впитывается молодежью по контрасту с пере-

живаемыми трудностями трансформационного периода благодаря закономерностям коллективной памяти (потребность в «золотом веке», в позитивном образе нации и т. п.). Потребность в построении позитивной национальной идентичности диктует обращение к славному прошлому. Однако и на этом пути возникают трудности, поскольку, по словам Е. П. Белинской, «специфика отечественного „кризиса идентичности“ связана с фактическим отсутствием образа личного и социального будущего» (Белинская, 2015). По-видимому, идеализация прошлого выступает как компенсация неопределенности будущего. Каково же место воспоминаний о советском прошлом в коллективной памяти, связанной с событиями отечественной истории в целом? Приоритетность советского периода истории в коллективной памяти подтверждалось многими исследованиями (напр.: Кузнецова, 2013; Емельянова, 2002, 2016; и др.), результаты одного из них мы приводим ниже.

Исследование, выполненное К. Б. Демидовой в 2003 г. под руководством автора, было посвящено коллективным воспоминаниям об СССР и о разных периодах советской истории. Объем выборки: N=105 (представители пяти социальных групп – пенсионеры, рабочие, студенты, интеллигенция и безработные по 21 испытуемому в каждой группе), возраст – от 20 до 77 лет. Методы сбора данных: ассоциативный направленный метод – поток ассоциативного ряда в ответ на слово-стимул (в данном случае это словосочетание «Советский Союз»); метод тестирования – диагностика уровня социальной фрустрированности Л. И. Вассермана в модификации В. В. Бойко с целью выявления степени удовлетворенности испытуемых своими социальными достижениями в основных аспектах жизнедеятельности. Для анализа данных использовались: контент-анализ – психолингвистическая экспертная система ВААЛ (Шалак, 2004); методы параметрической корреляции (критерий Спирмена); методы выявления различий в уровне исследуемого признака (Н-критерий Краскела–Уоллиса).

С помощью метода ассоциаций и последующего контент-анализа был получен рейтинг слов и словосочетаний, ассоциирующихся с СССР и основными периодами советской истории. На совокупной выборке были получены следующие ассоциации (по убыванию их частоты): СССР – «страна», «свободный», «хороший», «коммунизм», «бесплатный», «работа», «серп и молот», «жизнь», «уверенность», «объединение», «сила», «армия», «рождение», «за-

взрашней», «сила», «мощь», «гимн», «веселье», «радость», «счастье». Испытуемые отмечали также «безопасность» и «уверенность в завтрашнем дне», «возможность получать бесплатное медицинское обслуживание и образование», «низкие цены», подчеркивая при этом, что «сейчас бесплатно только сыр в мышеловке». Таким образом советское время оценивается преимущественно положительно. Однако по отдельным периодам советской истории наборы ассоциаций были существенно другими.

Период 1917–1922 гг. испытуемые связывают, прежде всего, с личностью В. И. Ленина. Чаще других приводились такие ассоциации: залп крейсера «Аврора», ставший символом начала революционных действий. Но эмоциональная окраска большинства ассоциаций скорее негативна: «разруха», «кровь» «убийство», «страх», «хаос», «беззаконие», «смерть», и «голод». При этом у небольшая часть испытуемых отмечают «необходимость перемен», «надежда» и «борьба за светлое будущее».

В периоде 1923–1940 гг. на передний план выходит политика И. В. Сталина: «коллективизация», «раскулачивание», «НЭП», «репрессии», «продразверстка», «Беломорканал». Отмечается парадоксальное соседство слов «тирания», «геноцид», «арест» и «гонения» со словами «подъем» и «свобода», «возрождение» и «процветание». Некоторые испытуемые отмечают «энтузиазм», «строительство», «электрификация», «перелет Чкалова».

Период 1941–1945 гг. характеризуется высоким процентом встречаемости слова «все», что может говорить об этом периоде как о времени единения всего народа для совместной борьбы с врагом. Наиболее часты слова «победа», «мы сильнейшие» как ощущение собственной причастности к этой победе, «героизм», «патриотизм», «подвиг», «вера» и «надежда». Значительная доля ассоциаций содержит упоминания о тяготах войны: «голод», «смерть», «страх», «похорошки», «бомбежки», «блокада Ленинграда», называются основные битвы – под Москвой, под Сталинградом, Курская дуга. «Фронт» и «тыл», «пленные» и «тяжелый труд» называют респонденты всех возрастов.

По поводу периода 1946–1952 гг. основными были ассоциации: «строительство». «надежда», «начало», «новая жизнь», «радость», «возрождение», «оптимизм», «ликование», «счастье», «прогресс». Однако в ответах остаются «лагеря», «репрессии», «страх», «неурожай», «бандитизм», «нищета».

Для периода 1953–1964 гг. характерны ассоциации с полетом в космос Ю. А. Гагарина, а также всем, что связано с космонавтикой, развитием военной промышленности, науки. Вместе с тем значительна и частота словосочетания «холодная война». Воспоминания испытуемых содержат упоминание о «реформах», проводимых в этот период. Часто упоминается «запрет на личные подсобные хозяйства», «освоение целины», «подъем промышленности». Общий эмоциональный фон высказываний можно назвать положительным. Опрашиваемые используют такие слова, как «развитие», «защищенность», «улучшение», «подъем» и обобщающее — «оттепель».

Период 1965–1982 гг. называют «застоем», при этом считая его временем «безмятежности», «благоухания», «романтики», «веселья» и даже «расцвета». Колоритная фигура Л. И. Брежнева характеризуется так: «любил целоваться», «коллекционировал машины», ордена и награды, «присуждаемые самому себе» — и скептическим отношением — «маразм», «смех», «анекдот». При этом некоторые отмечают такие приметы того времени, как «распушенность», «блат», «страх», «скука», «бюрократизм» и «чинопочитание». Между тем позитивные ассоциации все же преобладают.

Период 1983–1984 гг. наиболее короткий, а потому вызывающий минимум ассоциаций у испытуемых. Даже взрослые люди затруднились назвать пять слов-ассоциаций, молодежь же вообще отказывалась описывать это время — «нет ассоциаций», «не помню». Политика называется испытуемыми «бессмысленной», отмечается «тревога», «ожидание неизвестно чего», «криминализация», «начало хаоса». В целом респонденты определяют этот период как переходный («конец стабильности»).

Для характеристики периода 1985–1991 гг., разумеется, чаще всего применяется слово «перестройка», а вместе с тем, «развал», «распад СССР», «раскол» и «отделение республик». Общий эмоциональный фон этого периода скорее негативный: «разочарование», «недовольство», «крайне отрицательное отношение», «ухудшение» и даже «отвратительный». Есть редкие упоминания о «свободе слова», «гласности», «окончании войны в Афганистане», «нобелевской премии», «падении железного занавеса».

Итак, намечается любопытная тенденция: из восьми выделенных периодов советской истории преимущественно негативные чувства вызывают шесть, а позитивные — только два. В то же время общая оценка советской истории (первое задание) позитив-

на. Возможно, общую оценку определил брежневский период. Это предположение мы проверили с помощью анализа данных по группам, дополнив его результатами методики социальной фрустрированности Л. И. Вассермана в модификации В. В. Бойко (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002, с. 18).

Студенты как наиболее позитивный оценивают именно брежневский период советской истории («стремление к образованию», «дружба», «спокойная жизнь», «развитие науки», «подъем»). В период нашего исследования у этой группы фрустрированной оказалась потребность в устройстве на работу, а в эпоху СССР, соответственно, ими особо отмечается гарантированность работы. Группа неработающих пенсионеров отличается большим количеством личных воспоминаний: «рождение ребенка», «свадьба», «смена работы», «служба в армии». Пенсионеры как группа, неудовлетворенная в наибольшей степени качеством медицинского обслуживания, ассоциирует СССР с «бесплатным лечением», «молодостью» и «защищенностью», перестройка оценивается в основном негативно. Как наиболее позитивный период они отмечают брежневские годы, здесь большая доля ассоциаций: «веселье», «вольная жизнь», «кассы взаимопомощи», «достаток». Наиболее негативно они оценивают довоенный период как время репрессий, арестов, раскулачивания.

Группа интеллигенции, максимально фрустрированная состоянием социальной сферы в период проведения исследования, в отношении этапа перестройки обнаруживает усиление позитивных чувств и снижение негативных. С приходом к власти М. С. Горбачева интеллигенция связывала большие надежды. Однако брежневское время оценивается этими респондентами как наиболее позитивное (ассоциации: «безмятежность», «романтика», «мечты», «стабильность»), самые негативные периоды, по их оценкам, – довоенный и военный («концлагерь», «боль», «страдание», «потери»).

Группа рабочих показала наибольшую степень фрустрированности в отношении сферы медицинского обслуживания, респонденты ассоциируют СССР с «бесплатной медициной», «социальными гарантиями». В воспоминаниях о перестройке преобладает апатия. Как самый позитивный рабочие отметили период правления Брежнева («гарантии», «расцвет», «стабильность», «спокойствие»), как самый негативный – революционный («смерть», «безграмотность», «неизвестность»).

Группа безработных чаще, чем другие группы, отмечает ту или иную ситуацию с продовольствием и ценами в стране в разные периоды истории. Эта группа, испытывавшая наибольшую фрустрированность в советский период, позитивно оценивала только время правления Брежнева (ассоциации на этот период — «дешевый», «продукты», «поездки», «любовь», «стабильность»).

Вероятно, при конструировании этих воспоминаний работает механизм коллективного копинга. Потребности, удовлетворение которых затруднено в настоящий момент, оказывают влияние на характер воспоминаний о прошлом. Время, когда потребность удовлетворялась лучше, оценивается как наиболее позитивное. При этом в прошлом оценки того же периода могли быть другими. Большую роль, по нашему мнению, здесь играет то, что представители психоаналитической школы назвали наложением исторической памяти на память индивидуальную или память семьи, в результате чего происходят различного рода трансформации содержания. Особенно ярко эта тенденция выражена у неработающих пенсионеров как людей более старшего возраста. Личное у них переплетено и неразрывно связано с политическим, а потому они более склонны к ностальгии по прошлому. С СССР у старшего поколения связаны воспоминания о молодых годах, друзьях, работе и т. д. У студентов память «индивидуальная», личная ограничена рассказами старших и сведениями из литературных, исторических источников. Именно поэтому они более склонны оперировать устоявшимися выражениями, их воспоминания и представления о советском прошлом во многом стереотипны, обезличены, неэмоциональны или символичны.

Респонденты старшего возраста при оценке прошлого стараются оправдать и сгладить острые углы, которые обнажились в истории СССР с течением времени. Диссонанс личных и исторических воспоминаний о прошлом приводит к внутренней необходимости согласования противоречивой информации. Исключение составляют представители интеллигенции, которые на рациональном уровне проблемно подходят к прошлому и стараются оценить исторический путь СССР с различных точек зрения. Мысль Г. С. Дилигенского о том, что за персонифицированными названиями этапов советской истории всегда лежит целый ряд обобщенных представлений не только о личности вождя, но и об особенностях его политической, экономической и культурной деятельности (Дили-

генский, 1994), в полной мере проявилась в нашем исследовании. Преломляясь сквозь призму настоящего, эта деятельность своеобразно интерпретируется и приобретает соответствующую эмоциональную окраску. В целом же обращает на себя внимание то, что в коллективных воспоминаниях наших респондентов сохраняется представление о преимуществах Советского Союза, по сравнению с современной ситуацией.

Для исследования уровня социальной фрустрированности была использована методика Л. И. Вассермана, направленная на изучение степени удовлетворенности/неудовлетворенности социальными достижениями респондента в основных сферах его жизнедеятельности. По каждому из 20 пунктов опросника определяется показатель уровня социальной фрустрированности, который может варьироваться от 1 до 5 баллов, минимальная фрустрация оценивается в 1 балл, а максимальная — в 5. Выводы об уровне социальной фрустрированности делаются с учетом величины среднего балла по каждому пункту. Были получены следующие результаты.

1. Максимально фрустрирована группа безработных — 3,2 балла, минимально — студенческая группа (2,76 балла).
2. В группе безработных максимален уровень неудовлетворенности в отношении к обстановке в обществе, государстве (4,5 балла), минимален в отношениях с супругом/супругой и в отношениях с детьми (по 1 баллу).
3. В группе студентов максимальную неудовлетворенность ощущают в отношении возможности выбора места работы (4,4 балла), минимальную в сфере отношений с родителями, друзьями и знакомыми (по 1,2 балла).
4. Пенсионеры отметили как наиболее фрустрированную сферу медицинского обслуживания и возможность выбора места работы (по 5 баллов), а как наиболее удовлетворенную — сферу отношений с супругом/супругой (1 балл). В данной группе отмечается также наибольшая склонность к крайним оценкам.
5. Представители интеллигенции выделили минимальную удовлетворенность обстановкой в обществе, государстве (4,14 балла). Максимально в данной группе удовлетворены взаимоотношениями с субъектами своей профессиональной деятельности (пациентами, клиентами, учащимися), а также с друзьями и ближайшими знакомыми (по 1,71 балла).

6. В группе рабочих фрустрированность максимальна в сфере медицинского обслуживания (4,5 балла) и минимальна во взаимоотношениях с коллегами по работе (1,81 балла).
7. При оценке сфер жизнедеятельности в целом выборка отметила как наименее удовлетворительную обстановку в обществе и государстве (4,35 балла), а минимально респонденты фрустрированы в области отношений с друзьями и ближайшими знакомыми (1,76 балла).

Анализ корреляционных связей по критерию Спирмена между пятью исследуемыми группами показал наличие связей между ними. При выявлении различий между группами по критерию Краскела–Уоллиса их выявлено не было.

Рассмотрим, каковы отличительные черты коллективных воспоминаний у пяти исследуемых нами групп. На рисунке 8 мы видим, что наиболее фрустрированной является группа безработных, затем группа пенсионеров, рабочих, интеллигенции, наименее фрустрированной является студенческая группа.

На рисунках 9–15 представлены результаты эмоционально-лексического анализа ассоциаций по данным ВААЛ (программа для фоносемантического анализа слов и текстов) респондентов 5 групп.

По данным методики ВААЛ показатель агрессивности в первой группе имеет общую тенденцию к постепенному снижению, однако безработные как самая фрустрированная группа более категоричны (в этой группе больше всего крайних оценок, агрессивность скачкообразно меняется от минимума к максимуму и на-

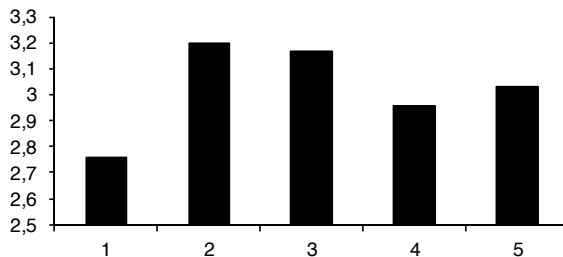

Рис. 8. Уровни социальной фрустрированности в пяти группах.

1 – студенты; 2 – безработные; 3 – пенсионеры; 4 – интеллигенция; 5 – рабочие.

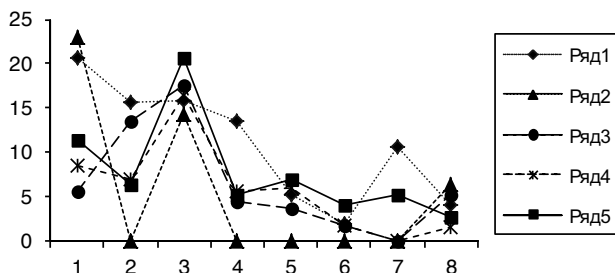

Рис. 9. Показатели агрессивности по восьми периодам истории СССР в 5 группах.

По оси ординат: ряд 1 – студенты, ряд 2 – безработные, ряд 3 – неработающие пенсионеры, ряд 4 – интеллигенция, ряд 5 – рабочие. По оси абсцисс представлены периоды советской истории: 1. 1917–1922 гг. 2. 1923–1940 гг. 3. 1941–1945 гг. 4. 1946–1952 гг. 5. 1953–1964 гг. 6. 1965–1982 гг. 7. 1983–1984 гг. 8. 1985–1991 гг.

оборот). При этом общий уровень агрессивности у безработных ниже, чем у остальных групп, а в группе студентов – выше. В студенческой группе скачки выражены минимально, причем в период правления Андропова и Черненко ярко выражен пик агрессивности в отличие от спада ее в группах безработных, пенсионеров и интеллигенции.

Революционный период также характеризуется высоким уровнем агрессивных оценок, причем наиболее высокими они являются у безработных и студентов, меньшими – у рабочих, интеллигенции и пенсионеров. Высокий уровень агрессивности, относящийся к военному периоду, выражен во всех группах. На этапе перестройки повышение уровня агрессивности отмечают безработные, пенсионеры и интеллигенция, студенты и рабочие отмечают ее спад. Послевоенный, хрущевский и брежневский периоды безработные описывают вообще без слов, несущих агрессивную нагрузку.

На рисунке 10 можно видеть, что процент слов, несущих позитивную оценку, на протяжении всех исторических периодов СССР остается примерно на одном, сравнительно низком уровне. При этом в период 1964–1982 отмечается пик нарастания позитивных тенденций. А в группе пенсионеров этот пик сохраняется и в следующем периоде, хотя в остальных группах позитив в оценке резко снижается. Минимум позитива приходится также на революци-

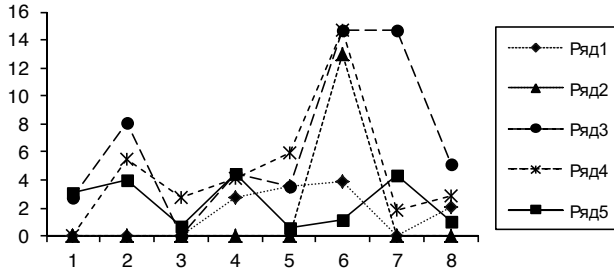

Рис. 10. Показатели позитива по восьми периодам истории СССР в пяти группах.

По оси ординат: ряд 1 – студенты, ряд 2 – безработные, ряд 3 – неработающие пенсионеры, ряд 4 – интеллигенция, ряд 5 – рабочие. По оси абсцисс представлены периоды советской истории: 1. 1917–1922 гг. 2. 1923–1940 гг. 3. 1941–1945 гг. 4. 1946–1952 гг. 5. 1953–1964 гг. 6. 1965–1982 гг. 7. 1983–1984 гг. 8. 1985–1991 гг.

онный, военный, хрущевский периоды. Довоенный период имеет второй по величине пик позитивных оценок, третий, наименьший пик приходится на послевоенное время.

Отметим, что безработные оценивают как позитивный только этап брежневского правления. У студентов позитивные оценки относятся к этапу послевоенного времени.

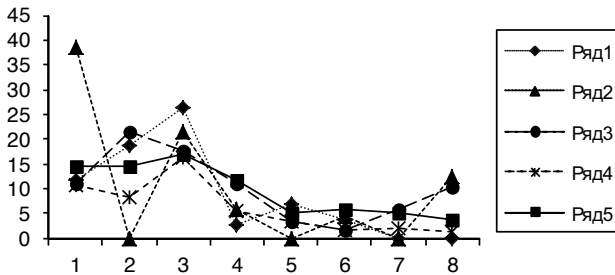

Рис. 11. Показатели негатива по восьми периодам истории СССР в пяти группах.

По оси ординат: ряд 1 – студенты, ряд 2 – безработные, ряд 3 – неработающие пенсионеры, ряд 4 – интеллигенция, ряд 5 – рабочие. По оси абсцисс представлены периоды советской истории: 1. 1917–1922 гг. 2. 1923–1940 гг. 3. 1941–1945 гг. 4. 1946–1952 гг. 5. 1953–1964 гг. 6. 1965–1982 гг. 7. 1983–1984 гг. 8. 1985–1991 гг.

Негатив довольно высок в характеристиках периодов от 1917 до 1945 гг. и имеет общую тенденцию к снижению, возрастая лишь к перестроечному периоду. Безработные при этом показывают спад негативных тенденций в довоенное время, в группе рабочих и интеллигенции этот спад значительно меньше выражен.

Рисунок 12 иллюстрирует общие упоминания о жизни, которые, как можно видеть, незначительны. В студенческой группе тенденция упоминания о жизни стремительно возрастает на момент горбачевского периода истории СССР, менее значительный пик приходится на момент хрущевской оттепели.

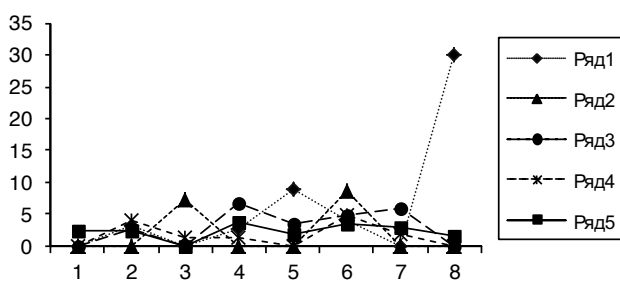

Рис. 12. Показатели жизни по восьми периодам истории СССР.

По оси ординат: ряд 1 — студенты, ряд 2 — безработные, ряд 3 — неработающие пенсионеры, ряд 4 — интеллигенция, ряд 5 — рабочие. По оси абсцисс представлены периоды советской истории: 1. 1917–1922 гг. 2. 1923–1940 гг. 3. 1941–1945 гг. 4. 1946–1952 гг. 5. 1953–1964 гг. 6. 1965–1982 гг. 7. 1983–1984 гг. 8. 1985–1991 гг.

В группе безработных упоминания о жизни практически отсутствуют.

Упоминание о смерти (см. рисунок 13) достигает наивысшего пика в период Великой Отечественной войны, в период правления Андропова и Черненко пик упоминания о смерти тоже присутствует, но он несколько меньше. В студенческой группе второй по величине пик приходится на брежневское время. Безработные вообще не упоминают о смерти в довоенное, послевоенное и хрущевское время, пики упоминания о смерти в этой группе самые высокие. Рабочие по этому показателю имеют самую сглаженную кривую, пики выражены слабо. В группе пенсионеров и интеллигенции отсутствует упоминание о смерти в брежневский период.

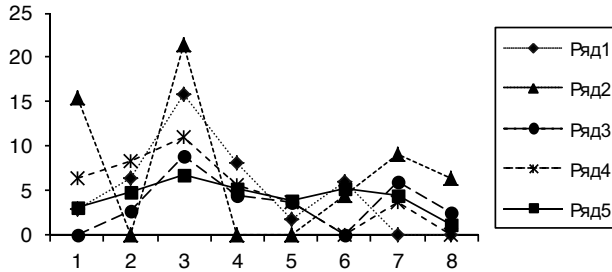

Рис. 13. Показатели смерти по восьми периодам истории СССР.

По оси ординат: ряд 1 – студенты, ряд 2 – безработные, ряд 3 – неработающие пенсионеры, ряд 4 – интеллигенция, ряд 5 – рабочие. По оси абсцисс представлены периоды советской истории: 1. 1917–1922 гг. 2. 1923–1940 гг. 3. 1941–1945 гг. 4. 1946–1952 гг. 5. 1953–1964 гг. 6. 1965–1982 гг. 7. 1983–1984 гг. 8. 1985–1991 гг.

Динамика желания власти (см. рисунок 14) имеет скачкообразный вид практически во всех представленных группах. Исключения составила группа пенсионеров, где пики выражены слабо, кривая носит сглаженный характер.

Первый и самый высокий пик относится к революционному периоду, следующий приходится на этап войны, последний, наиболее ярко выраженный только в студенческой группе при-

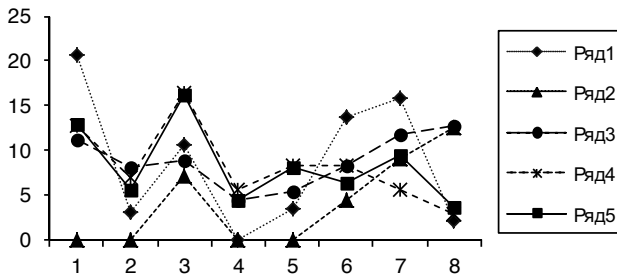

Рис. 14. Показатели желания власти по восьми периодам истории СССР в пяти группах.

По оси ординат: ряд 1 – студенты, ряд 2 – безработные, ряд 3 – неработающие пенсионеры, ряд 4 – интеллигенция, ряд 5 – рабочие. По оси абсцисс представлены периоды советской истории: 1. 1917–1922 гг. 2. 1923–1940 гг. 3. 1941–1945 гг. 4. 1946–1952 гг. 5. 1953–1964 гг. 6. 1965–1982 гг. 7. 1983–1984 гг. 8. 1985–1991 гг.

ходится на время правления Андропова и Черненко. У студентов также этот пик растягивается и на брежневский этап. Желание власти не выражено у безработных в революционное и довоенное время, а также в послевоенное и хрущевское время. У рабочих брежневское время характеризуется спадом желания власти. Горбачевский этап отмечен нарастанием желания власти у безработных и пенсионеров и спадом его у рабочих, студентов и интеллигенции.

На рисунке 15 можно видеть показатели страха власти. Первый пик, как и в предыдущем графике, приходится на революционный период. В довоенное время сравнительно небольшой пик отмечается в группе рабочих на фоне общего его спада вплоть до нуля в группах студентов и безработных. В указанных группах страх власти вообще больше не отмечается, у рабочих еще один небольшой пик приходится на хрущевское время. В группах пенсионеров и интеллигенции пик нарастания страха власти отмечается в военное время. У пенсионеров страх власти присутствует и в горбачевское время, чего у остальных групп не наблюдается.

Анализ полученных результатов показал, что группа безработных, ощущающая наибольшую фрустрированность в момент проведения исследования по отношению к обстановке в государстве и обществе, склонна рассматривать советское прошлое без при-

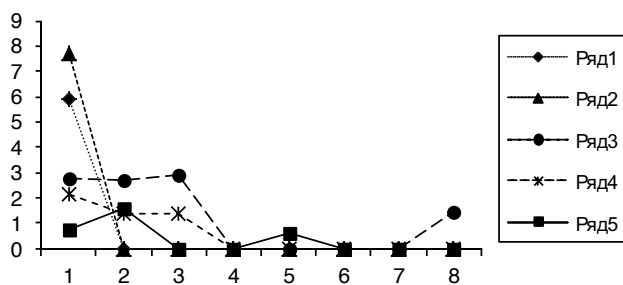

Рис. 15. Показатели страха власти по восьми периодам истории СССР в пяти группах.

По оси ординат: ряд 1 – студенты, ряд 2 – безработные, ряд 3 – неработающие пенсионеры, ряд 4 – интеллигенция, ряд 5 – рабочие. По оси абсцисс представлены периоды советской истории: 1. 1917–1922 гг. 2. 1923–1940 гг. 3. 1941–1945 гг. 4. 1946–1952 гг. 5. 1953–1964 гг. 6. 1965–1982 гг. 7. 1983–1984 гг. 8. 1985–1991 гг.

крас и негативизма, стиль правления считает агрессивным, отмечает признаки борьбы за власть на момент перестройки. Позитивно эта группа оценивает советское прошлое только на момент правления Брежнева (слова-ассоциации в этот период: «любовь», «дешевый», «стабильность», «продукты», «поездки»). Таким образом, на тот период времени обстановка, по мнению данной группы, отвечала основным потребностям респондентов в наличии дешевых продуктов, возможности путешествовать и т. д. Для этой группы эти возможности наиболее привлекательны, так как теперь приходится проводить много времени дома и заниматься домашним хозяйством.

Студенческая группа, характеризующаяся наибольшей степенью удовлетворенности настоящим, наоборот, регистрирует снижение агрессивности, негативных проявлений и увеличение позитивных тенденций в период перестройки и правления М. С. Горбачева. При этом данный период они оценивают с преуменьшением его значимости, снижается и показатель желания власти. Как наиболее позитивный они оценивают брежневский период («стремление к образованию», «дружба», «спокойная жизнь», «развитие науки», «подъем»). Это может быть связано с позитивным ощущением себя в настоящем, с высокой степенью удовлетворенности своим образованием и отношениями с родными и друзьями, а также с ностальгическими воспоминаниями своих старших родственников. На момент опроса фрустрированной оказалась потребность в получении места работы, в Советском Союзе особо отмечается гарантированность работы.

Пенсионеры как группа, не удовлетворенная в наибольшей степени качеством медицинского обслуживания, ассоциирует Советский Союз с «бесплатным лечением», «молодостью» и «защищенностью». На момент перехода к перестройке показывают усиление агрессивности, спад позитивных и нарастание негативных оценок в словах-ассоциациях. Одновременно усиливаются желание и страх власти. Как наиболее позитивные периоды они отмечают 1964–1985 гг., связывая с этим временем выражения «веселье», «вольная жизнь», «кассы взаимопомощи», «достаток», «благоухание». Наиболее негативно они оценивают довоенный период как время репрессий, арестов, раскулачивания, войны. В воспоминаниях этой группы отмечается большой процент личных, жизненных переживаний, связанных с историей семьи.

Группа интеллигенции, максимально фрустрированная обстановкой в обществе и государстве в момент опроса, на этапе перехода к горбачевскому периоду проявляет повышенную агрессивность, но и одновременное *усиление позитивных реакций и снижение негативных*. С приходом к власти М. С. Горбачева и проведением им новой политики в государстве интеллигенция связывала большие надежды, которые на тот момент не оправдались, учитывая их глобальное ощущение неудовлетворенности. Брежневское время оценивается как наиболее позитивное (ассоциации: «безмятежность», «романтика», «мечты», «стабильность»), самое негативное время для них – военное («концлагерь», «боль», «страдание», «потери»).

Рабочие, показавшие наибольшую степень неудовлетворенности в отношении сферы медицинского обслуживания, в качестве ассоциаций с Советским Союзом назвали «бесплатное медицинское обслуживание», «гарантии в медицине», «бесплатное лечение» и т. д. На момент перестроечного этапа в этой группе отмечается снижение активности, уменьшение и позитива, и негатива в ответах. На спад пошли и желание, и страх власти, а также упоминание о жизни и смерти. Таким образом, в данном случае можно говорить об апатии, наступившей с переменами в обществе. Как самый позитивный рабочие отметили этап правления Брежнева, как самый негативный – революционный. Для первого характерны «гарантии», «расцвет», «стабильность», «спокойствие»; для второго – «смерть», «безграмотность», «безработица», «неизвестность».

Таким образом, наша гипотеза подтвердилась. Различия в уровне социальной удовлетворенности тесно связано, по нашему мнению, с характером воспоминаний о прошлом у испытуемых. Потребности, удовлетворение которых затруднено в настоящий момент, оказывают влияние на характер воспоминаний о прошлом. Время, когда потребность удовлетворялась лучше оценивается как наиболее позитивное.

При этом в действительности это могло и не ощущаться в свое время как сугубо позитивный или негативный фон по разным причинам, прежде всего из-за преходящих, личных переживаний. Особенно ярко эта тенденция выражена у пенсионеров как людей более старшего возраста по сравнению, например, со студентами. Личное у них переплетено и неразрывно связано с политическим, а потому они в целом более склонны к ностальгии по прошлому. С СССР у них связаны воспоминания о молодых годах, друзьях,

работе и т. д. У студентов память «индивидуальная», личная ограничена рассказами старших и собственными незначительными воспоминаниями, а потому они чаще используют укоренившиеся выражения, их воспоминания и представления о советском прошлом во многом питаются кино- и литературными образами.

Абстрактному знанию об исторических фактах, казалось бы, противоречит хорошо известная тенденция к их персонификации. В современном российском обществе, для которого характерны высокий уровень образованности населения и мышление, опирающееся на абстрактно-теоретические категории (социализм, рыночная экономика), имена Ленина, Сталина, Хрущева и Брежнева, Горбачева и Ельцина «являются наиболее распространенными обозначениями исторических периодов и ведущих политических тенденций» (Дилигенский, 1994, с. 22). Однако если вдуматься, подобным образом персонифицированное общественно-политическое мышление, в сущности, оперирует не только представлениями о правителях страны как реальных, онтологически воспринимаемых личностях, сколько их абстрактными образами, базирующимися в коллективной памяти, символизирующими те или иные обобщенные понятия и отражающими различные типы политических взглядов. В зависимости от этих взглядов субъектов сознания один и тот же политический деятель может, например, символизировать порядок и национальное величие или деспотизм и террор, социальную справедливость или подавление свободы, прогрессивные изменения в обществе или его разрушение.

Итак, относительно высокий уровень абстракции и опора на отвлеченные категории являются одной из важнейших характеристик политического сознания человека. Другая его характеристика — громадная роль в его формировании, воспроизводстве и развитии разделяемых элементов политического знания, запечатленных в коллективной памяти различных групп общества. Во многом содержание обыденной политической психологии зависит от этих источников больше, чем от индивидуального и актуального опыта, собственно познавательной деятельности субъектов.

Конечно, на протяжении своей жизни индивид постоянно сталкивается с социально-политической действительностью, испытывает ее воздействие. Однако его индивидуального опыта совершенно недостаточно для формирования обобщенных, построенных на абстрактных понятиях представлений о ней и для «уяснения

причинно-следственных связей между непосредственно воспринимаемыми и испытываемыми явлениями, с одной стороны, и обуславливающими их факторами – с другой» (Дилигенский, 1994, с. 24). Эти факторы значительно удалены от его непосредственного восприятия как во времени, так и в пространстве. Во времени, потому что многие явления настоящего обусловлены событиями исторического прошлого. В пространстве, так как такие решающие факторы общественно-политической жизни как динамика макроэкономических процессов, отношений между большими социальными группами, деятельность органов власти и принятие политических решений находятся вне сферы непосредственного наблюдения индивидов.

Социально-политические знания состоят из информации о фактах, обобщений, оценок и объяснений, которые с большим трудом поддаются эмпирической проверке. Во-первых, потому что в своих концептуальных, оценочных и каузальных аспектах они чаще всего формируются в рамках идеологий, под влиянием тех или иных идейно-политических течений и пристрастий. И хотя идеологии могут более или менее верно отражать какие-то стороны действительности, они неизбежно «выпрямляют» ее, «так или иначе подгоняют под себя, гипертрофируя одни ее аспекты и замалчивая или отводя в тень другие» (Дилигенский, 1994, с. 25). Во-вторых, чем дальше отстоит объект социально-политического познания от собственного опыта субъекта и его непосредственного восприятия, тем труднее подвергнуть проверке характеризующие объект суждения и тем чаще он вынужден обращаться к устойчивым образам коллективной памяти.

Роль образов коллективной памяти в системе социально-политических знаний людей наглядно демонстрирует устойчивость «социалистической идеи» в советском и российском обществе. Вместе с оттепелью появились бреши в железном занавесе: умножилось число советских людей, посещавших зарубежные страны и имевших возможность воочию сравнить условия жизни в СССР и на Западе. «Социалистическая идея» потеряла в большой мере свою былую эмоциональную насыщенность, перестала вызывать энтузиазм, определять общее поведение и настроение людей. И все же она продолжала жить. Даже в первые годы перестройки, когда общество уже осознавало пороки собственной системы, а в публицистике и общественной мысли появились идеи реформирования,

совершенствования социализма, очищение его истинной сущности от пороков тоталитаризма (там же, с. 26), значительная часть населения не принимала идеологии перестройки. Коллективная память об эпохе социализма породила у большей части населения образ своего рода «золотого века» в жизни страны. Наши исследования показали, что у представителей различных групп общества (включая молодежь) как наиболее «счастливый» исторический период в жизни страны в коллективной памяти запечатлен период позднего социализма (Емельянова, 2006).

Основа прочности данного образа в том, что люди склонны свои актуальные проблемы мысленно «примерять» к прошлому и идеализировать его. Коллективная память в этом случае выполняет функции психологической защиты, порождая в обыденном политическом сознании «фантомы», призванные эмоционально сгладить «тьмы низких истин» политической действительности прошлого и создать психологическую опору в настоящем.

4.3. Первый полет человека в космос в памяти россиян

Характерной чертой сегодняшней общественной ситуации с большой уверенностью можно считать значительную скорость социальных изменений. В таких условиях перед обществом особенно остро стоит проблема поиска основ для самоопределения и укрепления духовного единства нации. Важный источник подобных поисков – историческое прошлое, при обращении к которому происходит построение новых интерпретаций, реконструирование смыслов и переоценка событий. Это в полной мере касается воспоминаний о первом полете человека в космос.

Проведенное нами ранее исследование (Емельянова, Кузнецова, 2013) показывает, что среди наиболее значимых событий в истории России все категории респондентов отмечают первый полет человека в космос. Одновременно в текущей ситуации высокой социальной динамики очевидна необходимость поиска новых оснований социальной идентичности, и все чаще ее точкой опоры становится историческое прошлое нашей страны. В этом смысле первый полет Ю. А. Гагарина в космос становится одним из ключевых событий наряду с победой в Великой Отечественной войне и другими важными достижениями нашей страны. Изучение представлений о космонавтике, освоении космоса и первом летчике-космонавте

Юрии Гагарине позволит определить, как характеристики самого объекта воспоминаний, так и актуальные критерии оценки социальных явлений, ориентиры и приоритеты рядовых граждан. В ряде исследований, посвященных коллективной памяти об исторических событиях и личностях (Емельянова, Мишарина, 2002–2013), упоминается первый полет человека в космос в 1961 г., а наряду с выдающимися деятелями прошлого – Юрий Алексеевич Гагарин. Космическая тематика в социальных исследованиях начала активно изучаться с 1950-х годов в связи с бурным развитием космической отрасли после Второй мировой войны. Запуск первого искусственного спутника Земли в 1957 г., космических кораблей, первый полет человека в космос были яркими событиями мирового масштаба. Появились философские работы, посвященные проблемам освоения космоса – расширению ноосферы, воздействию новой отрасли на науку, технику, производство. Остро встала дилемма, с одной стороны, необходимости развития исследований в этой области, с другой – концентрации ресурсов на более «земных» проблемах, противопоставления целей – гуманистических и созидательных в противовес милитаристским (Урсул, 1967; Etzioni, 1964).

В психологии в эти же годы сформировалось новое направление – психология экстремальных состояний, а в ее рамках появилась более узкая отрасль – космическая психология. Изучающие ее ученые проводили эмпирические исследования, связанные с психофизиологическими изменениями, которые происходят в условиях космических полетов, невесомости, с особенностями психологических состояний космонавтов, испытывающих экстремальные нагрузки, тонкостями отношений в коллективах, работающих в замкнутом пространстве, познавательным процессам (Лебедев, 1989). Совместные монографии В. И. Лебедева с первыми советскими космонавтами опираются как на научные знания, так и на непосредственные наблюдения самих космонавтов, анализ их дневниковых записей и воспоминаний (Гагарин, Лебедев, 1968; Леонов, Лебедев, 1968, 1971, 1975). В настоящее время проблематика пребывания человека в экстремальных условиях космоса продолжает развиваться в рамках психологии, психофизиологии, так как полеты человека в космос стали регулярными, что увеличило значимость психологического сопровождения. Более того, важной темой становится психологическое сопровождение планируемых

длительных межпланетных перелетов: исследуются как индивидуальные психофизиологические особенности космонавтов, влияющие на качество полетов, так и психологические особенности космических коллективов (Kanas, Manzey, 2008; Kanas et al., 2009).

Важным этапом в развитии социальных исследований космической отрасли стало появление опросов общественного мнения относительно осведомленности населения о достижениях отрасли, степени одобрения государственных расходов на космические разработки, поддержки населением космических программ и проектов. Такие исследования в полной мере могут считаться мониторинговыми, поскольку фиксируют настроение населения по ключевым вопросам на протяжении нескольких лет и даже десятилетий. Так, Американским институтом общественного мнения (American Institute of Public Opinion) проводятся регулярные опросы, в которых замеряется уровень удовлетворенности государственными расходами на космическую отрасль, исследуется общественное мнение о приоритетах ее развития, изучаются коллективные эмоции по отношению как к историческим событиям, так и к современным программам. Например, с течением времени все больше американцев соглашались с утверждением, что проект по высадке человека на Луну оправдал вложенные в него ресурсы.

В России фонд «Общественное мнение» (ФОМ) также проводит регулярные опросы населения по космической тематике. Опрос 2015 г. показал: 55% респондентов считают, что Россия сохраняет лидирующее положение в космонавтике, в то время как 27% респондентов не согласны с этим. Также наблюдается значительный прирост оптимистических ожиданий, по сравнению с результатами 2012 г.: в 2016 г. 60% респондентов считали, что Россия будет занимать лидирующие позиции и в следующие 10 лет, не согласных с такой позицией лишь 12%, однако в 2012 г. всего 31% россиян придерживались оптимистичной позиции, а 34% – пессимистичной. В качестве приоритетных задач развития космической отрасли россияне называют создание новых военно-космических технологий и разработку надежных ракет для вывода спутников и других объектов на орбиту Земли. Однако важно не только то, как в обществе воспринимаются актуальные проблемы и задачи космической отрасли, но и как достижения предыдущих лет отражены в коллективной памяти представителей различных социальных групп.

В исследовании, проведенном совместно с И. Е. Вопиловой, А. М. Озеровой и А. В. Мишариной, ставились вопросы особенностей конструирования коллективных воспоминаний о первом полете человека в космос и личности самого Юрия Гагарина, структура этих воспоминаний в различных социальных группах, а также типы респондентов-носителей различных по содержанию воспоминаний. В ходе поискового этапа были проведены тематические полуструктурированные интервью с представителями различных возрастных групп. Также респондентам были предложены незаконченные предложения, содержащие фразы о космической отрасли и первом полете человека в космос. Применение качественных методов в данном исследовании было направлено на выявление категорий, которыми оперируют респонденты из различных социальных (возрастных) групп для репрезентации первого полета человека в космос и структуры представлений памяти. Всего в поисковом этапе приняли участие 45 респондентов. Далее был разработан опросник, на базе которого был проведен пилотаж. Всего в ходе пилотажного этапа исследования приняли участие 100 респондентов из всех возрастных групп (до 1961 г. р.; 1962–1980 г. р.; 1981–1992 г. р.; 1993–2000 г. р.). Пилотный этап включал апробацию всех основных частей опросника, вошедшего в основной этап исследования. Опрос на основном этапе исследования проводился в электронной форме. Респонденты получали на электронную почту ссылку на запрограммированную анкету и могли ее заполнить в режиме реального времени на персональном компьютере. Рисунки были сфотографированы самими респондентами и прикреплены к электронной форме анкеты.

Анкета основного этапа исследования включала авторский опросник, методику свободных ассоциаций (респонденты должны были дать пять ассоциаций к словосочетанию «Первый полет человека в космос»), рисуночную методику, в ходе которой респонденты рисовали портрет Юрия Гагарина, социально-демографические вопросы. Для обработки полученных ассоциаций применялась методика П. Вержеса (Vergès, Tyszka, Vergès, 1994). В рамках данной методики полученные категории анализировались на основании двух показателей — частоте появления понятия в ответах респондентов и ранге появления понятия. Пересечение медианы частоты и среднего ранга понятия образуют четыре области. Понятия, характеризующиеся высокой частотой и низким рангом, образуют

ядро социального представления. Периферическая система делится на первую периферическую систему и вторую, или собственно периферическую. К первой системе относятся понятия с высокой частотой и высоким рангом, т. е. часто, но не в первую очередь упоминаемые, и понятия с низкой частотой и низким рангом, т. е. понятия, упоминаемые в первую очередь незначительным количеством респондентов. Собственно периферическая система состоит из ассоциаций, характеризующихся как низкой частотой, так и высоким рангом упоминания. В анализ были включены только те категории, которые были упомянуты не менее чем 5% респондентов.

Опрос проводился в электронной форме. Респонденты получили ссылку на запрограммированную анкету и могли ее заполнить онлайн. Рисунки были сфотографированы самими респондентами и прикреплены к электронной форме анкеты. Выборка составила 412 респондентов. 44,7% выборки составили мужчины (средний возраст – 42,7 лет, минимум – 16 лет, максимум – 80 лет), женщины составили 55,3% выборки (средний возраст – 36,4 лет, минимум – 16 лет, максимум – 78 лет). Были выделены 4 возрастные когорты респондентов: рожденные до 1961 г. (всего 126 респондентов, 30,6% от всей выборки), 1961–1980 г. р. (95 респондентов, 23,1%), 1981–1993 г. р. (100 респондентов, 24,3%) и 1994–2000 г. р. (91 респондент, 22,1%). Высшее и незаконченное высшее образование имеют в общей сложности 63,1% респондентов, 25,5% – среднее специальное, 10% – среднее, 1,5% – отказались от ответа на данный вопрос. В выборке представлены жители всех федеральных округов РФ. Всего в ходе исследования было получено 2055 ассоциаций к словосочетанию «Первый полет человека в космос», которые были обработаны по методике, описанной выше. На первом этапе была выделена структура представлений коллективной памяти о первом полете человека в космос, характерная для всей выборки (см. таблицу 28).

Вошедшие в структуру представлений памяти ассоциации описывают 69,4% от всех ассоциаций. К ядру представления, т. е. к набору категорий, которые являются наиболее устойчивыми к изменениям со стороны индивидуального опыта респондентов, относятся в первую очередь такие понятия, как «Гагарин» и «Ракета». Можно утверждать, что личность Юрия Гагарина является основным ядерным элементом коллективных воспоминаний о полете человека в космос. Также ядро включает категорию «СССР», связы-

Таблица 28

Структура социального представления о первом полете человека в космос (вся выборка)

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<3,2	≥3,2
≥47	Ядро	Периферия близкая к ядру
	Гагарин (327; 1,46)	Поехали! (84; 3,54)
	Ракета (139; 2,87)	Космос (открытый космос, выход в космос) (67; 3,52)
	СССР (94; 3,05)	12 апреля (57; 3,23)
	Мы первые (космос наш, первооткрыватели, первые в космосе) (87; 3,18)	
	Радость (ликование, счастье, восхищение, восторг, ура!) (70; 3,16)	
	Восток (65; 3,00)	
	Победа (прорыв, успех, достижение) (58; 3,03)	
	Королёв (47; 2,91)	
<47	Первая периферия	Собственно периферия
	Прогресс (21; 3,00)	Гордость (гордость за страну, слава стране!) (45; 3,24)
		Байконур (45; 3,73)
		Наука (научное достижение, проверка ракетостроения, слава ученым) (40; 3,35)
		Белка и Стрелка (37; 3,35)
		Звезды (34; 3,35)
		Земля (как выглядит из космоса) (32; 3,81)
		Луна (31; 3,42)
		Космонавт (24; 3,33)
		Союз (23; 3,43)

вающую первый полет человека в космос с определенным историческим этапом развития нашей страны, и серию ассоциаций, объединенных в категорию «Мы первые», включающую ответы «Космос наш!», «первооткрыватели», «Первый космонавт — наш». Вместе с категорией «Победа» («Прорыв», «Успех», «Достижение») ядро представляет собой репрезентацию первого полета человека в космос как крайне важного исторического события. Интересно, что к наиболее высокочастотным ассоциациям относятся: «Восток», «Королёв», «Поехали!» и «12 апреля», которые свидетельствуют о знании исторических деталей полета 1961 г. Если говорить об эмоциональной окраске воспоминаний о первом полете человека в космос, то в ядре социального представления мы видим категорию «Радость», объединяющую такие ответы, как «Ликование», «Счастье», «Восторг», а также категорию «Гордость» в периферии социального представления.

На втором этапе был проведен анализ полученных ассоциаций отдельно для наиболее контрастных по возрасту групп — для молодежи в возрасте от 16 до 23 лет (всего получено 455 ассоциаций, структура представления описывает 79,3% ассоциаций) и для людей старше 55 лет (всего получено 630 ассоциаций, структура представления описывает 74,1% ассоциаций). Особенностью воспоминаний молодых людей о первом полете человека в космос является, с одной стороны, схожий с содержанием воспоминаний старшей группы респондентов паттерн структуры представления: в ядре и близкой периферии присутствуют категории «Гагарин», «Ракета», «СССР», «Поехали!», «12 апреля», «Восток», «Мы первые», «Победа» (см. таблицу 29). Наличие общих компонентов в исторической памяти различных возрастных групп свидетельствует о преемственности в репрезентации важных и даже поворотных моментов в истории страны.

С другой стороны, коллективные воспоминания молодежи имеют отличия от воспоминаний всех групп респондентов, в особенности они отличаются от воспоминаний людей старшего возраста о первом полете человека в космос (см. таблицу 29). В первую очередь обращает на себя внимание отсутствие в структуре представления эмоциональных категорий — нет упоминаний радости, «Гордость» присутствует лишь во второй периферии, наиболее подверженной изменениям с течением времени. Наиболее эмоциональной является категория «Мы первые», в которую включены ответы ре-

Таблица 29

Структура социального представления о первом полете человека в космос: возрастная группа 1994–2000 г. р.

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<3,2	≥3,2
≥8	Ядро	Периферия близкая к ядру
	Гагарин (78; 1,44)	12 апреля (День космонавтики, 1961) (26; 3,42)
	Ракета (43; 2,86)	Космос (14; 3,21)
	СССР (23; 2,91)	Восток (11; 3,27)
	Звезды (13; 2,92)	Наука (исследование, советская наука, знание) (11; 3,73)
	Поехали! (13; 3,15)	Белка и Стрелка (11; 3,45)
	Планеты (Марс, Юпитер, Сатурн, планеты) (10; 2,82)	Мы первые (Первые!; Первенство; Мы в космосе!) (11; 3,82)
	Космонавт (9; 3,11)	Луна (10; 3,90)
	Открытие (8; 1,88)	Победа (прорыв, успех, достижение) (8; 3,25)
		Россия (8; 3,38)
<8	Первая периферия	Собственно периферия
	Величие (великое событие, великая страна) (5; 3,00)	Галактика (7; 3,71)
	Терешкова (4; 2,50)	Скафандр (6; 3,67)
		Байконур (6; 3,33)
		Земля (5; 4,60)
		Неизведанное (5; 3,60)
		Небо (4; 3,50)
		Гордость (4; 3,25)
		Союз (4; 3,75)
		Холодная война (гонка, США) (4; 3,25)

спондентов с восклицательными знаками («*Первые!*») и апеллирующие к групповой идентичности («*Мы в космосе!*», «*Мы первые*»). В целом ассоциации носят более обобщенный, неконкретный характер: в ядре мы видим категории «*Звезды*», «*Планеты*» («*Марс*», «*Юпитер*», «*Сатурн*», «*Планеты*»), «*Космонавт*», в периферии — «*Луна*», «*Космос*», «*Галактика*». Первый полет человека в космос начинает ассоциироваться не столько с конкретными деталями и подробностями, сколько с космической отраслью и космосом в целом.

В то же время ассоциации представителей старшего поколения (таблица 30) содержат имя одного из главных конструкторов («*Королев*» в ядре представления) и исторические факты о самом полете в космос («*Восток*» — в ядре, «*Орбита*», «*Виток*», «*108 минут*», «*Один оборот вокруг Земли*» — в периферии). Такие ассоциации насыщают воспоминания деталями и подробностями, связанными с исследуемым событием. Также стоит отметить категории, относящиеся непосредственно к личности Юрия Гагарина: в периферии представления мы видим ассоциации «*Герой*» и «*Смелость*» («*Мужество*», «*Отвага*»), которые окрашивают образ первого космонавта.

Основной особенностью коллективных воспоминаний людей старшей возрастной группы можно считать высокую степень эмоциональности, которая проявляется в таких категориях, как «*Радость*» («*Ликование*», «*Счастье*», «*Восхищение*», «*Восторг*», «*Ура!*», «*Нет слов!*», «*Это что-то!*») и «*Гордость*» («*Гордость за страну*», «*Слава стране!*»). Ассоциации, объединенные в категорию «*Наука*», тоже оказываются более эмоционально заряженными (например, включают в себя такие ассоциации, как «*Слава ученым*», «*Прогресс в науке*», «*Гордость за науку*»), нежели категории, относящиеся к науке в группе молодежи. То же можно сказать и о категории «*Холодная война*», которая получена объединением крайне эмоциональных высказываний («*Гуд бай, Америка!*», «*Обогнали, США*», «*Мы все-таки показали им!*»). И наконец, необходимо отметить внимание представителей старшей возрастной группы к роли первого полета в космос в общечеловеческом развитии: это событие видится как большое достижение всего человечества, демонстрирующее возможности и таланты человека. Об этом свидетельствуют такие ассоциации, как «*Достижение человечества*», «*Человеку все подвластно*», «*У человека огромные возможности*», «*Как человек может такое изобрести*».

Таблица 30

Структура социального представления о первом полете человека в космос (возрастная группа – до 1961 г. р.)

Частота ассоциации	Средний ранг ассоциации	
	<3,1	≥3,1
≥16	Ядро	Периферия близкая к ядру
	Гагарин (80; 1,43)	Гордость (гордость за страну; слава стране!) (36; 3,14)
	Радость (ликование, счастье, восхищение, восторг, ура!) (55; 2,87)	Поехали! (22; 3,41)
	Мы первые (первый, космос наш, мы и здесь первые, первооткрыватель, впервые, русские впереди) (47; 3,06)	Космос (16; 3,13)
	Восток (33; 2,94)	
	СССР (Советский Союз, Россия) (23; 3,04)	
	Ракета (22; 2,73)	
	Королев (20; 2,80)	
	12 апреля (День космонавтики) (17; 2,71)	
	Победа (прорыв, успех, достижение) (16; 2,56)	
<16	Первая периферия	Собственно периферия
	Прогресс (6; 1,67)	Байконур (12; 4,17)
		Наука (слава ученым, прорыв в науке, прогресс в науке, гордость за науку, проверка ракетостроения, новые материалы) (12; 3,17)
		Холодная война (Гуд бай, Америка!; обогнали США; Мы все-таки показали им!) (9; 3,78)
		Орбита (виток, 108 минут) (8; 4,00)
		Герой (7; 3,29)
		Земля (7; 4,43)
		Смелость (мужество, отвага) (7; 3,57)
		Космонавт (6; 3,17)
	Достижение человечества (человеку все подвластно, у человека огромные возможности, как человек может такое изобрести) (6; 4,17)	

Вероятно, традиция всенародной гордости за первенство в космическом пространстве, заложенная в советские времена, по-прежнему сильна и у поколения очевидцев этого события, и у их детей и внуков. Коллективные воспоминания в данном случае выполняют интегрирующую функцию, связывая различные возрастные когорты и играя роль поддержки позитивного образа всей нации.

Наше исследование показало, что коллективные воспоминания о первом полете человека в космос, безусловно, выполняют функцию конструирования национальной идентичности и объединяют представителей различных возрастных групп. И молодые респонденты, и респонденты предпенсионного и пенсионного возраста продуцируют ряд идентичных ассоциаций. Так, общим для всех возрастных групп является воспоминание о личности первого космонавта Юрия Гагарина, упоминание Советского союза, Дня космонавтики, обозначение первенства нашей страны в освоении космоса и восприятие этого события как прорыва и прогресса. Респонденты, родившиеся до 1961 г., на момент исследования являющиеся пенсионерами, либо людьми предпенсионного возраста, лично были свидетелями полета Юрия Гагарина в космос, имели возможность испытать коллективные чувства непосредственно в момент празднований большой победы и зачастую могут рассказать про 12 апреля 1961 года как про факт личной биографии, вспомнить семейные истории о том, что происходило в этот день и какова была реакция окружающих.

Контрастная группа молодежи в возрасте 16–23 лет была выбрана нами для сравнения как группа людей, рожденных и воспитанных после распада СССР уже в новой России (не случайно в их ассоциациях появляется категория «Россия», а не «СССР»). Показано, что, несмотря на наличие общих ядерных категорий, воспоминания представителей разных поколений существенно различаются. Так, люди старшего возраста вспоминают о первом полете человека в космос намного эмоциональнее, нежели молодые, воспоминания которых носят более обобщенный и абстрактный характер: с первым полетом человека в космос у молодых людей ассоциируются не столько конкретные факты и особенности самого полета, сколько космическая отрасль и космос в целом.

Можно предположить, что первый полет человека в космос является для молодежи не выдающимся, а одним из многих событий в ходе покорения космоса, и поэтому теряет свой эмоциональный

заряд. Молодежь не испытывает ни радости, ни гордости в связи с данным историческим событием, однако помнит о первенстве нашей страны в космической гонке. Примечательно, что в представлениях молодых людей о первом полете остается нераскрытой тема общечеловеческого прорыва и общемирового достижения, однако уделяется больше внимания развитию науки и технологий. Полученные результаты позволяют предположить, что коллективные воспоминания о первом полете в космос выполняют интегрирующую функцию для всех социальных групп, служат основой для построения позитивной социальной идентичности.

Для уточнения и детализации результатов, полученных через метод ассоциаций, были собраны данные с помощью авторского блока методик по той же тематике. Выборка включала 412 респондентов. 44,7% выборки составили мужчины (средний возраст – 42,7 лет, минимум – 16 лет, максимум – 80 лет), женщины составили 55,3% выборки (средний возраст – 36,4 лет, минимум – 16 лет, максимум – 78 лет). Респонденты были поделены на четыре возрастные когорты: рожденные до 1961 г. (всего 126 респондентов, 30,6% от всей выборки), 1961–1980 г. р. (95 респондентов, 23,1%), 1981–1993 г. р. (100 респондентов, 24,3%) и 1994–2000 г. р. (91 респондент, 22,1% выборки). Высшее и незаконченное высшее образование имеют в общей сложности 63,1% респондентов, 25,5% – среднее специальное, 10% – среднее, 1,5% – отказались от ответа на данный вопрос. В выборке представлены жители всех федеральных округов РФ.

Респонденты заполняли блок методик, состоявший из пяти заданий. Среди них были предложены: 5-балльные шкалы для оценки утверждений, связанных с космической отраслью, психологический рисунок на тему «Первый полет человека в космос», методика на выявление уровня патернализма, социально-демографические сведения о респонденте. Шкалы опросника представляли собой утверждения о первом полете человека в космос и о различных аспектах освоения космоса. Всего респондентам было предложено оценить 33 утверждения. Утверждения были составлены по итогам предварительного интервью. Ответы респондентов были обработаны по методике Ж.-К. Абрика (Abric, 2001), с вычислением коэффициента позитивных ответов – *TCP (Taux categorique positif)*. Вычисление коэффициентов позитивных ответов позволило выявить те утверждения, которые, по мнению респондентов,

в наибольшей степени отражают их представления о первом полете человека в космос, таким образом, относятся к ядерной части представления. Кроме того, оценки респондентов были подвергнуты статистической процедуре иерархического кластерного анализа. По результатам кластерного анализа выделены пять типов респондентов-носителей разных представлений о полете Гагарина.

Для определения структуры воспоминаний был проведен анализ оценок, данных респондентами различным утверждениям, связанным с полетом Юрия Гагарина и космической отраслью в целом. Обработка результатов по методике вычисления коэффициента позитивных ответов (ТСП) Ж.-К. Абрика позволила выделить ядро, ближайшую периферию и наиболее удаленные, собственно периферические элементы в структуре коллективных воспоминаний. Ядро представлений (полужирный шрифт и заливка в таблице 31) составили утверждения, ТСП которых выше среднего квадратического отклонения от среднего по всей выборке, собственно периферия (курсивный шрифт в таблице) состоит из утверждений, ТСП которых находился ниже среднего квадратического отклонения от среднего показателя по выборке. Остальные утверждения составили ближайшую периферию в структуре воспоминаний (обычный шрифт в таблице). Собственно периферию (курсивный шрифт) отражают ближайшую периферию.

Ядро представлений составили утверждения, ТСП которых выше среднего квадратического отклонения от среднего по всей выборке (например, «Первый полет человека в космос позволил гордиться всей стране», «Юрий Гагарин – символ первенства нашей страны в освоении космоса» и др.). Собственно периферия состоит из утверждений, ТСП которых находился ниже среднего квадратического отклонения от среднего показателя по выборке («Я считаю, что лучше участвовать в международных космических проектах, чем в собственных, так как это позволяет уменьшить траты на космические проекты»; «Деньги, которые тратятся на космическую отрасль, лучше потратить на социальные нужды (пенсии, зарплаты бюджетников, больницы и т. д.)»). Остальные утверждения составили ближайшую периферию в структуре воспоминаний.

Примечательно, что в ядре представлений о первом полете человека в космос оказались исключительно позитивные утверждения, связанные с радостью, гордостью за первенство нашей страны, о расширении возможностей человечества и научном прогрессе.

Таблица 31

Структура коллективных воспоминаний о первом полете человека в космос по коэффициенту позитивных ответов — результаты по всей выборке

Шкалы	ТСР
1) Время совершения первого полета в космос было очень счастливым для нашей страны	78,1
2) Юрий Гагарин — настоящий герой	91,0
3) Космическая отрасль позволила нашей стране заявить о себе на международной арене	90,8
4) Первый полет человека в космос показал огромные возможности человека	93,9
5) Я горжусь тем, что именно наш человек первым полетел в космос	93,9
6) Развитая космическая промышленность — показатель силы и мощи нашей страны	84,2
7) Наша страна должна выделять достаточные средства на развитие космической отрасли	70,8
8) Гагарин — символ славных времен	77,6
9) Первый полет человека в космос позволил продвинуть науку и технику	91,5
10) В первую очередь, заслуга первого полета в космос принадлежит инженерам, конструкторам и ученым, его обеспечившим	87,3
11) Космонавтика может помочь нашей стране сделать шаг в развитии, откроет новые возможности для научных экспериментов	84,7
12) Юрий Гагарин — символ первенства нашей страны в освоении космоса	93,9
13) Развитие космоса — общая задача для всего человечества, независимо от политических границ	86,1
<i>14) В настоящий момент в нашей стране траты на космическую отрасль неуместны — в текущей экономической ситуации Россия не должна вкладываться в развитие космоса</i>	<i>15,3</i>
15) 60-е годы XX века связаны для меня с великими достижениями нашей страны	73,5

Продолжение таблицы 31

16) На месте Юрия Гагарина мог оказаться любой другой летчик	61,1
17) В первую очередь освоение космоса важно для оборонного потенциала нашей страны	67,9
18) Первый полет человека в космос – это подвиг целого народа	86,9
19) Юрий Гагарин – символ всего лучшего, что есть в человеке	62,3
20) <i>Отдавая огромные средства на космическую отрасль политики решают лишь свои задачи и преследуют свои интересы</i>	19,5
21) Юрий Гагарин – пример храбрости и отваги	90,8
22) <i>Освоение космоса стало менее интересным с тех пор, как исследования стали общими для разных стран</i>	17,5
23) Время, в которое жил Гагарин, представляется мне славным и радостным периодом в истории нашей страны	60,6
24) <i>Деньги, которые тратятся на космическую отрасль, лучше потратить на социальные нужды (пенсии, зарплату бюджетников, больницы и т. д.)</i>	21,7
25) <i>Я считаю, что лучше участвовать в международных космических проектах, чем в собственных, так как это позволяет уменьшить траты на космические проекты</i>	38,2
26) Первый полет человека в космос позволил гордиться всей стране	94,6
27) Для советских людей космос значил гораздо больше, чем сейчас для жителей нашей страны	80,3
28) Полет Гагарина в космос – символ свободы и величия человека	81,3
29) Наша страна не должна отдавать первенство в космической отрасли	73,2
30) <i>Образ Юрия Гагарина – лишь созданный советской пропагандой культ</i>	9,7
31) Юрий Гагарин – советский человек	95,1
32) Первый полет человека в космос вызывает у меня восторг и восхищение	87,8
33) Идея освоения космоса возвышает и облагораживает человека	73,2

В то же время наименее популярными стали утверждения, отражающие недовольство большими затратами на полеты в космос, международным сотрудничеством в космической отрасли.

В задачи исследования входило также выявление эмпирических типов коллективных воспоминаний о первом полете человека в космос. По результатам кластерного анализа выделены пять типов респондентов-носителей разных представлений о космической отрасли, ее значении для общества и личности первого космонавта – Юрия Гагарина (рисунок 16).

Стоит отметить высокую гомогенность в представлениях респондентов, отразившуюся в их неравномерном распределении по типам. Так, 43,3% респондентов представляют тип, названный нами «Позитивный», 37% – тип «Патриот». Оставшиеся три типа немногочисленные, но тем не менее отражают иные позиции, потому также приняты нами к рассмотрению – «Рационалист» (17,3%), «Критик» (1,5%), «Ностальгирующий» (1%). Рассмотрим подробнее структуру ядра и периферии представлений памяти о первом полете человека в космос у представителей различных типов.

Тип 1. «Патриот»

Первый тип достаточно распространен во всех четырех рассмотренных возрастных группах (37% выборки). Больше всего представителей этого типа среди самых старших респондентов – в группе

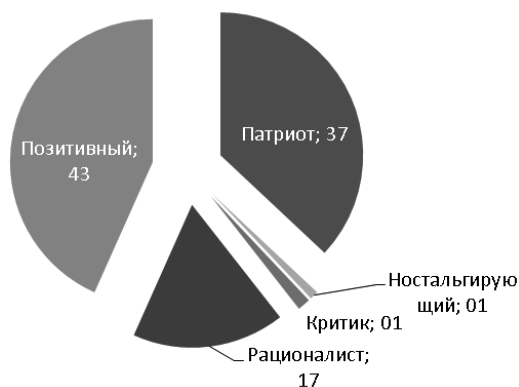

Рис. 16. Распределение респондентов по типам (в процентах от общего количества)

старше 55 лет (45,1%), 36–55 лет (43,6%). В равной степени данный тип встречается в младших группах – в группе 23–35 лет он составил 32%, в группе 16–22 года – 30,2% (рисунок 17).

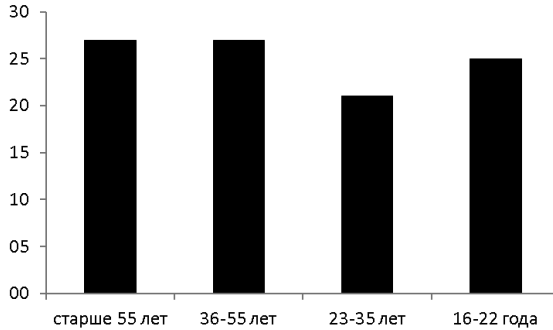

Рис. 17. Распределение респондентов типа «Патриот» по возрастным группам (в процентах от общего количества)

Для этого типа характерно позитивное отношение к первому полету в космос и ко всему, что с ним связано. Наиболее высокие оценки эти респонденты дали утверждениям «Первый полет человека в космос вызывает у меня восторг и восхищение» (ТСР=100), «Я горжусь тем, что именно наш человек первым полетел в космос» (ТСР=100); «Первый полет человека в космос позволил гордиться всей стране» (ТСР=98,6); «Я горжусь тем, что именно наш человек первым полетел в космос» (ТСР=97). Образ первого космонавта у представителей этого типа также безупречно светел, позитивен, радостен, неразрывно связан с образом советского человека: «Юрий Гагарин – символ первенства нашей страны в освоении космоса» (ТСР=100); «Юрий Гагарин – советский человек» (ТСР=100); «Юрий Гагарин – пример храбрости и отваги» (ТСР=97).

Меньше всего респонденты этого типа согласны с утверждениями, связанными с осуждением денежных трат на космическую отрасль, ставящими под сомнение героизм первого космонавта, а также утверждающими факт «расширения» политических границ в освоении космоса: «Освоение космоса – общая задача для всего человечества независимо от политических границ» (ТСР=6,6); «Образ Юрия Гагарина – лишь созданный советской пропагандой культ» (ТСР=13,3); «В настоящий момент в нашей стране тра-

ты на космическую отрасль неуместны / В текущей экономической ситуации Россия не должна вкладываться в развитие космоса» (ТСР=28,6).

Тип 2. «Ностальгирующий»

Тип «Ностальгирующий» представлен только респондентами двух старших возрастных групп – старше 55 лет (75%) и 36–55 лет (25%). Представители этого типа составили лишь 1% от общей выборки исследования.

Респондентам этого типа свойственно вспоминать о первом полете человека в космос в позитивном ключе, но достаточно сдержанно (рисунок 18). Они ассоциируют освоение космоса прежде всего с общими впечатлениями о жизни в советскую эпоху, с привычным для них жизненным укладом, общественными настроениями и порядками того времени. Самыми высоко оцениваемыми утверждениями для них являются: «Гагарин – символ славных времен» (ТСР=75); «Время, когда жил Гагарин, представляется мне славным и радостным периодом в истории нашей страны» (ТСР=75). Интересно, что роль Юрия Гагарина для представителей этого типа не столь приоритетна, как у «патриотов», «ностальгирующие» респонденты предлагают признать заслугу общества в освоении космоса: «В первую очередь, заслуга первого полета в космос принадлежит инженерам, конструкторам и ученым, его обеспечившим» (ТСР=75); «Я горжусь тем, что именно наш человек первым

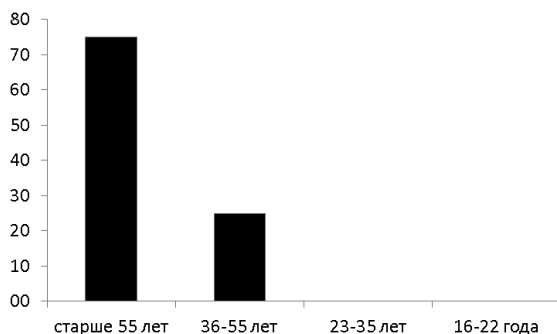

Рис. 18. Распределение респондентов типа «Ностальгирующий» по возрастным группам (в процентах от общего количества)

полетел в космос» (ТСР=50). Также представители этой группы задумываются об уместности трат на космическую отрасль в настоящее время: «Деньги, которые тратятся на космическую отрасль, лучше потратить на социальные нужды (пенсии, зарплаты бюджетников, больницы и т.д.)» (ТСР=50).

Интересно, что достаточно много высказываний вообще не нашли согласия у респондентов этого типа. Так, ни один из них не поставил высоких оценок высказываниям, связанным с подвигом Юрия Гагарина и вообще с фактом освоения космоса: «Юрий Гагарин – настоящий герой» (ТСР=0); «Развитая космическая промышленность – показатель силы и мощи нашей страны» (ТСР=0); «Полет Гагарина в космос – символ свободы и величия человека» (ТСР=0); «Первый полет человека в космос вызывает у меня восторг и восхищение» (ТСР=0).

Тип 3. «Критик»

Тип «Критик» также немногочисленный и представлен только респондентами двух старших возрастных групп в равной степени – старше 55 лет (50%) и 36–55 лет (50%). Всего таких респондентов в выборке оказалось 1,5%.

Респонденты этого типа (рисунок 19) прежде всего отличаются критическим отношением к образу Юрия Гагарина, считают его достижения несколько переоцененными: «На месте Юрия Гагарина мог оказаться любой другой летчик» (ТСР=100); «В первую

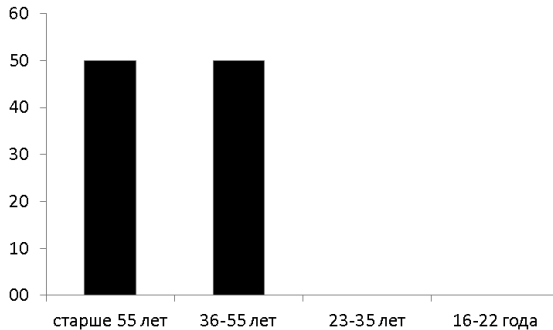

Рис. 19. Распределение респондентов типа «Критик» по возрастным группам (в процентах от общего количества)

очередь, заслуга первого полета в космос принадлежит инженерам, конструкторам и ученым, его обеспечившим» (ТСР=100). Никто из респондентов этого типа не согласился с тем, что «Юрий Гагарин – символ всего лучшего, что есть в человеке» (ТСР=0); «Юрий Гагарин – пример храбрости и отваги». При этом респонденты этого типа гордятся фактом освоения космоса и признают значимость первого полета: «Космическая отрасль позволила нашей стране заявить о себе на международной арене» (ТСР=83,3). Они также подчеркивают незаслуженное снижение интереса к космической отрасли в обществе: «Для советских людей космос значил гораздо больше, чем сейчас для жителей нашей страны» (ТСР=83,3).

Тип 4. «Рационалист»

Этот тип достаточно распространен во всех возрастных группах (17,3% выборки) с преобладанием старших респондентов: 38% представителей типа относятся к группе старше 55 лет, 26,7% – к группе 36–55 лет, 17% из группы 23–35 лет и 18% из группы 16–22 года.

Представители этого типа респондентов (рисунок 20) вспоминают и рассуждают об освоении космоса, прежде всего, в контексте научной, технической и политической значимости этого события: «Первый полет человека в космос показал огромные возможности человека» (ТСР=95,8); «Первый полет человека в космос позволил продвинуть науку и технику» (ТСР=93); «Космонавтика может помочь нашей стране сделать шаг в развитии, откроет новые

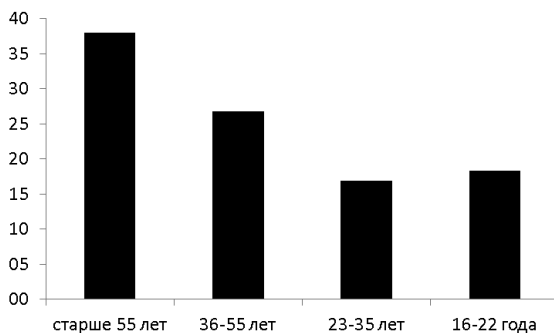

Рис. 20. Распределение респондентов типа «Рационалист» по возрастным группам (в процентах от общего количества)

возможности для научных экспериментов» (ТСР=90); «Развитие космоса – общая задача для всего человечества, независимо от политических границ» (ТСР=94,4). Не поддерживают эти респонденты суждения, связанные с ограничением вложений в космическую отрасль. Наименьшее согласие респондентов вызвали высказывания: «В настоящий момент в нашей стране траты на космическую отрасль неуместны, в текущей экономической ситуации Россия не должна вкладываться в развитие космоса» (ТСР=11); «Освоение космоса стало менее интересным с тех пор, как исследования стали общими для разных стран» (ТСР=5,6).

Тип 5. «Позитивный»

Данный тип – самый распространенный в рассмотренной выборке (43,3%), причем в большей степени его составляют респонденты молодых групп: 59% из группы 16–22 года, 56% из группы 23–35 лет, 31,9% представителей типа относятся к группе 36–55 лет, 18,7% – к группе старше 55 лет.

Респонденты данного типа (рисунок 21) в целом давали гораздо больше позитивных оценок, чем остальные, их оценки полны эмоций, а общая тенденция заключалась в оптимистичном взгляде на освоение космоса, в гордости за полет первого человека: «Первый полет человека в космос вызывает у меня восторг и восхищение» (ТСР=97,75); «Первый полет человека в космос позволил гордиться всей стране» (ТСР=100); «Юрий Гагарин – настоящий

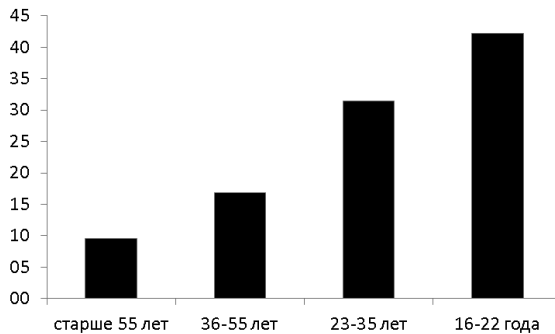

Рис. 21. Распределение респондентов типа «Позитивный» по возрастным группам (в процентах от общего количества)

герой» (ТСР=99,5); «Я горжусь тем, что именно наш человек первым полетел в космос» (ТСР=99,4); «Космонавтика может помочь нашей стране сделать шаг в развитии, откроет новые возможности для научных экспериментов» (ТСР=98,9). В отличие от типа «Патриот» эти респонденты готовы к международному сотрудничеству на космической арене: «Развитие космоса – общая задача для всего человечества независимо от политических границ» (ТСР=94,5). Меньше всего согласия эти респонденты высказали по отношению к суждениям, связанным с критической оценкой освоения космоса и фигурой Юрия Гагарина: «Образ Юрия Гагарина – лишь созданный советской пропагандой культ» (ТСР=2,2); «В настоящий момент в нашей стране траты на космическую отрасль неуместны / В текущей экономической ситуации Россия не должна вкладываться в развитие космоса» (ТСР=1,7); «Отдавая огромные средства на космическую отрасль, политики решают лишь свои задачи и преследуют свои интересы» (ТСР=3,4); «Деньги, которые тратятся на космическую отрасль, лучше потратить на социальные нужды (пенсии, зарплаты бюджетников, больницы и т. д.)» (ТСР=2,8).

Для изучения имплицитных (глубинных) тенденций в репрезентации темы освоения космоса человеком нами был использован психологический рисунок «Первый космонавт нашей страны». Мы осветим наиболее явные тенденции, выявленные в результате этого исследования. Около 40% всех изображений содержат плечевой портрет улыбающегося первого космонавта (напр., рисунок 22), повторяя сюжет известной и широко тиражируемой фотографии Гагарина. С учетом того, что даже в наши дни мы можем видеть эту фотографию повсеместно (вплоть до вагонов тематического поезда метро), подобное единомыслие весьма закономерно.

Большинство рисунков имеют позитивный эмоциональный контекст. На них представлен улыбающийся космонавт, символы мира, праздника, вспышки салютов (рисунки 22–23). Особенно таких рисунков много у респондентов пятого типа.

В то же время в части рисунков отразился критический настрой респондентов, свойственный третьему типу («Критик»). Они отмечают не только героизм, но и сложности, ограничения и высокую степень зависимости первого полета от политического контекста. Образ «марионетки» в руках сильных мира сего достаточно ярко отражает это мнение респондентов (рисунок 24).

Рис. 22. Первый космонавт нашей страны. Мужчина, 17 лет, Тип 4

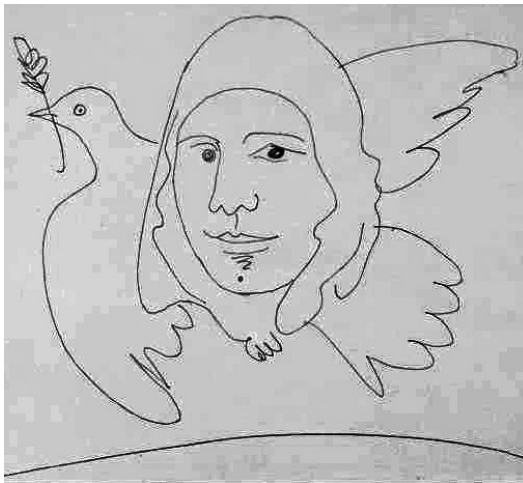

Рис. 23. Первый космонавт нашей страны. Мужчина, 50 лет, Тип 5

Результаты исследования показали высокую гомогенность представлений коллективной памяти. Ядерные элементы сосредоточены в структуре представлений памяти у респондентов, составляющих большую часть выборки. Анализ результатов обнаружил, что ядерные элементы имеют исключительно позитивную эмоциональную окраску и по смыслу отражают восхищенное отно-

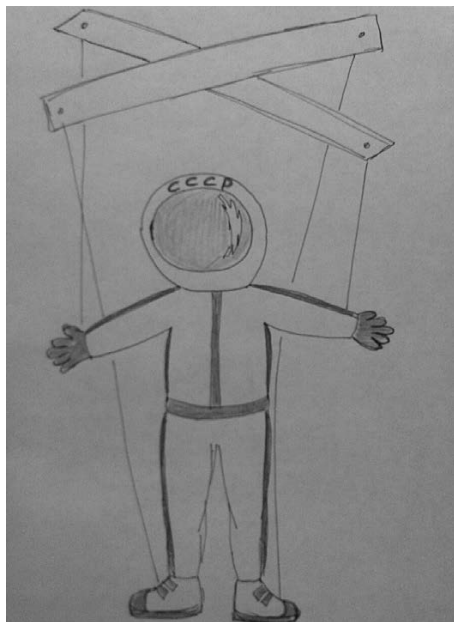

Рис. 24. Первый космонавт нашей страны. Мужчина, 24 года, Тип 3

шение к подвигу Гагарина, гордость за СССР, за советских ученых и инженеров. Вероятно, это результат того, что все поколения отдают должное колоссальным усилиям страны, мобилизовавшей ресурсы для продвижения в космических технологиях и людям, обеспечившим первый полет человека в космос. Примечательно, что именно молодежные группы практически единодушно выражают радость и гордость приоритетом нашей страны в первых шагах освоения космоса. По-видимому, их радует также и то, что основы современного мирового технического прогресса закладывались в СССР.

В «Позитивном» типе (самом многочисленном) преобладает молодежь с общими восторженными отношением к самому событию и подвигу Гагарина. Остальные типы преимущественно составляют старшие группы. Их позиции отличаются смысловыми акцентами: у «патриотов» и «ностальгирующих» — на достижениях страны в целом, у «рационалистов» — на научно-технических достижениях. Из общего позитивного настроения выделяется тип

«Критиков», объединивший всего 1,5% респондентов. Это представители старшей и средней возрастных когорт. Они придают первостепенное значение политическим и военным интересам в освоении космоса и нивелируют роль Гагарина как героя этого события. Однако и эти респонденты не отрицают того, что, именно космическая отрасль позволила нашей стране заявить о себе на международной арене.

Полученные результаты позволяют предположить, что, несмотря на разнообразие и противоречивость взглядов и позиций (в том числе представленных в современных СМИ), коллективные воспоминания о первом полете в космос выполняют интегрирующую функцию для всех социальных групп, служат основой для построения позитивной социальной идентичности. Практически все типы респондентов однозначно одобрительно оценивают усилия нашей страны по завоеванию космического пространства, абсолютное большинство респондентов признают героизм Юрия Гагарина. Лишь минимальное число респондентов разделяют суждения о высокой дороговизне проектов, связанных с освоением космоса. Вероятно, традиция всенародной гордости за первенство в космическом пространстве, заложенная в советские времена, по-прежнему сильна как у поколения очевидцев этого события, так и у их детей и внуков. Коллективные воспоминания в данном случае выполняют интегрирующую функцию, связывая различные возрастные когорты и играя роль поддержки позитивного образа всей нации.

Результаты исследования коллективной памяти о значимых событиях отечественной истории позволяют сделать выводы о механизмах важнейших процессов коллективной памяти – сохранения, закрепления, забывания и искажения следов событий. Данные исследований показывают, что центральным и наиболее стойким предметом представлений о прошлом России является Великая Отечественная война, именно воспоминания о ней сохраняются в первую очередь всеми категориями респондентов, через призму этого события вспоминают и оценивают политических деятелей. Результаты контент-анализа показали, что более половины респондентов хотели бы, чтобы их дети помнили о Великой Отечественной войне (53% от общей выборки). Это событие остается центральным в конструировании коллективной памяти для будущих поколений во всех возрастных когортах. Также респонденты отме-

чали, что хотели бы, чтобы их дети помнили всю историю, причем правдивую и настоящую. На третьем месте оказалась «революция 1917 года», за ней — «полет человека в космос». Как можно видеть, эти события разноплановые как в содержательном отношении, так и по модальности испытываемых к ним коллективных чувств. Если победа в войне и первый полет человека в космос подавляющим большинством воспринимаются как славные, вызывающие гордость события, то революция оценивается не так единодушно.

Для изучения процесса сохранения воспоминаний через сопротивление забвению респонденты указали на попытки переосмотра советского прошлого, причем именно преимуществ советского строя: социальной стабильности, мощи страны. Кроме того, студенты указывали на сокрытие информации об ошибках и неудачах политической власти без конкретизации времени и персоналий. Группы работающих взрослых и пенсионеров указывали на попытки удалить из воспоминаний общества память о достижениях и величии страны, ее былом могуществе в мире. Таким образом, несколько противоречивой видится логика сохранения воспоминаний. С одной стороны, респонденты часто отмечают, что помнить нужно всю историю. С другой — наблюдается явная избирательность воспоминаний, причем специфичная для каждой из рассматриваемых групп.

При сопоставлении наших результатов с данными других авторов (Liu et al., 2005) намечается общая логика выстраивания приоритетов в коллективной памяти, а именно преобладание воспоминаний о войнах. По данным международного исследования британских авторов, «Вторая Мировая была самым часто называемым событием в 22 из 24 стран, а Первая мировая — вторым чаще всего называемым событием в 19 странах. Второй по частотности категорией событий была политика, и она часто включала события, связанные с коллективным насилием или его угрозой (например, Французская революция и Холодная война)» (Liu, Sibley, 2015, p. 276). Наши исследования подтверждают эту закономерность — в коллективной памяти об отечественной истории одно из ведущих мест занимают такие глобальные политические события, как революция 1917 года и перестройка.

ГЛАВА 5

Великая Отечественная война — важнейшее событие в коллективной памяти россиян

5.1. Память о войне: источники и носители коллективных воспоминаний

Победа СССР в Великой Отечественной войне имеет непреходящее значение для всех групп и слоев населения. Она представляет собой одно из тех уникальных событий, которые оказывают интегрирующее воздействие на массовое сознание. Всенародный подъем, связанный с празднованием Дня Победы — это и достойная возможность укрепления позитивной идентичности представителей разных групп общества, и фактор, субъективно и объективно благоприятствующий поддержанию Россией статуса могущественной державы в международных отношениях. Официальные мероприятия, организованные в связи с празднованием юбилеев Победы, думается, способствовали этому. Потребность в переживании героического прошлого стала особенно актуальной в последние 20 лет, когда нашей страной был утрачен былой статус военной сверхдержавы. Слава русского оружия, исторические победы разных времен продолжают поддерживать ослабевшее чувство национальной идентичности россиян. Исследования различных видов социальной идентичности граждан России (Иванова, 2004, с. 74) свидетельствуют о слабой тенденции к росту уровня национальной идентичности в последние годы.

Между тем, дискурс, развернутый в обществе, прежде всего, в СМИ, проблематизирует определенные аспекты истории войны, что, в свою очередь, вызывает необходимость освоения обыденным сознанием неоднозначно трактуемых вопросов. Обсуждение истории войны происходит с радикально противоположных

позиций, составляющих оппозиции, где на одном полюсе – традиционная «советская» трактовка событий и фактов, а на другом – модернизированная, вплоть до ревизии средств и итогов победы, точка зрения. Полемика достигает значительной остроты и содержит обвинения оппонентов-ревизионистов в «фальсификации и дегероизации» войны: «С началом перестройки и рыночных преобразований дегероизаторы, поправ все нравственные нормы и принципы, усилили атаки на ратный и трудовой героизм военных лет» (Афанасьева, 2005, с. 18). С противоположной стороны можно услышать суждения, характерные для антисоветской пропаганды времен Холодной войны, занижающие вклад СССР в победу над фашизмом и явно преувеличивающие бытовой антикоммунизм населения СССР на момент начала ВОВ. Забегая вперед, отметим, что именно такая позиция, согласно результатам нашего исследования коллективных воспоминаний о войне, отмечается в выборке французских респондентов русского происхождения, современников войны (Емельянова, 2002).

Между этими двумя полюсами можно наблюдать веер разнообразных суждений, в которых обывателю приходится разбираться для того, чтобы сконструировать собственную интерпретацию событий. Открытость информации и заостренность идейных позиций дают возможность свободы выбора. Если делить историю на «оральную» и «институционализированную», то, думается, мы еще не имеем четко выраженного перевеса в сторону последней. Прежде всего, потому, что живы носители «устной» памяти, их непосредственные потомки продолжают участвовать в межличностном дискурсе, а «живые» воспоминания еще циркулируют в обществе. Другими словами, есть условия для конструирования представлений памяти: активный дискурс на темы войны, ситуация проблематизации событий, необходимость в овладении новой информацией, в принятии какой-либо точки зрения.

Памяти россиян о Великой Отечественной войне посвящен ряд социологических работ. В них исследователи традиционно выявляют мнения респондентов о разных аспектах военной истории (напр.: Афанасьева, Меркушин, 2005; Балабанов, Саралиева, 2011; Вишневецкий, Ружи, 2011; Чернова, 2011). Примечательно, что во всех работах обнаруживаются различия во мнениях респондентов преимущественно в соответствии с их принадлежностью к возрастным когортам, иногда по признаку пола. Поколенческий анализ мнений

произведен, в частности, в работе С. С. Балабанова и З. Х. Саралиевой. Авторы не исключают, что историческое сознание поколений может значительно различаться, что «история страны не одна для всех, а своя у каждого поколения» (Балабанов, Саралиева, 2011, с. 43). Все респонденты были поделены на три когорты — старшую, среднюю и младшую. Самый распространенный источник знаний о войне, по данным авторов, для всех поколений — художественные фильмы (88%); далее идут информационные программы ТВ, а у учащейся молодежи — уроки истории отечества (82%). Среднее и старшее поколения обнаружили явное превосходство над своими детьми и внуками в знании основных персонажей военного периода отечественной истории. Интерес к военной истории у девушек выражен меньше. Такая же тенденция отмечается и в других работах (Вишневский, Ружи, 2011). В исследовании О. В. Черновой (2011) выявилось, что круг литературных источников о войне, перечисленных представителями старших поколений, почти в 5 раз шире, чем у младших поколений.

Динамика содержания коллективной памяти отдельной социальной группы — студенчества — рассматривалась в работе Ю. Р. Вишневого и В. А. Ружи (2011). По данным авторов, интерес к Великой Отечественной войне в студенческой среде сохраняется, более того, он за последние пять лет даже вырос. Несколько усилилось за эти годы мнение, что память о Великой Отечественной войне сохраняется и будет примером для новых поколений. Между тем современной студенческой молодежи присуще мнение (одному из каждых 9–10 респондентов) о том, что героизм участников войны — на фронте и в тылу — неприемлем для современной молодежи (там же, с. 94).

В работе Л. И. Афанасьевой и В. И. Меркушина (выборка — шесть возрастных групп, всего 1601 чел.) ставился вопрос о факторах победы. Патриотизм и героизм выходят на первые позиции рейтинга факторов (более 60%) во всех возрастных группах (Афанасьева, Меркушин, 2005). При этом мнения о факторах победы разделились. Минимально значение фактора «Система обороны, созданная Сталиным» в младших группах, а в старших — «Открытие союзниками Второго фронта и их материальная помощь». Разнородность мнений дает повод задуматься: не существует ли представлений коллективной памяти, характерных не только для демографических групп, но и проявляющихся во всех

возрастных когортах «по горизонтали» и обладающих общими смыслами.

Можно предположить, что существующий кризис идентичности, проявляющийся как в форме «кризиса утраты» былой сверхдержавы, так и в форме «кризиса вхождения» в мировое сообщество, оказывает влияние на конструирование представлений коллективной памяти об исторических событиях коллективными субъектами. Нас интересовало два момента: с одной стороны, каковы отличия между представлениями о событиях Великой Отечественной войны у старшего поколения российских эмигрантов, живших во время войны во Франции и ныне живущих в условиях относительной социальной стабильности, и у российских ветеранов, переживающих кризис идентичности. С другой стороны, нам важно было установить, существуют ли различия в конструировании представлений о войне у поколений россиян. Такие различия косвенно свидетельствовали бы о динамических явлениях в обыденном сознании граждан. Кроме того, обнаружение позиций, являющихся общими для разных поколений, позволило бы сделать вывод об устойчивости содержания менталитета на социальном уровне.

В своем исследовании представлений памяти о начальном периоде войны (см. также: Емельянова, 2002; Emelyanova, 1996, 2001) мы исходили из предположения о том, что коллективная память существует в форме представлений об исторических событиях. Именно представления обладают способностью к реконструированию социальной информации, предоставляют логичные в контексте групповой жизни объяснения исторических событий, поддерживают групповую идентичность, выступают механизмом коллективного коупинга по отношению к конфликтным и травмирующим моментам жизни групп.

Вторая мировая война – событие общечеловеческого масштаба, имеющее огромную важность и для российской истории. Коллективная память о Великой Отечественной войне сформирована мемуарами очевидцев и современников, многочисленными произведениями литературы и искусства, работой масс-медиа, межличностным дискурсом. Начиная со второй половины 1980-х годов в российском обществе разгорелась полемика об общественных и нравственных аспектах этой войны, о роли руководителей страны и армии в тот период. В частности, горячо обсуждаются вопросы о неоправданно больших потерях солдат и младших офицеров

Красной армии, о некомпетентности военного руководства в начальный период войны, приведшей к массовой гибели людей. Особую остроту приняло обсуждение гуманитарных аспектов действий руководства Красной Армии (например, приказа «Ни шагу назад»), отношения к бывшим военнопленным, вернувшимся на родину (как известно, они подвергались репрессиям). Неоднозначными были мнения о значении личности Сталина: одни приписывали ему ключевую роль в победе, другие обвиняли его во всех неудачах и потерях в войне. Кроме того, под видом «деидеологизации» истории войны начали обсуждаться точки зрения, выдвигавшиеся в свое время идеологами фашизма и враждебно настроенными политиками стран-союзниц. Согласно их версии, основными факторами поражения гитлеровской армии на территории СССР были географический фактор (большая территория и суровый климат), а также фактор страха репрессий.

Если в странах Западной Европы и в США подобные суждения бытовали со времен окончания войны и бытуют до сих пор, причем на уровне институционализированной памяти (в школьных учебниках, работах официальных историков, даже в туристических буклетах), и в этом смысле ситуация может считаться стабильной, то в России дело обстоит иначе. Советская, безусловно, героическая трактовка событий войны испытала на себе сильное давление, исходящее из противоположного лагеря. Расшатывание идеологии и угроза позитивному образу нации явились одной из причин кризиса социальной идентичности в разных социальных группах в России.

По мнению ряда историков, война стала возможной из-за бесчеловечности и политической аморальности той эпохи. Первая мировая война, серия кровавых гражданских войн, голод, репрессии, экономический кризисы — все это послужило причиной «психологической атмосферы безнравственности» первых десятилетий XX в., наложило отпечаток и на международную политику, которую историки называют «посредственной и догматичной». Стоявшие у власти государственные лидеры полагали, что насилием можно изменить мир, разделить Европу на сферы влияния.

В исторической литературе среди виновников Второй мировой войны упоминается множество лидеров, титулов и званий. Это и японский император Хирохито, и Муссолини, и Гитлер. Не реже упоминаются Чемберлен, Галифакс, Даладьё, Бонне (чаще в лите-

ратуре антиимпериалистического направления), а также Сталин (антимарксистская литература). Историки считают, что на мировой арене столкнулись три силы: страны, стремившиеся сохранить в неприкосновенности свои сферы влияния, фашизм, стремящийся к завоеваниям, и тоталитаризм, одержимый идеей мировой революции. И, как полагает О. А. Кужба, вряд ли возможно возложить вину на плечи только одной из сторон (Кужба, 2003).

Встает также вопрос, насколько искренними были взаимные заверения в дружбе Гитлера и Сталина в 1939–1940 гг.? Безусловно, речь шла о хитроумной игре, в которой каждый из «партнеров-соперников» пытался переиграть другого, клянясь в своем миролюбии. Для Гитлера, который с первых дней прихода к власти провозгласил главной целью борьбу с коммунизмом, дело столкновения с СССР было уже решенным. 18 декабря 1940 г. он утвердил план «Барбаросса» против Советского Союза, главной задачей которого был разгром Советской России в ходе одной кратковременной кампании с применением стратегии «блицкрига» в Европе. Экономический подраздел плана, связанный с эксплуатацией территории СССР, получил наименование План «Ольденбург». Сталин со своей стороны считал войну с Германией неизбежной. Такое столкновение, по его мнению, должно было произойти при самых благоприятных для СССР обстоятельствах в 1942 г.

Тезис о внезапности нападения Германии опровергается сегодня многочисленными фактами. Они свидетельствуют о том, что высшее руководство СССР неоднократно предупреждалось о возможном нападении Германии, назывались конкретные даты. Но то, что не должно было быть неожиданным для высших эшелонов власти, оказалось действительно внезапным для войск, стоявших на западной границе. И эта оперативная и тактическая внезапность обернулась большими потерями в первые дни и недели войны. Противоречивость в трактовках причин начала войны, вторжения нацистской армии, военных потерь порождает и амбивалентность отношения к информации со стороны граждан страны.

Нами было проведено исследование, посвященное восприятию разными группами населения источников и средств передачи информации о войне в современном обществе, оценке тематической кинопродукции и интернет-ресурсов. Мы ставили задачу изучить, как их содержание отображается в коллективной памяти граждан, как формируется образ войны и победы и какие из источников вно-

сят в него наибольший вклад. В исследовании приняли участие 50 человек в возрасте от 20 лет до 91 года, мужчины и женщины в равной пропорции, представители трех социальных групп – студенты, работающие взрослые, неработающие пенсионеры. С респондентами было проведено полуструктурированное интервью, в процессе которого задавались вопросы относительно способов честования и меморизации событий Великой Отечественной войны и отношения к ним респондентов. По итогам контент-анализа ответов были получены следующие результаты.

Мероприятия, посвященные Великой Отечественной войне

В начале интервью респондентам было предложено рассказать о наиболее запомнившихся им мероприятиях и общественных событиях в ознаменование Победы. Кроме того, респондентам было предложено дать свою оценку этих событий и рассказать о своем в них участии. В таблице 32 указаны наиболее часто упомянутые события, а также их оценка респондентами.

Практически все респонденты трех исследованных групп назвали среди наиболее заметных общественных событий парад Победы, который по праву можно признать наиболее масштабным, регулярным и содержательно ценным для всех категорий респондентов мероприятием. Тем не менее были обнаружены и отличия в оценке различными группами респондентов этого и других общественных событий, посвященных войне.

Для группы *неработающих пенсионеров* парад Победы – это праздник, наполненный переживаниями прошлого, день торжества и радости. Некоторые участники опроса были свидетелями Парада победы 1945 г., потому их отношение к этому празднику особенно эмоционально. Все респонденты дают высокопозитивную оценку ежегодным парадом. Большинство активно и с удовольствием участвовали в них во времена юности и в период трудовой деятельности. Со слов респондентов, эти парады всегда были большим и светлым праздником, создавали чувство единения. Сейчас многие респонденты с удовольствием смотрят парад Победы по телевизору и считают, что это мероприятие подчеркивает силу и мощь нашей страны, а также отдает должное памяти героев.

Кроме того, среди часто упоминаемых группой *неработающих пенсионеров* оказались общественные события послевоен-

Таблица 32

Ответы на вопрос: «Какие общественные события, посвященные Великой Отечественной войне, запомнились вам больше всего?»

Событие	Значение	Группа	Частота упоминания, % от общего числа респондентов
Парад Победы	Мощь, масштабность, гордость за свое вооружение, восторг, общий порыв по всей стране, трогательность, возможность увидеть ветеранов, формализм	Во всех группах	73
События послевоенных лет, восстановление страны	Радость освобождения, бытовые сложности, тяготы послевоенных лет	Пенсионеры	20
Встречи с ветеранами	Большое значение, возможность получить информацию, уважение	Студенты, взрослые	17
Встречи общественных ветеранов	Причастность, гордость, признание	Пенсионеры	13
Организованные митинги и демонстрации	Непонимание цели, формализм	Студенты	10
Раздача георгиевских ленточек	Чувство причастности	Взрослые	10
Праздничные концерты	Торжественность, позитивные эмоции	Пенсионеры	10
Шествие «Бессмертный полк»	Впечатляет искренностью и общей включенностью	Взрослые	5

ного периода (20% ответов). Они не относились к категории озвучивания, но напрямую связывали жизнь участников опроса с событиями войны – это были мероприятия по восстановлению социальной инфраструктуры и экономики, заводов, работа по трудодням. Для этой группы респондентов воспоминания о войне неотделимы от тягот и лишений послевоенного периода. Около 10% респондентов отметили чествования победы, праздничные концерты, транслируемые по центральным телевизионным каналам.

Для неработающих пенсионеров такие концерты стали неотъемлемой составляющей Дня победы, утверждающей праздничный статус этого дня. Также для этой группы в качестве события по ознаменованию победы важны встречи ветеранов войны. Такие встречи позволяют им чувствовать гордость за свое прошлое, а также дают ощущение причастности к группе единомышленников.

Работающие взрослые также часто упоминали парад Победы, около трети респондентов участвовали в парадах и митингах 9 мая вместе с рабочими коллективами, меньшее количество (около 10%) — с семьями. Большая часть респондентов относится к параду Победы положительно, считают его грандиозным, масштабным и трогательным, важным для увековечения памяти героев войны и для передачи последующим поколениям памяти о событиях войны, воспитания уважения к ее событиям и участникам. В то же время около трети респондентов характеризуются амбивалентным отношением к параду Победы, они считают, что расходы на это мероприятие стоило бы направить на улучшение качества жизни ветеранов.

Некоторые респонденты в группе работающих взрослых отметили такие события, как раздача георгиевских ленточек, положительно оцениваемое ими событие, дающее чувство единства и причастности к победе, а также шествие «Бессмертный полк» во многих городах страны. Наши респонденты не участвовали в нем, но отметили это событие как крайне полезное, трогательное, важное для сохранения и передачи памяти о героях войны следующим поколения. Кроме того, отдельные участники упомянули о митингах и шествиях неонацистских организаций, вызывающих резко негативную оценку и возмущение. И в группе студентов, и в группе работающих взрослых респонденты отметили важность встреч с ветеранами войны в ознаменование победы (всего 17% упоминаний). Участники отмечают, что эти встречи вызывают у них сильные эмоции, на них можно получить ценную достоверную и подробную информацию о военных днях от очевидцев, отдать дань уважения героям войны.

Студенты также отмечают значимость и важность парада победы как способа чествования ветеранов Великой Отечественной войны. Кроме того, респонденты этой группы отмечали особую роль этого мероприятия в демонстрации военной мощи и силы нашей страны потенциальным сегодняшним противникам. В то же

время часть респондентов (около 30%) высказали свое неодобрение из-за неискренности, излишнего пафоса этого мероприятия, отсутствия полного осознания смысла происходящего у большинства участников и наблюдателей. Студенты вспоминают, что им часто приходилось участвовать в митингах и шествиях в школьные годы, но тогда они делали это с неохотой, так как проходили они в принудительном порядке и без объяснения сути мероприятия. Подобный формализм со стороны организаторов сформировал скептическое отношение у представителей группы студенчества по отношению к мероприятиям чествования победы.

Художественные фильмы о Великой Отечественной войне

Отдельный блок интервью был посвящен изучению художественных фильмов о Великой Отечественной войне, произведших наибольшее впечатление на участников опроса. У респондентов также уточнялось, чем для них особенно примечателен тот или иной фильм и каков характер его главных героев. В таблице 33 представлены фильмы, названные более чем один раз.

Обращаясь к поиску ключевых характеристик наиболее популярных среди респондентов кинофильмов, мы использовали контент-анализ описаний достоинств и особенностей главных героев, данных участниками опроса. Описывая фильм «В бой идут одни старики», респонденты отмечали, прежде всего, его искренность и позитивный настрой, а у героев – оптимизм, бесстрашие и готовность к самопожертвованию во благо Родины. Для респондентов этот фильм, прежде всего, о победе добра над злом и об умении героев сохранить себя и интерес к жизни в тяжелое военное время. Фильм «А зори здесь тихие...» близок респондентам ввиду сильного эмоционального отклика на судьбу юных героинь фильма, продемонстрировавших поразительную отвагу и мужество. Фильмы «Молодая гвардия» и «Они сражались за родину», наиболее популярные в группе неработающих пенсионеров, отмечены как пример подлинного патриотизма, мужества, негибаемой воли к победе.

Чаще всего респонденты указывали на перевоплощение героев в течение фильма – обычные юноши и девушки в силу экстремальных обстоятельств становятся настоящими воинами, они преодолевают свои страхи и жертвуют всем во имя победы. Фильм «Летят журавли» был упомянут респондентами категории работающих

Таблица 33

Какие кинофильмы о Великой Отечественной войне произвели на вас наибольшее впечатление?

Фильм	Частота упоминаний (% от общего числа респондентов)
В бой идут одни старики	23
А зори здесь тихие...	23
Молодая гвардия	17
Они сражались за родину	17
Летят журавли	15
Мы из будущего	10
Офицеры	10
Освобождение	7
Сталинград	7
Ленинград. Город живых	7
Горячий снег	7
Батальоны просят огня	7
Солдатами не рождаются	7
Штрафбат	7
Баллада о солдате	7

взрослых. Для них этот фильм – прежде всего киноповествование о семейной трагедии, о людях, чьи судьбы исковерканы войной. Респонденты группы работающих взрослых отмечают трагичность и пронзительную эмоциональность фильма, они сопереживают героям и сочувствуют их горю. Этот фильм, по словам респондентов, – хорошее напоминание об ужасах войны и о том, как важно ее не допустить. Отметим, что ответы респондентов старшего поколения отличались большой гомогенностью – половина респондентов группы неработающих пенсионеров назвали фильмы «Молодая гвардия» и «Они сражались за родину», около трети упомянули фильмы «А зори здесь тихие...» и «В бой идут одни старики».

Респонденты из группы студентов практически не повторялись в ответах, они вспомнили большое число разнообразных

фильмов, каждый из которых упоминался по 1–2 раза. Именно эта группа продемонстрировала осведомленность о широком спектре менее популярных фильмов, не вошедших в таблицу из-за низкой частоты упоминания («Обыкновенный фашизм», «Отец солдата», «Воздушный извозчик», «Смерш», «Диверсант», «Звезда», «Сволочи», «Крепкий орешек» и т. д.). Разнообразием отличаются и причины выбора этих фильмов – от доверия к достоверности информации в фильме («Обыкновенный фашизм»), до отождествления себя с героем и сопереживания судьбе ровесника («Сволочи») и простого удовольствия от бесхитростного и позитивного сюжета («Крепкий орешек»).

Интернет-ресурсы как информационный фон формирования коллективных воспоминаний о Великой Отечественной войне

Исследования показали, что роль интернет-ресурсов в формировании облика победы в целом ограничена. Только респонденты группы студентов смогли вспомнить и охарактеризовать специализированные ресурсы, к которым они прибегали. Наибольшей популярностью пользуется неспециализированный информационный сайт «Википедия» (<https://ru.wikipedia.org>), его указали 30% респондентов этой группы. Как правило, они обращаются к нему для получения быстрых и кратких справок по интересующим вопросам о событиях войны в связи с личным интересом либо необходимостью подготовки докладов и рефератов.

Отдельные респонденты отметили электронный архив «Мемориал» (www.obd-memorial.ru) – электронный банк данных, содержащий информацию о советских воинах, погибших, умерших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период. Участники использовали его для поиска информации о пропавших без вести родственниках или знакомых. С аналогичными запросами несколько респондентов обращались на сайт «Победители» (<http://www.pobediteli.ru>), представляющий собой обобщенную базу данных участников войны. Кроме того, студенты ищут информацию о событиях войны на различных информационных сайтах без отсылки к какому-то конкретному источнику. Это могут быть статьи, заметки, электронные версии книг – все, что, по мнению респондентов, помогает им построить более объективную и правдивую картину событий военного пери-

ода. Таким образом, можно отметить, что интернет для участников опроса – не самый популярный источник информации о войне. Прежде всего – это способ для студентов найти информацию о событиях либо участниках войны. Других видов активности в интернет-пространстве (как например, участие в интернет-проектах, обсуждениях в блогах, на форумах, обмена информацией) в данном исследовании зафиксировано не было.

Школьные учебники как источник информации о Великой Отечественной войне

В нашем исследовании респондентам также был задан вопрос о том, как в школьных учебниках, по которым они учились, описывались события войны. Результаты представлены в таблице 34.

Стоит отметить, что в группе студентов, недавно закончивших обучение по курсу отечественной истории, 70% респондентов за-

Таблица 34

Помните ли вы содержание школьных учебников – как в них описывалась Великая Отечественная война?

Группа	Утверждение	Частота (%)
Студенты	Не помню, помню отрывками	70
	Описание основных сражений, количества жертв	20
	Схематичность, однобокость, пафосность описания	20
Работающие взрослые	Перечисление основных событий	40
	Как защита от внешнего террора, отражение нападения	20
	О цене победы, о количестве жертв	20
	Великий подвиг всего советского народа над фашистами	20
Пенсионеры	Учились до войны/когда еще не было таких учебников	60
	Справедливая оценка	30
	Освободительная война от фашистов	20
	Воспевался героизм советских людей	10

явили, что не помнят содержания учебников о событиях Великой Отечественной войны либо помнят фрагменты информации, конкретные сражения, имена отдельных полководцев. Часть респондентов (20%), отмечают неудовлетворенность информацией в школьных учебниках, считают ее однобокой, пафосной, не соответствующей действительности.

В группе работающих взрослых все респонденты смогли вспомнить содержание и характер оценки Великой Отечественной войны, приведенные школьными учебниками. Более трети участников смогли достаточно подробно и логично пересказать ход основных событий войны, о которых они узнали из этих учебников. По мнению респондентов, история войны в школьных учебниках преподносится с точки зрения цены победы и количества жертв как великий подвиг советского народа. Часть респондентов особенно подчеркивали, что в учебниках подтверждается оборонительный характер военных действий, защита нашей армии от внешнего агрессора. Этот акцент особенно важен для респондентов с учетом участвовавших заявлений современных зарубежных исследователей, представляющих СССР как зачинщика Второй мировой войны, недооценивающих вклад СССР в победу и прочих попыток трансформации образа войны и ее участников.

В группе неработающих пенсионеров большинство респондентов закончили обучение в школе до того, как события Великой Отечественной войны вошли в школьную программу, поэтому они не отвечали на этот вопрос. Треть респондентов отметила, что считает информацию в школьных учебниках правдивой и справедливой, 20% считают, что в учебниках особенно подчеркивается освободительный характер действий советской армии, 10% считают, что в школьных учебниках отводится особая роль подчеркиванию героизма советского народа в годы войны.

Чествование Победы

В качестве обобщающего вопроса в конце интервью мы спросили респондентов, чего, с их точки зрения, не хватает в существующих мероприятиях по чествованию Победы в Великой Отечественной войне. Как оказалось, респонденты в разных социальных группах отличаются по видению должного ознаменования Победы.

Так, неработающие пенсионеры по большей части довольны мероприятиями чествования Победы. Респонденты, относящиеся к категории ветеранов (более половины из опрошенных), высказывают свое удовлетворение существующими льготами и вниманием, оказываемым им по поводу участия в войне (либо работы в тылу). Около 30% неработающих пенсионеров считают, что ветеранам не хватает внимания и заботы, а также уважения со стороны молодежи. Некоторые респонденты отмечают, что на данный момент всем не хватает исполнения обещаний, данных правительством.

Большая часть работающих взрослых считает, что необходимо проводить меньше формальных мероприятий и больше оказывать реальной поддержки ветеранам, прежде всего – улучшать их жилищные и бытовые условия. Треть респондентов этой группы отмечают необходимость воспитания молодого поколения, разъяснения им причин и событий военного периода с помощью демонстрации старых советских фильмов и исполнения военных песен, регулярных встреч с ветеранами. Отдельные респонденты отметили, что чествование победы происходит слишком пафосно, в то время как этому дню скорее соответствует тихая скорбь.

Рассуждая о должном подходе к чествованию победы в войне, участники из группы студентов, прежде всего, говорили о необходимости сделать этот праздник более осмысленным, искренним и объективным. Студенты отмечают, что большинству, в том числе и им самим, не хватает понимания смысла событий войны, их беспокоит множественность их трактовок. Многие респонденты этой группы испытывают недоверие к имеющейся информации о войне, остро ощущают ее недостаточность и заявляют о желании узнать правду о военных событиях. Около трети участников также отмечают необходимость оказывать адресную помощь ветеранам, улучшать их жилищные условия вместо проведения затратных мероприятий празднования. Студенты считают, что необходимо проводить больше трансляций документальных передач и фильмов о войне и интервью с ветеранами, экскурсий и поездок на места сражений и в памятные места, на основе которых можно было бы составить достоверную и полную картину событий Великой Отечественной войны.

Богатство и противоречивость оценок событий военной истории демонстрирует очевидные различия между поколениями респондентов, если неработающие пенсионеры достаточно согласо-

ваны и однозначны в своих оценках и впечатлениях, то поколение современной молодежи демонстрирует высокую степень скепсиса по отношению к существующим традициям, сомнения и неуверенность в своих знаниях о событиях войны. При этом ключевое значение в ознаменовании победы для всех респондентов заключается в закреплении чувства причастности, единства народа, а также в возможности передать следующим поколениям воспоминания об этом значимом событии.

Такая важная в историко-психологическом плане группа, как «дети войны», редко подвергалась специальному изучению. Между тем память этих людей несет в себе непосредственные, «живые» воспоминания, имеющие большую ценность. Эти свидетельства становятся особенно ценным источником коллективной памяти о войне. «Дети войны» – это по закону РФ люди, родившиеся с 3 сентября 1927 г. по 2 сентября 1945 г. включительно, т. е. те, которым на момент окончания Второй мировой войны не исполнилось 18 лет. Именно их детство или подростковый возраст пришлось на военное время. Имея место в личном опыте, их воспоминания сохраняются в живой событийной памяти и могут передаваться из поколения в поколение, занимая свое место и в коллективной памяти. В нашей работе мы сосредоточились на анализе наиболее характерных воспоминаний, опубликованных на сайтах (Дети войны – поколение особое, 2014; Дети войны. Воспоминания, 2016; и др.), и рассказов этих людей, собранных нами непосредственно с помощью метода нарративного интервью.

Мы отталкивались от данных, полученных в исследованиях, в которых было показано (Pennebaker, Banasik, 1997), что, если у людей разных возрастов спрашивали, какие исторические изменения или события представлялись им особенно важными, они значительно чаще говорили о событиях, происходивших в их подростковом возрасте. Активное формирование идентичности в этом возрасте во многом определяет социально-психологические характеристики людей в будущем. Именно поэтому детские и подростковые воспоминания о войне ценны для социально-психологической характеристики поколения «детей войны».

Как можно видеть из воспоминаний, собранных на тематических сайтах, представители этого поколения в полной мере впитали принципы советской идеологии той поры. Вера в светлое будущее, в построение общества «для всех», труд ради всеобщего блага и ак-

тивная мобилизация для борьбы с врагами — вошли в ядро их мировоззрения. «Дети войны» выросли раньше, чем их сверстники в мирное время. Нехватка пищи и рабочих рук, голод — в подобных условиях каждый ребенок должен был помогать семье наравне со взрослыми, поэтому «дети войны» оценивались не только окружающими, но и ими самими как взрослые, сформировавшиеся личности, готовые к тяжелой работе и психологически, и физически. В детские игры во время войны не играли. У детей изменились игры, появилась новая игра — в госпиталь. Частыми были случаи, когда семья теряла отца или мать, в таких ситуациях старшие дети полностью принимали на себя опеку над младшими и зачастую становились кормильцами семьи вместо отца. Многим приходилось работать на заводах и в селе на собственных земельных участках, свой даже небольшой урожай позволял выжить и не умереть с голода. С первых дней войны у них было огромное желание хоть чем-нибудь помочь фронту. В тылу дети изо всех сил помогали взрослым во всех делах: участвовали в противовоздушной обороне — дежурили на крышах домов во время вражеских налетов, строили оборонительные укрепления. Дети воевали наравне со взрослыми и в действующей армии, и в партизанских отрядах. И это были не единичные случаи. Таких ребят, по данным советских источников, во время Великой Отечественной войны были десятки тысяч. Ранний труд и активная включенность в экстремальную ситуацию военного времени позволяют говорить о ранней «взрослости» детей того времени.

Исследование с использованием нарративного интервью (Теория и практика нарративного анализа в социологии, 2006) было проведено Д. А. Семибиковым под руководством автора. В применении метода нарративного интервью важным является то, что рассказчик должен вести повествование на основе своих личных переживаний и воспоминаний. Предполагается, что у рассказчика нет возможности заранее подготовиться к исследованию, т. е. речь идет о рассказе-экспромте. Именно такая форма рассказа была применена в исследовании. Особое внимание придавалось форме построения рассказа, его структуре. Он должен отвечать определенным правилам:

1. Целостность и законченность. Рассказчик должен заканчивать начатое повествование отдельных сюжетов и эпизодов своей жизни и делать понятной их взаимосвязь для слушате-

ля, тем самым каждый конкретный эпизод получает законченный вид.

2. Сгущение. Поскольку рассказчик понимает, что в его распоряжении ограниченное количество времени, он вынужден останавливаться только на тех обстоятельствах и событиях своей жизни, которые он считает наиболее значимыми и имеющими решающее значение.
3. Детализация. Вводя новую тему или говоря о каком-либо частном событии (персоне, явлении, связи между событиями и т. д.), рассказчик старается уточнить и прояснить конкретные обстоятельства (временные, пространственные, каузальные), сопутствующие данному событию.

После того как респондент включился в рассказ, функция интервьюера сводится к роли слушателя и стимулированию продолжения повествования только приемами активного слушания. Пассивная роль интервьюера позволяет рассказчику в наибольшей степени сконцентрироваться на своем жизненном опыте. Обработка текста интервью может иметь характер либо анализа повествования, в котором предполагается «препарирование» текста (удаление частей, перегруппирование кусков с их качественной интерпретацией), либо собственно контент-анализа.

В работе был выбран второй путь: устанавливалась причинно-следственная связь между событиями и социальной ситуацией в обществе, частота упоминания конкретных ситуаций и событий, и некоторые эмоциональные реакции, которые могли свидетельствовать о важности конкретного воспоминания. Контент-анализ имел не только психологическую, но прагматико-семантическую направленность. Респондентами выступили десять человек, принадлежащих к поколению «детей войны». Предметом исследования были воспоминания респондентов о первых послевоенных годах. Респондентам задавался вопрос: «Какие события вашей жизни первых лет после войны запомнились вам лучше всего?». Этот вопрос становился «нарративным импульсом», который стимулировал рассказчика.

Основные результаты контент-анализа представлены в процентных долях каждой темы от общего числа затронутых тем.

- Бедность и голод, характерные для обсуждаемого периода – 100%.

- Идея дружбы в отношениях со сверстниками в школе, с друзьями, воспоминания о доброжелательной атмосфере между соседями, взаимной помощи и поддержке – 80%.
- Помощь своим родителям, семье в воспитании младших, в работе по дому, в сельском хозяйстве – 70%.
- Воспоминания, связанные с возвращением солдат и офицеров с фронта, всеобщее ликование, радость их близких – 70%.
- Тяжелые бытовые условия, старая одежда, бедность жилищ, неблагоустроенная жизнь, отсутствие элементарных удобств – 40%.
- Общие усилия по восстановлению производства, которое находилось в том населенном пункте, где жили респонденты – 30%.

Следует отметить, что для всех респондентов было характерно проявления эмоциональных переживаний, связанных с этими событиями.

Результаты свидетельствуют о том, что условия бедности и голода вспоминаются как определяющие жизнь послевоенного времени всеми респондентами в своих рассказах. Отношение к пище как к величайшей ценности сохранилось у этого поколения до сих пор. Нехватка самого необходимого явилась тяжелым испытанием для детской психики. Однако лишения не ожесточали детей, а делали их более гуманными. По воспоминаниям, когда речь шла о дружбе, в качестве примеров приводились ситуации, что если ребенок получал что-то съестное, то он непременно делился со своими друзьями. Практически все наши респонденты говорили о человеческой солидарности, взаимопомощи, добрых доверительных отношениях с соседями, готовности поддержать тех, кому еще труднее. Раннее взросление воспитывало в детях ответственность за младших в семье, понимание своей роли как помощника, берущего на себя необходимые хозяйственные заботы. Травмированная войной детская психика, разумеется, ярко запечатлела также и радость, связанную с возвращением фронтовиков. Эти счастливые события отмечали вместе с друзьями, соседями, родственниками.

Заключая, можно отметить, что в этих послевоенных воспоминаниях по сравнению с памятью военного времени более значительную долю составляют эпизоды, связанные с повседневной жизнью, ее тяготами и заботами. Тяжелые годы восстановления

страны стали суровым жизненным опытом и для детей. В сравнении с послевоенным временем военные воспоминания детей носят во многом героический и патриотический характер: вера в победу, стремление любой ценой внести в нее свой вклад вплоть до побегов на фронт, приписывания себе лет, достаточных для мобилизации, помощь в госпиталях и т. п. По-видимому, в сложных условиях детская психика остро откликается на запрос времени, многие дети, романтизируя опасность, ведут себя самоотверженно. На примере живых воспоминаний видно, каким образом военное и послевоенное время стало фактором объединения общества, проявления лучших человеческих качеств как взрослых, так и детей.

5.2. Сравнительное исследование памяти о войне у представителей двух культур

В 1994 г. на респондентах одной и той же национальности (русских), но принадлежащих к разным культурам, было предпринято исследование кросс-культурных различий в коллективных воспоминаниях о первых месяцах войны на территории СССР¹. Ставилась задача выявления специфики процессов конструирования коллективных воспоминаний в стабильных и кризисных условиях.

Долгое время существовало много противоречивых мнений по вопросу о причинах отступления Красной Армии в начале войны. В свое время Сталин сформулировал эти причины так: внезапность нападения врага, вероломное нарушение Германией договора о ненападении, превосходство германской армии в количестве танков и самолетов, численное преобладание отмобилизованных и готовых к бою войск по сравнению с Красной Армией, двухлетний опыт ведения военных действий в Европе с применением новейших средств, отсутствие второго фронта в Европе. Между тем многие историки полагают, что в свете последних данных вражеские войска не имели значительного превосходства над Красной Армией, сил и материальных средств для оказания отпора немецко-фашистским войскам было достаточно. Все упиралось в умение распорядиться ресурсами, использовать с максимальной эффективностью имеющиеся возможности. Здесь на первый план выдвигаются кадры, их профессиональная подготовка, способности и опыт.

¹ Благодарим за помощь в обработке данных Л. А. Суховееву.

Говоря о причинах неудач Красной Армии в начале войны, большинство авторов на первое место ставят необоснованные репрессии против руководящих кадров Вооруженных Сил, просчеты высшего политического и военного руководства, прежде всего Сталина, в боевой подготовке войск, в определении сроков начала фашистской агрессии и направления главного удара противника, недооценку его сил и переоценку возможностей своих войск, массовый отрыв от своих частей на учебные сборы артиллерийских, в том числе зенитных средств, превосходство гитлеровской армии в мобильности и средствах связи, ориентацию командиров и бойцов на стремительное наступление и победу малой кровью и другие причины. Противоречивость традиционных для советской военной истории версий и вновь открывшиеся в 1990-х годах факты порождают и различные процессы в коллективной памяти: от отстаивания своих прежних убеждений до радикального пересмотра собственных взглядов.

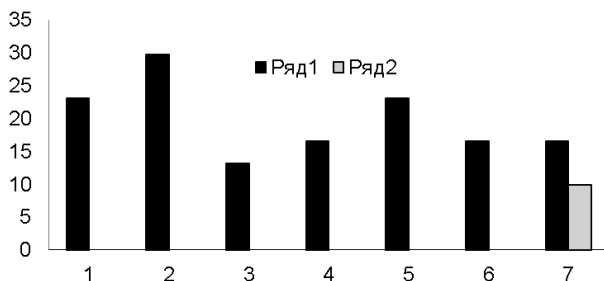
Наше исследование проводилось в России и во Франции на группах людей старшего возраста, бывших непосредственными очевидцами войны. Во Франции нашими респондентами были русские эмигранты первой волны (46 человек в возрасте 75–85 лет), эмигрировавшие во Францию в 1920-х годах с родителями и постоянно проживающие в Париже или его пригородах. Они принадлежат преимущественно к интеллигенции (по сословному происхождению некоторые из них – дворяне), образование получили во Франции. Среди них были представители самых разных профессий и рода занятий: инженеры, научные работники, финансисты, чиновники, дизайнер и др. Во время Великой Отечественной войны все они находились во Франции. Российскую выборку составили 62 человека разных профессий в возрасте 75–80 лет – участники и очевидцы войны, постоянно проживающие в Твери или в Москве. В начальный период войны одни из них в составе Красной армии участвовали в военных действиях, другие работали в тылу. Выборка была выравнена по признаку пола.

В качестве основного метода исследования использовалось полуструктурированное интервью, содержащее темы, касающиеся событий начала войны на территории Советского Союза: вторжение гитлеровской армии, отступление Красной Армии в 1941 г., перелом в ходе военных действий, значимые события войны. Тексты интервью были подвергнуты контент-анализу, а затем сравнива-

лись по группам. Результаты контент-анализа (процентные доли высказываний) обрабатывались при помощи углового преобразования Фишера, позволившего сопоставить две выборки по распределению признака.

Согласно результатам исследования, французские респонденты русского происхождения вспоминали горячие споры о нападении Германии на СССР в среде эмиграции (29%). 69,3% говорили о том, что это нападение должно было освободить Россию от коммунизма, и лишь 19,8% респондентов выражали сожаление по поводу неудач СССР в начале войны. Все опрошенные россияне относятся к факту нападения Германии на СССР как к национальной трагедии.

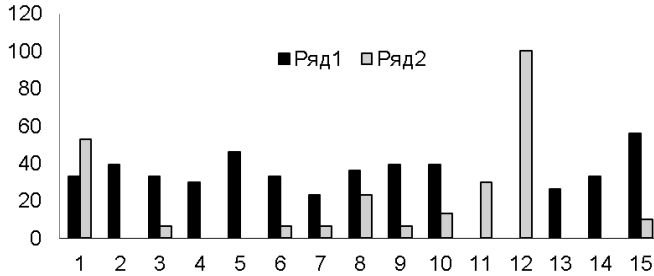
Тема условий жизни в СССР перед войной активно обсуждалась в основном российскими респондентами, у них преобладает позитивная картина интерпретаций предвоенной жизни: развитие промышленности, сельского хозяйства, повышение уровня жизни. Между тем и российские, и французские респонденты русского происхождения отмечают бедность населения.

Ряд 1	23,1	29,7	13,2	16,5	23,1	16,5	16,5
Ряд 2							9,9

Рис. 25. Соотношение частоты высказываний (в процентах по вертикали), характеризующих экономическое положение СССР накануне войны у российских и французских респондентов.

1 ряд – российские респонденты, 2 ряд – французские; по горизонтали – темы высказываний: 1 – Улучшение жизни, 2 – Развитие промышленности, 3 – Развитие строительства, 4 – Развитие сельского хозяйства, 5 – Другие положительные стороны жизни перед войной, 6 – Нейтральная (осторожная) оценка жизни до войны, 7 – Плохая жизнь накануне войны

Ряд 1	33	40	33	30	46	33	23	36	40	40			26	33	56
Ряд 2	53		7			7	7	23	7	13	30	100			10

Рис. 26. Соотношение частоты высказываний (в процентах по вертикали) российских и французских респондентов о причинах отступления Красной Армии в первые месяцы Отечественной войны.

1 ряд – российские респонденты, 2 ряд – французские; по горизонтали – темы высказываний: 1 – Неготовность армии и народа к войне, 2 – Нехватка новой техники, 3 – Плохое техническое оснащение армии, 4 – Нехватка времени для подготовки нового вооружения, 5 – У Красной Армии не было опыта ведения военных действий, 6 – Отсутствие подготовленных командиров всех звеньев, 7 – Репрессии военных всех звеньев, 8 – Расстрел маршалов, 9 – У немцев был опыт ведения военных действий, 10 – У немцев техника была лучше, 11 – Просчеты высшего командования, 12 – Русские думали, что их пришли освободить от коммунизма, поэтому они сдавались в плен, 13 – Большие потери, 14 – Долгое восстановление от первых внезапных ударов, 15 – Внезапность вторжения

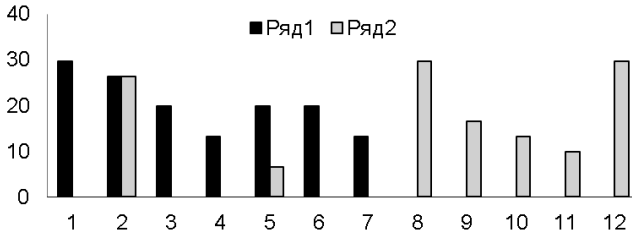
При обсуждении причин отступления Красной Армии в первые месяцы войны и российские, и французские респонденты русского происхождения статистически равнозначно (при $p > 0,05$) называют неготовность к ней армии и народа. Между тем трактовка других указываемых причин в этих выборках значительно различается. Так, репрессиям военных всех рангов большее значение придают российские ветераны, чем представители французской выборки: различия значимы при $p < 0,05$. Признание преимущества германской техники перед советской также значимо (при $p < 0,01$) различается в двух выборках. Опыт ведения военных действий у немецкой армии считается причиной первоначальных неудач СССР и различается у россиян и французов русского происхождения на том же

уровне значимости. На внезапность нападения как причину отступлений российские респонденты также указывают статистически чаще. В целом анализ причин отступления содержится в 31,6% высказываний российских респондентов и только в 13,0% высказываний французских респондентов. У россиян наблюдается большее разнообразие и большая детализация в суждениях об этих причинах. По-видимому, данные воспоминания, будучи эмоционально окрашенными, занимают более значительное место в их сознании, чем в сознании французов.

Есть расхождения во мнениях о том, почему солдаты Красной Армии попадали в немецкий плен. Все французские респонденты убеждены в одном: русские, думая, что немцы пришли освободить их от коммунизма, сдавались в плен; между тем никто из россиян так не считает. Российские респонденты утверждают, что солдаты очень редко сами сдавались в плен и попадали к врагу либо оказавшись в окружении (19,8%), либо по беспечности (9,9%).

Таким образом, россияне, интерпретируя неудачи первых месяцев войны, воспоминания о которых являются для них травмирующими, указывают в качестве их причин преимущественно объективные обстоятельства, пытаясь сохранить позитивную групповую идентичность. В то же время французы русского происхождения отмечают, что объяснение неудач следует искать в субъективных причинах; они активно приписывают русским желание освободиться от коммунизма, чего российские ветераны не подтверждают.

Различными оказались и высказывания о политическом режиме в СССР в начале войны. Французы сравнивают советский режим с гитлеровским, а их российские сверстники такое сравнение воспринимают как немыслимое и даже оскорбительное. Российские респонденты считают, что политическая система СССР того времени позволяла мобилизовать народные силы для отпора врагу. При этом они признают, что жесткая вертикаль власти, существовавшая в СССР, приводила руководство к очень опасным ошибкам. На рисунке 27 можно видеть, как травмирующее для россиян воспоминание о тоталитарной сталинской системе в сформировавшемся со временем культурном паттерне сглаживается. В то же время французы русского происхождения, субъективно отстраняясь от этой ситуации, утрируют ее негативные черты.

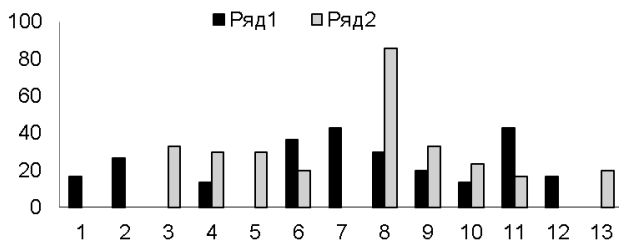
Ряд 1	30	26	20	13	20	20	13					
Ряд 2		26			6.6			30	17	13	9.9	30

Рис. 27. Соотношение частоты высказываний (в процентах по вертикали) российских и французских респондентов о политической системе СССР того времени.

1 ряд – российские респонденты, 2 ряд – французские; по горизонтали – темы высказываний: 1 – Позволила мобилизовать силы, 2 – Ничего не знаю о ней, 3 – Жесткая вертикаль власти, где опасны ошибки руководства, 4 – Была неподконтрольна, 5 – Верхушка пользовалась неофициальными льготами, 6 – Неопределенная оценка, 7 – Поощрение системы доносов, 8 – Сравнение фашизма с коммунизмом, 9 – Трудно с чем-то сравнить, 10 – Гнет для русских, 11 – Комиссары стояли за спинами сражавшихся солдат, 12 – В целом негативное отношение

Воспоминания роли личности Сталина у представителей двух культур также структурированы по-разному. Если российские респонденты находят в политике Сталина позитивные моменты («он сумел организовать отпор фашистам», «за него сражались», «народ ему верил» и т. п.), то французы русского происхождения, хотя и с меньшей частотой, согласны с россиянами лишь в пункте 6. Доли упоминаний о репрессиях значительно различаются в пользу французской выборки. При этом французы рассказывают о репрессиях репатриантов из западных стран, вернувшихся в СССР после войны, россияне же по данному поводу не высказываются. Россияне также не упоминают в отличие от французов болезненной подозрительности Сталина, в меньшей степени говорят о его жестокости.

В качестве значимых событий Второй мировой войны и россияне, и французы называют битву под Москвой и блокаду Ленинграда. Знание о битве под Сталинградом французские респонденты русского происхождения демонстрируют статистически чаще,

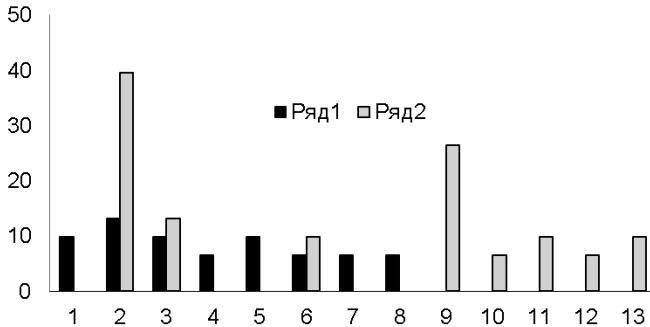
Ряд 1	17	26		13		36	43	30	20	13	43	17	
Ряд 2			33	30	30	20		86	33	23	17		20

Рис. 28. Соотношение частоты высказываний (в процентах по вертикали) российских и французских респондентов о личности Сталина.

1 ряд – российские респонденты, 2 ряд – французские; по горизонтали – темы высказываний: 1 – Не интересовался, что это за человек, 2 – Нейтральная (осторожная) оценка, 3 – Отрицательное отношение, 4 – Жестокость, 5 – Подозрительность, вплоть до психического отклонения, 6 – Сумел организовать отпор фашистам, 7 – За него сражались, с его именем погибали, 8 – С его именем связаны репрессии, 9 – Репрессии военных, обезглавливание армии, 10 – Ошибки в начале войны, 11 – Много невинно пострадавших людей, 12 – Нет оправдания репрессиям, 13 – Репрессии возвратившихся в СССР эмигрантов

чем российские. Кроме того, они вспоминают приход союзных войск во Францию, ее освобождение американцами, победу в северной Африке, высоко оценивают роль США в войне и высадку союзников, чего не упоминают россияне. В свою очередь, российские респонденты вспоминают взятие Берлина, Курскую битву, освобождение восточно-европейских стран и партизанское движение, об этом не говорят французы.

Различия в структуре двух паттернов (российского и французского), более яркие воспоминания, соответственно, о вкладе СССР либо западных стран, соответствуют известному эффекту эгоцентрического смещения в автобиографической памяти. Итак, в структуре воспоминаний представителей российской и французской выборок обнаруживается значительно больше расхождений, чем сходства. Основные аспекты различий изучаемых нами культурных паттернов касаются моментов, являющихся ключевыми для образа «своей» культурной группы. У французов русского про-

Ряд 1	9,9	13	9,9	6,6	9,9	6,6	6,6	6,6					
Ряд 2		40	13			9,9			26	6,6	9,9	6,6	9,9

Рис. 29. Соотношение частоты высказываний (в процентах по вертикали) российских и французских очевидцев Второй мировой войны о ее значимых событиях.

1 ряд – российские респонденты, 2 ряд – французские; по горизонтали – темы высказываний: 1 – Взятие Берлина, 2 – Битва под Сталинградом, 3 – Блокада Ленинграда, 4 – Курская битва, 5 – Оборона Брестской крепости, 6 – Битва под Москвой, 7 – Вступление СССР в европейские страны, 8 – Партизанское движение, 9 – Большая роль США в войне, 10 – Приход советских войск во Францию, 11 – Освобождение Франции американцами, 12 – Победа в северной Африке, 13 – Высадка десанта в Нормандии

исхождения это споры о том, являлась ли война благом или трагедией для СССР, что отражает негативное отношение эмигрантов к политическому режиму Сталина на их бывшей родине. Сравнение советского политического режима с гитлеровским, утверждения о намеренной сдаче в фашистский плен русских солдат (элемент, вымышленный для подкрепления общей идейной схемы) акцентируют негативный образ СССР.

В том, что касается содержательного компонента представления, у французской группы респондентов можно наблюдать традиционную для западной пропаганды времен «холодной войны» интерпретацию событий: тоталитарный режим Сталина под угрозой репрессий вынудил угнетенный народ пойти на огромные жертвы. Эта трактовка, как можно видеть по результатам нашего исследования, достаточно устойчива во времени и за послед-

ние 60 лет не претерпела существенных изменений. Иная картина обнаруживается у российской части респондентов. Игнорирование травмирующих моментов, таких как крупные просчеты руководства, неготовность страны и армии к войне, гигантские человеческие потери в боевых действиях и др., позволяет им справиться с негативной информацией, «облагородить» прошлое. У российских респондентов построение положительного образа прошлого и образа «своей» группы в нем выражалось процессами «заякорения» социального представления о войне на социально приемлемых моментах. Это проявлялось в акцентировании объективных причин неудач первых месяцев войны, подчеркивании позитивных моментов довоенной жизни и политики Сталина.

Между тем политическая система СССР времен войны не выглядит в представлении российских ветеранов совершенно идиллической. Ее интерпретация скорее производит противоречивое впечатление. С одной стороны, упоминания о жесткой вертикали власти, когда особую опасность приобретают ошибки руководства, о репрессиях, о поощрении системы доносов, неодобрительные высказывания о правящей верхушке, которая пользовалась большими льготами, о бедности населения дают основания говорить об умеренном критицизме ветеранов в адрес режима. Вместе с тем российские респонденты считают, что эта политическая система позволила мобилизовать силы на борьбу с врагом. Другими словами, однозначно позитивного образа прошлого не складывается: политическая система не была гуманистической, эффективной, но именно она обеспечила победу.

Еще одна особенность представлений российских ветеранов заключается в игнорировании роли союзников. Примечательно, что о роли США, о высадке десанта союзников в Нормандии 6 июня 1944 г. в нашем исследовании респонденты вообще не вспоминают. В этой части наши данные согласуются с результатами, которые были получены другими авторами (Афанасьева, 2005, с. 16) почти десять лет спустя. По данным этого исследования, среди девяти основных факторов, определивших победу над фашизмом, российские респонденты независимо от возраста помещают фактор «Открытие союзниками второго фронта и их материальная помощь» на предпоследнее место. Также примечательно, что больше половины российских респондентов смешивают начало ВОВ и Второй мировой войны. При этом в группе респондентов стар-

ше 60 лет верно указали дату начала Второй мировой войны только 38,6% опрошенных (там же, с. 15). Подобное центрирование на национальной трагедии понятно, учитывая ее масштабы. Вместе с тем непринятие во внимание интернационального характера бедствий, связанных с фашизмом, должно иметь объяснение. Можно предполагать, что причины этого имеют многоплановый характер и заключаются в слабой осведомленности, в прессинге институционализированной памяти и вместе с тем в «эгоцентрическом смещении» воспоминаний.

Вторая часть нашего исследования была посвящена анализу различий коллективных воспоминаний о начале Великой Отечественной войны в двух возрастных группах российского общества. Респондентами данной части исследования были ветераны в возрасте 70–80 лет – современники или непосредственные участники боевых действий 1941–1945 гг. (62 чел.) и студенты университета в возрасте 18–25 лет (124 чел.). Мужчины и женщины в обеих группах представлены в равных долях.

Использовалось полуструктурированное интервью по теме начала войны и хода военных действий на территории СССР в первые месяцы войны. В процессе интервью с респондентами обсуждались темы, касающиеся экономической и политической ситуации в стране, ее внешней политики накануне войны, готовности Красной армии к ведению боевых действий, вторжения гитлеровских войск в СССР, а также причин и последствий военных неудач СССР в первые месяцы войны, роли Сталина как главнокомандующего и т. д. На основе результатов контент-анализа интервью (первой и второй частей исследования) и анализа исторической литературы был составлен опросник. Он содержал 10 суждений с пятью вариантами ответов, выражавших полное или частичное согласие, полное или частичное несогласие и невозможность судить. Ответы на вопросы были подвергнуты кластерному анализу. Для выявления различий между группами в ответах на вопросы использовался метод углового преобразования Фишера.

Анализ результатов показывает, что с точки зрения 50,8% студентов и 50,0% ветеранов «СССР терпел поражение в первые дни войны, так как Красная Армия была плохо оснащена военной техникой». При этом студентов, поддержавших данное утверждение, статистически было не больше, чем ветеранов. С этим высказыва-

нием согласны 39,5% студентов и 40,4% ветеранов (статистически различия не значимы), а не согласны – 9,7% студентов и 9,6% ветеранов (доли статистически равны).

38,5% студентов согласны с утверждением «Внешняя политика западных стран способствовала успехам Гитлера в начале войны», что значимо не отличается от показателя ветеранов (39,6%). Частично согласны с ним 52,5% студентов и 52,8% ветеранов (различия статистически не значимы). 9,0% студентов и 7,6% участников войны не согласны с данным утверждением (доли статистически не различаются).

Таким образом, и студенты, и ветераны продемонстрировали единодушие, называя следующие причины поражения СССР в первые месяцы Отечественной войны: плохое оснащение Красной Армии и внешняя политика западных стран, которая способствовала успехам Гитлера в начале войны. Скорее всего, это связано с тем, что указанные причины, во-первых, широко обсуждались в средствах массовой информации, а во-вторых, апеллировали к «объективным» обстоятельствам при объяснении военных неудач. Данная версия, не травмирующая коллективного сознания, удовлетворяет оба поколения.

С утверждением «Русские солдаты охотно сдавались в плен, лишь бы покинуть Советскую Россию» не согласны 93,5% студентов и 94,4% ветеранов. Отвергающих это утверждение студентов не больше, чем ветеранов. Частично согласных студентов – 6,5%, ветеранов – 5,6% (доли статистически равны). В обеих выборках полностью согласных нет.

Полностью согласившихся с утверждением «Из-за плохих условий жизни русские солдаты сдавались в плен» нет ни среди ветеранов, ни среди студентов. 8,1% студентов и 1,9% ветеранов ответили, что частично согласны с этим утверждением. При этом студентов, давших подобный ответ, больше, чем в группе ветеранов, на 6,2% ($p \leq 0,033$). 91,9% студентов и 98,1% участников войны отметили, что не согласны с этим утверждением. Таким образом, обе группы решительно отвергли идею о том, что русские солдаты умышленно сдавались в плен в первые месяцы войны. Обнаруженные нами значимые различия по количеству студентов и ветеранов, частично согласных с данным утверждением, могут быть результатом критики сталинского режима, которая привела часть молодежи к мысли о том, что население СССР уже в годы войны

негативно относилось к режиму, но это, как видно из данных исследования, не подтверждается ветеранами.

Согласно полученным результатам, 9,7% студентов и лишь 1,9% ветеранов частично согласны с утверждением «Значительная часть населения СССР думала, что фашисты пришли освободить ее от большевизма, и вначале не оказывала им сопротивления». При этом студентов, согласных с ним, больше, чем ветеранов, на 7,8% ($p \leq 0,014$). Несогласных с этим утверждением ветеранов на 8,6% больше, чем студентов (98,1% и 89,5%; $p \leq 0,001$). Таким образом, студенты чаще согласны (полностью и частично) с этим утверждением, чем ветераны ($p \leq 0,001$), однако количество респондентов, поддерживающих данное утверждение, невелико. Скорее всего, случаи согласия с этим утверждением объясняются тем, что в последнее время наблюдалась явная тенденция к критике режима, существовавшего в годы войны, которая могла привести к преувеличению значения сил, противоборствовавших сталинизму. Однако такой точки зрения придерживается лишь небольшая часть молодежи, старшее же поколение продолжает считать, что население в целом поддерживало режим. Об этом говорит тот факт, что полностью согласных с этим утверждением ветеранов нет, а доля студентов составляет 0,8% (разница статистически не значима).

29% студентов и 19% ветеранов полностью согласны с утверждением «Пакт Молотова–Риббентропа привел к внешнеполитической изоляции СССР от западных держав» (доли значимо не отличаются). 61,7% студентов и 44,0% ветеранов согласны с этим утверждением лишь частично. Между тем ответивших так на данный вопрос студентов на 17,7% больше, чем участников войны, причем данная разница статистически значима ($p \leq 0,018$). 13,1% студентов и 28,0% ветеранов выразили свое несогласие с этим утверждением. При этом данное различие статистически недостоверно. Таким образом, ветераны и студенты скорее согласны (полностью и частично), чем не согласны с данным утверждением.

У студентов и ветеранов имелись существенные разногласия по нескольким направлениям при выделении причин поражения России в первые месяцы войны. С точки зрения 23,4% студентов и 7,4% ветеранов «Россия терпела поражение в первые дни войны, так как Сталин оказался бездарным главнокомандующим». Согласных с этим утверждением студентов на 16% больше ($p \leq 0,001$), частично согласны 44,4% студентов и 22,2% ветеранов; в данном

случае студентов больше на 22,2% ($p \leq 0,001$). Несогласных с этим утверждением ветеранов на 38,2% больше, чем студентов (70,4 и 32,2%; $p \leq 0,001$), т. е. можно видеть, что студенты скорее согласны (полностью и частично) с этим утверждением, а ветераны скорее не согласны с ним ($p \leq 0,001$). Следовательно, старшее поколение не поддерживает идею о негативной роли Сталина, приведшей к отступлению Красной Армии в первые месяцы войны. По-видимому, образ Сталина-вождя неразрывно связан в их социальном представлении с чувствами патриотизма и национальной гордости, которые были воспитаны у них с детства. Кроме того, старшее поколение лучше осознает тот факт, что, давая отпор фашизму, наш народ защищал, прежде всего, советскую Родину. Чувство патриотизма не было абстрактным: оно было совершенно конкретно связано с ценностями социализма и с именем Сталина как вождя. Этот вывод в целом подтверждается и другими исследованиями (Афанасьева, 2005, с. 19), по результатам которых именно Сталину (в сравнении с другими государственными деятелями того времени) приписывается решающая или значительная роль в победе 76,5% респондентов разного возраста.

29,8% студентов и 35,2% ветеранов ответили, что полностью согласны с утверждением: «Красная Армия была обезглавлена сталинскими репрессиями». Доля ветеранов, давших подобный ответ, статистически не больше, чем в группе студентов. 61,3% студентов и 31,5% участников войны отметили, что согласны с данным утверждением частично. Таких студентов оказалось на 29,8% больше ($p \leq 0,001$). 8,9% студентов и 33,3% ветеранов выразили несогласие с данным утверждением, при этом ветеранов на 24,4% больше ($p \leq 0,001$). Как студенты, так и ветераны скорее согласны (полностью и частично), чем не согласны с этим утверждением; согласных студентов на 24,4% больше, чем ветеранов ($p \leq 0,001$). Отсюда следует, что даже среди ветеранов преобладает полное или частичное согласие с утверждением по поводу репрессий как причин неудач в военных действиях начала войны: полностью согласны 35% ветеранов, частично – 32%, не согласны – 33%. По-видимому, признание большей частью ветеранов негативной роли репрессий можно считать достижением политики «оттепели» конца 1950–начала 1960-х годов и гласности последних лет.

С утверждением «Советское руководство не было психологически готово к нападению Германии» полностью согласились

34,4% студентов и 74,1% ветеранов. Доля ответов ветеранов больше, чем доля ответов студентов, на 39,7% ($p \leq 0,001$). 37,7% студентов и 22,2% участников войны отметили, что согласны с этим утверждением только частично, при этом первых было на 15,5% больше ($p \leq 0,018$). 27% студентов и 3,7% ветеранов отвергли данное утверждение, несогласных студентов оказалось на 24,2% больше ($p \leq 0,001$). Ветераны чаще соглашаются (полностью и частично) с этим утверждением, чем студенты ($p \leq 0,001$). Ответы участников войны можно объяснить тем, что неожиданность нападения фашистской Германии была одной из официальных версий отступления советских войск в начале войны. Однако после обнародования переданных в Москву до начала войны многочисленных разведывательных данных о готовящемся нападении мнения разделились. Так, молодое поколение в большинстве своем считает, что руководство страны знало о готовящемся нападении и было психологически готово к нему. Однако для людей, переживших вторжение, оно, по их воспоминаниям, действительно было полной неожиданностью. Эмоциональное ощущение «шока», «вероломства», поддержанное в свое время официальной пропагандой, они приписывали и продолжают приписывать также и руководству страны. Кроме того, поскольку старшее поколение являлось непосредственным участником событий, наличие такой внешней и объективной причины, как «внезапность нападения», смягчает для него тяжесть травмирующего переживания неудач СССР в начале войны.

По результатам исследования коллективных воспоминаний о роли отдельных военачальников в событиях начала войны, с утверждением «Слабые военачальники, такие как Ворошилов и Тимошенко, стали причиной отступления», согласны 10,5% студентов и 28,3% ветеранов, которых больше, чем студентов, на 17,8%, что является статистически значимой разницей ($p \leq 0,001$). Частично согласны с этим утверждением 35,8% студентов и 34,0% ветеранов (статистическое различие между долями не значимо). Не согласны с ним 53,7% студентов и 37,7% ветеранов; их доли статистически не равны ($p \leq 0,024$). Таким образом, ветераны скорее согласны с этим утверждением, студенты же скорее склонны не соглашаться с ним. По-видимому, это связано с тем, что названным военачальникам в начале войны была официально поставлена в вину неподготовленность России к ведению военных действий. Они даже были отстранены от командования. Возможно, это и нашло отра-

жение в памяти ветеранов. Однако и среди них нет единого мнения: полностью согласны с данным утверждением 28,9% из них, частично – 34%, не согласны – 37,7%. Для студентов же личная ответственность Ворошилова и Тимошенко за поражения в начале войны, возможно, не является решающей. Вероятно, они в большей степени возлагают ответственность за отступление персонально на Сталина, чем на маршалов.

Результаты кластерного анализа позволяют сгруппировать суждения о причинах отступления Красной Армии в начале войны по двум изучаемым выборкам. В группе ветеранов выделены четыре кластера (рисунок 30).

Кластер «Внутренняя политика сталинского руководства накануне войны» объединяет утверждения: «Советская армия была обезглавлена сталинскими репрессиями» и «Слабые военачальники, такие как Ворошилов и Тимошенко, стали причиной отступления».

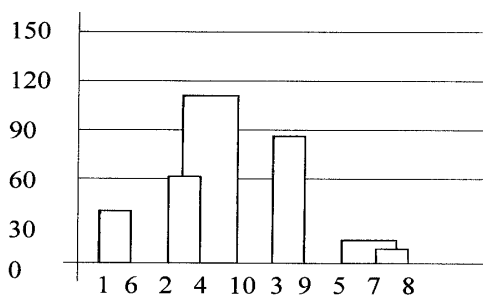

Рис. 30. Результаты кластерного анализа по группе ветеранов.

По горизонтали: 1 – Советская армия была обезглавлена сталинскими репрессиями, 2 – Сталин оказался бездарным главнокомандующим, 3 – Советское руководство не было психологически готово к нападению Германии, 4 – Советская армия была плохо оснащена военной техникой, 5 – Русские охотно сдавались в плен, лишь бы покинуть Советскую Россию, 6 – Слабые военачальники, такие как Ворошилов и Тимошенко, стали причиной отступлений, 7 – Из-за плохих условий жизни в Советской России русские солдаты сдавались в плен, 8 – Значительная часть населения России думала, что немцы пришли освободить ее от большевизма, и вначале не оказывала им сопротивления, 9 – Внешняя политика западных стран способствовала успехам Гитлера в начале войны, 10 – Пакт Молотова–Риббентропа привел к внешнеполитической изоляции СССР от западных держав

Кластер «Возможность добровольной сдачи в плен советских людей». В него вошли утверждения «Русские охотно сдавались в плен, лишь бы покинуть Советскую Россию», «Из-за плохих условий жизни русские сдавались в плен» и «Значительная часть населения Советской России думала, что немцы пришли освободить их от большевизма, и вначале не оказывала им сопротивления», отрицаемые респондентами.

Кластер «Внешняя политика СССР накануне войны». Объединяет утверждения «Советское руководство не было психологически готово к нападению Германии» и «Внешняя политика западных стран способствовала успехам Гитлера в начале войны».

Кластер «Ошибки Сталина как руководителя страны». Состоит из следующих утверждений: «Сталин оказался бездарным главнокомандующим», «Советская армия была плохо оснащена военной техникой», «Пакт Молотова—Риббентропа привел к внешнеполитической изоляции СССР от западных держав».

В группе студентов также выделены четыре кластера (рисунок 31).

Кластер «Внутренняя и внешняя политика сталинского руководства накануне войны». В нем объединяются следующие утверждения: «Советская армия была обезглавлена сталинскими репрессиями», «Внешняя политика западных стран способствовала успехам Гитлера в начале войны» и «Пакт Молотова—Риббентропа привел к внешнеполитической изоляции СССР от западных держав».

Кластер «Возможность добровольной сдачи в плен советских людей». Сюда входят утверждения: «Русские охотно сдавались в плен, лишь бы покинуть Советскую Россию», «Из-за плохих условий жизни русские сдавались в плен» и «Значительная часть населения Советской России думала, что немцы пришли освободить их от большевизма, и вначале не оказывала им сопротивления», отрицаемые респондентами.

Кластер «Степень готовности страны к началу войны» состоит из утверждений: «Советское руководство не было психологически готово к нападению Германии», «Советская армия была плохо оснащена военной техникой» (первое суждение отрицается, второе — поддерживается).

Кластер «Ошибки советского командования». В нем группируются утверждения: «Сталин оказался бездарным главнокомандующим» и «Слабые военачальники, такие как Ворошилов

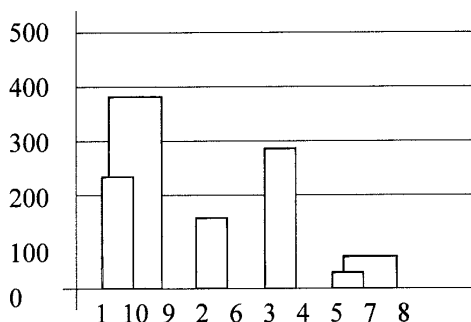

Рис. 31. Результаты кластерного анализа на группе студентов.

По горизонтали: 1 – Красная Армия была обезглавлена сталинскими репрессиями, 2 – Сталин оказался бездарным главнокомандующим, 3 – Советское руководство не было психологически готово к нападению Германии, 4 – Красная Армия была плохо оснащена военной техникой, 5 – Русские охотно сдавались в плен, лишь бы покинуть Советскую Россию, 6 – Такие слабые военачальники, как Ворошилов и Тимошенко, стали причиной отступлений, 7 – Из-за плохих условий жизни в Советской России русские солдаты сдавались в плен, 8 – Значительная часть населения России думала, что немцы пришли освободить ее от большевизма, и вначале не оказывала им сопротивления, 9 – Внешняя политика западных стран способствовала успехам Гитлера в начале войны, 10 – Пакт Молотова–Риббентропа привел к внешнеполитической изоляции СССР от западных держав

и Тимошенко, стали причиной отступления» (первое суждение поддерживается, второе – отрицается).

Наша попытка сравнить содержание коллективных воспоминаний о причинах неудач СССР в первые месяцы войны с фашистской Германией в двух возрастных группах позволяет проинтерпретировать полученные результаты. Содержание коллективных воспоминаний – это система логически связанных паттернов объяснения причин явления, по-разному структурированная у каждого поколения. В своих суждениях о причинах отступления Красной Армии представители поколений «дедов» и «внуков» обнаружили как согласие, так и несогласие. По-видимому, именно эти суждения представляют собой содержание коллективной памяти, выраженной в форме утвердившегося социального представления. Практически полное согласие наблюдается относительно суждений, касающихся плохого оснащения Красной армии воен-

ной техникой, негативного влияния пакта Молотова—Риббентропа на отношения с западными странами и мнения о том, что политика Запада в начальный период войны способствовала успехам гитлеровской армии. Как студенты, так и ветераны считают политические репрессии существенной причиной военных неудач. Хотя доля студентов в этом случае статистически выше, надо заметить, что 66,7% ветеранов также полностью или частично согласны с этим объяснением. Таким образом, тема политических репрессий также укоренилась в коллективных воспоминаниях о начале войны. В целом можно сказать, что согласие обоих поколений основывается на приписывании причин отступления, с одной стороны, внутренним объективным причинам (слабая техническая вооруженность и политические репрессии), а с другой стороны — внешним объективным причинам (неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства).

Оба поколения также демонстрируют единодушие, отрицая следующие утверждения: «Русские солдаты охотно сдавались в плен, лишь бы покинуть Советскую Россию»; «Значительная часть населения СССР думала, что фашисты пришли освободить их от большевизма, поэтому вначале не оказывала им сопротивления». Совпадение позиций обоих поколений в полном отрицании возможности непатриотического поведения советских солдат и населения может объясняться специфической функцией социального представления, поддерживающего коллективную идентичность народа, победившего фашизм. Здесь, на наш взгляд, отчетливо проявляется эмоциональная составляющая коллективной памяти. Сохраняются только те социальные представления, которые не противоречат позитивному образу национальной группы и поддерживают чувство гордости за свой народ.

Анализируя расхождения коллективных воспоминаний о причинах отступления советских войск в двух возрастных группах, можно заметить, что они касаются, прежде всего, оценки роли Сталина (студенты оценивают ее преимущественно негативно) и степени неожиданности вторжения Германии для советского руководства (ветераны считают, что оно было внезапным). Это позволяет думать, что старшее поколение по-прежнему продолжает верить в позитивную роль сталинского руководства в войне, в то время как оценки молодежи не так однозначны. Соглашаясь с утверждением о «внезапности» нападения, старшее поколение оправды-

вает действия руководства страны, находя «объективные» причины неудач. Расхождения в пункте, объясняющем неудачи слабым руководством таких военачальников, как Тимошенко и Ворошилов, вероятно, обусловлены тенденцией старшего поколения с доверием относиться к пропаганде того времени и снимать ответственность с высшего руководства.

Результаты нашего исследования позволяют воссоздать совокупность коллективных воспоминаний разных групп респондентов о начале войны на территории СССР и проанализировать их в кросс-культурном и поколенческом планах. На наш взгляд, это два важнейших измерения в изучении обыденных знаний о прошлом. Кросс-культурное измерение дает возможность оценить социальные и культурные параметры интерпретаций и объяснений исторических событий группами, находящимися в различных общественных условиях. Французские ветераны живут в стабильных, психологически и материально комфортных условиях, в то время как российские ветераны находятся в условиях кризиса социальной идентичности и составляют, согласно данным исследований, субъективно наименее благополучную группу общества. В нашем исследовании обнаружилось существенные различия между группой ветеранов, живущих в России, и их ровесниками — русскими эмигрантами, живущими во Франции. В системе интерпретации французских респондентов русский народ и советское руководство предстают как противодействующие силы. Основные пункты их критики касаются политического руководства, а именно ошибок высшего командования, личности Сталина, политических репрессий, угнетения народа, неготовности к войне, сравнения советского режима с фашизмом. В то же время русский народ в этой интерпретации предстает жертвой, которую принуждали воевать, в то время как он желал освободиться от сталинского режима с помощью фашизма.

У российских респондентов система интерпретаций тех же исторических событий совершенно иная. Народ в ней выступает главной действующей силой борьбы с фашизмом, побеждающей вопреки неправильным действиям руководства армии и отчасти благодаря вере в вождя. Такие травмирующие обстоятельства, как жестокость военного командования по отношению к солдатам и офицерам, геноцид собственного народа, сходство сталинской политики с политикой Гитлера в интерпретациях российских ре-

спондентов практически отсутствуют. Элементы критического отношения к политической системе СССР военного периода сочетаются у них с убежденностью в том, что именно система, созданная сталинским руководством, обеспечила возможность победы.

Сравнение поколений, в свою очередь, дает возможность выявить содержание коллективных воспоминаний, общее для поколений «дедов» и «внуков», утвердившееся с течением времени, принявшее форму социетальных представлений памяти и ставшее достоянием современной российской культуры. В исследовании, проведенном Социологическим центром Российской академии государственной службы при Президенте РФ в 2004 г. (Афанасьева, 2005), получены данные, подтверждающие этот вывод. Они показывают, что интерес к событиям войны велик во всех группах населения (доля тех, кого эти события интересуют, в совокупности составляет 76,7%), т. е. война остается для них предметом эмоциональных переживаний. Источники конструирования представлений памяти достаточно традиционны для современного общества: учебники, кинофильмы, художественная литература, рассказы родителей, друзей, знакомых (в порядке частоты упоминаний). Примечательно, что межличностный дискурс по значимости оказался на четвертом месте из девяти предлагавшихся для оценки источников, что указывает на активность устной исторической памяти.

Содержание представлений памяти — объяснение респондентами причин военных неудач и своего рода устная «теория» истории. Это объяснение пронизано духом патриотизма, веры в народную победу, с одной стороны, и отвержением тоталитарной политики сталинского режима, с другой стороны. Эта интерпретация подтверждается и данными цитированного исследования (там же, с. 18): в качестве основных факторов победы респонденты разного возраста называют героизм советских людей на фронте и в тылу (63,0%), патриотизм (62,7%), при этом существенных расхождений между группами не наблюдается. «Система обороны, созданная Сталиным» как фактор, обусловивший победу, был назван лишь 6,7% респондентов (в старшей группе 12,1%). Таким образом, интерпретации социетального уровня можно считать устойчивыми. Выявленные различия позволяют проследить динамику культурного процесса сквозь поколения. Старшее поколение в своих представлениях отчасти руководствуется стереотипами политической

пропаганды сталинских времен и, вероятно, патриотическими переживаниями собственной молодости. Тогда как младшее поколение, отринувшее тоталитарное прошлое страны, в то же время идентифицирует себя с «дедами», с народом, победившим фашизм.

Сконструированное таким образом представление выполняет функцию поддержки не только в группе ветеранов, непосредственно причастных к одержанной победе, но и для младшего поколения, вселяя веру в значительность вклада, который внес наш народ в развитие мирового исторического процесса. В условиях радикальной экономико-политической трансформации и отмеченных нами дезинтеграционных явлений в российском менталитете представления подобного рода способствуют консолидации общественного сознания и преодолению социально-психологической фрагментации общества и социального негативизма. Гордость за героическое прошлое страны позволяет адекватно и эффективно преодолевать кризис идентичности в различных его аспектах. Коллективная память, являясь одним из важнейших факторов в структуре менталитета общества, служит основой выполнения функции стабилизации эмоционального состояния коллективных субъектов в условиях ментального диссонанса.

5.3. Юбилей победы и память об итогах войны

Наши предыдущие исследования показывают (Емельянова, Кузнецова, 2002–2013), что именно победа в войне является для всех исследованных групп российского общества наиболее значимым событием в истории России. При этом обилие новой информации, различные трактовки событий войны в литературе и в СМИ порождают разные представления о факторах, способствовавших победе, о ее человеческой «цене», о роли Сталина, ведущих политиков и военачальников того времени. Факторами, определяющими различия в содержании коллективных воспоминаний, могут быть принадлежность к той или иной возрастной когорте, уровень образования, полотиписческие характеристики, преобладающие жизненные аксиомы, социальная идентичность членов групп и др. Актуальной проблемой является также выявление таких макропсихологических факторов коллективных воспоминаний, как современная экономическая ситуация в стране; состояние армии, патриотический дух народа, сплоченность вокруг национальных символов, разно-

плановый и разноуровневый (межличностный, групповой, в СМИ) дискурс о событиях войны.

Подавляющее большинство отечественных исследований последних лет, посвященных памяти о войне, выполнено в рамках социологической науки и содержит подробное описание того, что люди помнят, интересуются ли проблематикой Отечественной войны, из каких источников они получают информацию, как они оценивают факторы Победы и другие фактические данные. Результаты социологических работ дают важные ориентиры в понимании того, что именно современное российское общество помнит о Великой Отечественной войне. По данным Л. И. Афанасьевой и В. И. Меркушина, интерес к войне, сохраняясь от поколения к поколению, тем не менее несколько снижается с возрастом (Афанасьева, Меркушин, 2005, с. 12). Доли интересующихся военной историей совпадают у разных авторов – около 80% опрошенных. Эти данные уточняются в исследовании Ю. Р. Вишневого и В. А. Ружи (Вишневский, Ружа, 2011) – интерес студенческой молодежи к военному прошлому в последние годы растет.

Большинство авторов задавались вопросом: «Насколько точно помнят респонденты даты событий, имена военачальников и героев?». Выяснилось, что основные факты войны уверенно вспоминают более 70% опрошенных, причем более полно – представители старшего поколения. Однако 68% респондентов считают, что всей правды о войне мы до сегодняшнего дня не знаем (Малышева, 2012).

Среди источников знаний о войне первые позиции по данным социологов (напр.: Чернова, 2011) занимают кинофильмы, книги и учебные материалы (для молодежи). Примечательно, что роль «живых» воспоминаний даже для старших возрастных групп незначительна: фронтовики не любили и не хотели вспоминать войну. Между тем растет роль семейных архивов – их бережно хранят и передают от поколения к поколению. В целом наблюдается тенденция к восприятию Дня Победы преимущественно через семейно-родственные отношения (Вишневский, Ружа, 2011).

Среди факторов победы на первых местах в рейтингах прочно стоят «героизм» и «патриотизм» по результатам всех исследований. В ряде работ, посвященных анализу зарубежной истории войны и альтернативным точкам зрения на войну, излагаются и критикуются такие суждения, как «Кровь и пот войны начисто смыывают героизм. Героизм на фронте был чаще принудительным», «Це-

на войны была непомерной»; утверждения о распространенности предательства, коллаборационизма, о насилии Красной Армии в европейских странах; экспансии советской власти и бомбардировках Германии союзниками (напр.: Малышева, 2012). Автор справедливо отмечает, что подобные трактовки идут вразрез с общественным мнением и оскорбляют чувства россиян.

Важными являются данные о том, как действуют в группах общества процессы коллективной памяти: активное конструирование образов войны и победы для их сохранения в памяти потомков (способы меморизации, ознаменования, характер чествования ветеранов, акценты в образовательных и пропагандистских материалах, советская и современная кинопродукция, транслируемая телевидением, содержание интернет-ресурсов и др.); процессы изменения в содержании памяти: реакция публики на новую информацию о событиях войны, на открытие архивов, на трактовки «с другой стороны»; процессы избирательного забывания информации благодаря механизму копинга, а также усилия СМИ по намеренному забвению отдельных эпизодов и фактов.

Коллективная память о победе спустя 70 лет обрела новые черты и, согласно существующим в науке теоретическим положениям, актуализируется на новом уровне в соответствии с запросами, потребностями, коллективными чувствами и эмоциями, свойственными сегодняшней жизни социальных групп. В сложившейся традиции изучения коллективных воспоминаний преобладает констатирующий взгляд на эти феномены как на статические явления, которые нужно зафиксировать в данный момент времени. Предлагаемый нами подход заключается в акцентировании процессуальной стороны коллективной памяти. По аналогии с индивидуальной памятью мы предполагаем существование процессов запечатления, сохранения, воспроизведения и забывания через вытеснение. Разумеется, аналогия остается номинальной, так как коллективная память, будучи феноменом, атрибутируемым в современной социальной психологии, прежде всего, большим социальным группам, обладает особым набором свойств, качеств, обуславливается особыми факторами и управляется специфическими механизмами. Между тем наши предыдущие исследования позволяют утверждать, что возможен анализ целенаправленного конструирования образов коллективной памяти, поддержания ее определенных смысловых элементов за счет планируемой мемори-

зации, пропагандистской работы, а также стихийных процессов в психологии самих групп. В эмпирических данных можно также наблюдать и процесс спонтанного забывания «ненужных» фактов, травмирующих событий некоторыми группами общества и намеренное замалчивание исторических эпизодов и личностей в политических или иных целях. Раскрытие особенностей этих процессов и механизмов по отношению к событиям и итогам Великой Отечественной войны может внести вклад в разработку концепции коллективной памяти.

Великая Отечественная война многие годы остается историческим событием, прочно занимающим лидирующее положение в ряду самых значительных событий российской истории, по опросам населения. Между тем, в отечественном политическом дискурсе трактовки значения Победы менялись в течение последних десятилетий. Если сразу после войны 9 мая был объявлен праздничным днем, то пару лет спустя И. В. Сталин изменил свое отношение к ветеранам (имевшим высокий статус в обществе) и праздник Победы был отодвинут на второй план, а приоритет отдавался празднованию 1 мая. С середины 1960-х годов с приходом к власти Л. И. Брежнева День Победы вновь провозглашается первым по значению государственным праздником. Подчеркиваются военные заслуги самого генерального секретаря КПСС. Вновь вспоминают героев и ветеранов войны. В политике М. С. Горбачева при сохранении уважения к празднику Победы ее (прежде, безусловно, позитивное) значение для стран Восточной Европы меняется в соответствии с новой международной политикой КПСС. Либерализация общественного сознания времен Б. Н. Ельцина позволила увидеть свет публикациям, материалам, содержащим прямо противоположные прежним интерпретации войны и победы. Эти колебания политического курса не могли не отразиться как на трактовках войны в учебниках истории, в литературе, так на состоянии умов.

Исходя из концепции Карла Маннгейма (1928), Г. Шуман и Ж. Скотт (1992) показали, что коллективная память о важных политических событиях и социальных изменениях структурирована согласно возрасту и принадлежности к поколению. Мы исходили именно из этого положения. Цель социально-психологического исследования коллективной памяти о войне и победе, проведенного совместно с А. В. Мишариной, мы видели в раскры-

тии не только содержания памяти, что уже делалось в социологических работах, но и ее уровневой структуры, с тем чтобы выявить общее и различное содержание на этих уровнях между поколениями. Мы рассматривали структуру представлений памяти как имеющую два уровня: глубинный, содержащий слабо осознаваемые, зачастую иррациональные элементы, базирующиеся на эмоциональных переживаниях, связанных с войной, и поверхностный уровень. Поверхностный уровень составляют рефлекслируемые, рациональные (или рационализируемые) элементы представления, часто обусловленные социальной желательностью, знаниями, осознаваемыми целями или установками.

Исследование проходило в два этапа. На первом (пилотажном) этапе изучалось содержание коллективных воспоминаний представителей двух возрастных групп – «детей войны», родившихся 1929–1944 гг., их детей и внуков, родившихся в 1960–1978 гг. В пилотажном этапе исследования приняли участие 120 человек (по 60 человек из каждой возрастной группы), группы были выровнены по полу. Респонденты заполняли опросник, содержащий 40 утверждений и 5-балльные шкалы для оценки утверждений, связанных с войной и победой. Оценки по шкалам были обработаны при помощи методики Ж.-К. Абрика с вычислением коэффициента позитивных ответов, проверены на значимость статистических различий между ответами респондентов двух групп с применением непараметрического критерия U Манна–Уитни. Также для уточнения общей картины воспоминаний обеих групп применялся ассоциативный метод (ассоциации на словосочетание «Победа в Великой Отечественной войне»), респондентам было предложено назвать пять ассоциаций на это словосочетание. Совокупность ассоциаций была обработана по методике П. Вержеса (Vergès, 1992), основанной на подсчете рангов и частот ассоциаций.

По итогам первого этапа была откорректирована схема анализа эмпирических данных. Вычисление коэффициентов позитивных ответов позволило выявить те утверждения, которые, по мнению респондентов, в наибольшей степени отражают их представления о победе в Великой Отечественной войне, т. е. относятся к ядерной части представления о победе. Утверждения были сформулированы по итогам предварительного интервью, и делились по содержанию на пять категорий – итоги войны, цена победы, факторы, способствовавшие победе в войне, характер чествования ветеранов

Таблица 35

Структура представлений о победе в войне.
Значимые различия между группами

Категории	Коэффициент позитивных ответов (ТСП)		Значимость различий U Манна–Уитни
	Группа 1 – 1929–1944 г. р.	Группа 2 – 1960–1978 г. р.	
Войну выиграли солдаты за счет своей жажды жить и защитить своих близких	100,0	88,3	$U=1297,5$ $P<0,01$
Ветераны войны достойны лучших условий жизни, чем те, что они сейчас имеют	98,2	100,0	$U=1146$ $P<0,01$
Молодое поколение должно быть воспитано с уважением к подвигу великой победы	98,2	100,0	$U=1142,5$ $P<0,01$
Я горжусь победой в войне	98,2	96,7	
Важное значение победы в войне – уничтожение фашизма	98,2	95,0	
Только самоотверженность и сила духа народа помогли выиграть войну	96,4	96,7	$U=1322$ $P<0,05$
Важный итог Победы – сохранение суверенитета нашей страны и свободы ее народа	98,2	95,0	
Необходимо больше рассказывать о войне, о ее событиях и фактах	89,3	96,7	
Я одобряю парад Победы, так как он позволяет продемонстрировать военную мощь нашей страны	96,4	91,7	$U=1147$ $P<0,01$
Победа в ВОВ оказалась возможной благодаря патриотизму солдат и их любви к Родине	96,4	96,7	$U=1288$ $P<0,05$
Необходимо устраивать больше встреч с ветеранами, где они могли бы рассказывать о своей военной жизни	94,6	96,7	$U=1230,5$ $P<0,01$
Победа в ВОВ закрепила статус супердержавы нашей страны на мировой арене	94,6	93,3	

и события войны. В таблице 35 представлены результаты подсчета коэффициента позитивных ответов для утверждений из списка, вошедших в ядро представлений одной или обеих групп и значимые различия между группами. Жирным шрифтом выделены коэффициенты, соответствующие ядерному элементу представления той или иной группы.

По итогам подсчета коэффициента позитивных ответов для утверждений из списка были определены элементы ядра и периферии представлений каждой из групп респондентов. Обнаружилось, что в обеих возрастных группах структуры ядер представления о войне и победе во многом схожи, но имеются и значимые различия по ряду утверждений. Значимо различаются коэффициенты позитивных ответов по утверждениям: «Войну выиграли солдаты за счет своей жажды жить и защитить своих близких» (у старших оценки выше при $p < 0,01$); «Ветераны войны достойны лучших условий жизни, чем те, что они сейчас имеют» (оценки выше у младших при $p < 0,01$); «Я одобряю парад Победы, так как он позволяет продемонстрировать военную мощь нашей страны» (у старших оценки выше при $p < 0,01$); «Необходимо устраивать больше встреч с ветеранами, где они могли бы рассказывать о своей военной жизни» (выше оценено младшими при $p < 0,01$). В ядре представлений обеих групп представлены идеи о том, что молодое поколение должно быть воспитано с уважением к подвигу народа, об уничтожении фашизма в итоге войны, о значении самоотверженности и силы духа народа, а также патриотизма и любви солдат к Родине. И старшие, и младшие респонденты признают, что гордятся победой в войне. Был также проведен анализ утверждений, оказавшихся на периферии представлений и значимых различий между группами.

Представители младшей группы в большей степени склонны соглашаться с утверждением о том, что «война сопровождалась тиранией властных структур во главе с И. В. Сталиным, людей не жалели и шли на любые жертвы». Эти элементы близки к ядру представлений младшей группы. В то время как представители старшей группы дали низкие оценки этим утверждениям, у них они оказались в дальней периферии представлений, при этом в старшей группе гораздо ближе к ядру такой элемент, как «репрессии и строгая политика в отношении дезертиров и отступающих были необходимым условием победы в войне». Эти различия в коэффициен-

Таблица 36

Периферия представлений о победе в войне. Значимые различия между группами

Наименее популярные элементы	Коэффициент позитивных ответов (ТСП)		Значимость различий U Манна–Уитни
	Группа 1 – 1929–1944 г. р.	Группа 2 – 1960–1978 г. р.	
ВОВ сопровождалась тиранией властей во главе с И. В. Сталиным, людей не жалели и шли на любые жертвы	28,6	75	$U=811$ $P<0,01$
И. В. Сталин – тиран, державший в страхе всю страну	26,8	70	$U=814,5$ $P<0,01$
На мероприятия, связанные с Днем Победы, тратятся большие деньги, которые могли бы послужить лучшим целям	23,2	15	На уровне тенденции $U=1371,5$ $P=0,07$
Победа в ВОВ – заслуга И. В. Сталина	21,4	15	$U=1130$ $P<0,01$
Репрессии и строгая политика в отношении дезертиров и отсутствующих были необходимым условием победы в ВОВ	58,9	20	$U=645,5$ $P<0,01$
ВОВ не могла бы быть выиграна без помощи стран-союзников	14,3	8,3	
Все жертвы ВОВ оправданы победой в ней	32,1	13,3	$U=956$ $P<0,01$

тах респондентов двух групп являются статистически значимыми. Также значимо больше представители старшей группы согласны с тем, что «все жертвы войны оправданы победой в ней». Примечательно, что представители младшей группы крайне редко соглашались с утверждением о том, что «война не могла бы быть выиграна без помощи стран-союзников». Также обе группы не склонны приписывать заслугу в победе военачальникам и командирам.

Стоит отметить, что содержание ядра и периферии представлений характеризуется еще и различием модальности преобладающих элементов. Так, в ядре представлений содержатся в основном эмоционально положительно окрашенные элементы, а в перифе-

рии – нейтральные или негативно окрашенные. Это свидетельствует о преимущественно позитивных чувствах наших респондентов (гордость, уважение к героизму и самоотверженности людей во время войны) и о желании передать следующим поколениям это отношение. При этом только в периферии оказались понятия, связанные с ценой победы (в ядре они отсутствуют).

Для анализа общей картины представлений коллективной памяти была дополнительно использована методика ассоциаций. Респондентам было предложено назвать пять ассоциаций на словосочетание «Победа в Великой Отечественной войне». Полученные ответы были обработаны по методике П. Вержеса, позволяющей выделить ядро и три уровня периферии представления. Частотный контент-анализ ассоциаций респондентов на словосочетание «Победа в Великой Отечественной войне» позволил выявить рейтинг ассоциаций. Первые места в рейтинге занимают широко распространенные, первые пришедшие в голову респондентам слова и словосочетания, составляющие явный, общедоступный (поверхностный) уровень представления. Это такие ассоциации, как «радость», «гордость», «праздник», «парад». При этом только респонденты старшей группы говорили, что победа для них прежде всего связана с возвращением близких домой и восстановлением мирного уклада жизни, в то время как в младшей группе респондентов место таких воспоминаний занимают ассоциации, отражающие уважение к ветеранам, почтительное отношение, чествование их заслуг. Только в ассоциациях младшей группы первые места занимают утверждения о величии и силе русского народа.

Результаты продемонстрировали, что общепринятое содержание представлений коллективной памяти о победе в Великой Отечественной войне в полной мере соответствует официальной точке зрения на это событие. В таблице 37 представлена обобщенная структура представлений на выборке этапа пилотажа.

Ядро представлений составляют позитивно окрашенные элементы, связанные с гордостью, ликованием в связи с победой, благодарностью героям войны и признанием величия народа-победителя. Негативно окрашенные элементы, связанные с горечью утраты, лишениями военного времени оказались лишь в периферии представления. Вероятно, эти элементы представления разделяются меньшинством респондентов. Примечательно, что в струк-

Таблица 37

Структура коллективных воспоминаний о победе в войне

Частота ассоциаций	Средний ранг ассоциации	
	<2,9	≥2,9
≥67	Празднование победы (139; 2,82)	Смерть, цена победы (109; 3,13)
	Счастье (100; 2,59)	Скорбь, горечь потерь (70; 3,04)
	Гордость (92; 2,23)	Мир (43; 3,65)
	Величие и сила народа (75; 2,78)	
	Ветераны, признание (76; 2,8)	
<67	Победа (34; 1,85)	Ордена, памятники (64; 3,2)
	Патриотизм (22; 2,1)	Восстановление после войны (32; 3,34)
		Объявление Левитана (25; 2,92)
		Знамя над Рейхстагом (25; 3,4)

Примечание: Первая величина в скобках обозначает частоту ассоциации, вторая – ее средний ранг.

туре и содержании представлений у респондентов разных типов принципиальных различий не было обнаружено. Исключение составил тип «Гуманист», в ядре его представлений присутствуют с большой частотой ассоциации с фильмами о войне, художественными произведениями, объявлением Левитана по радио. Восприятие войны через призму образов художественных произведений, звуковых образов вполне соответствует сочувствующему, эмоциональному отношению этого типа респондентов к событиям и жертвам войны. Подобная однородность содержания представлений, выявленная с помощью метода ассоциаций, позволяет думать о смысловом наполнении представления как об общепринятом и разделяемом большинством граждан. Ассоциации, данные на словосочетание «Победа в Великой Отечественной войне» отразили закрепленный в массовом сознании образ.

На основном этапе исследования на расширенной выборке изучались структура и содержание коллективной памяти о Великой Отечественной войне и победе представителей четырех возрастных групп – «дети войны» 1929–1944 гг. рождения, поколение первых послевоенных лет – 1945–1959 гг. рождения, их дети и внуки 1960–

1978 гг. рождения и молодежь, родившаяся в 1979–1995 гг. В исследовании приняли участие 300 респондентов (по 75 чел. из каждой возрастной группы), группы выровнены по полу с небольшим преобладанием женщин в старших группах, всего 132 мужчин и 168 женщин. Задачами исследования были: уточнение содержания представлений памяти на расширенной выборке и выявление типов респондентов с различными представлениями о победе в войне методом кластерного анализа; сравнение эмпирически выявленных типов по социально-демографическим характеристикам их представителей – полу, возрасту, уровню дохода и образования и социально-психологическим особенностям – содержанию ядра и периферии их представлений об итогах войны; выявление глубинных, эмоционально насыщенных компонентов представлений о победе в Великой Отечественной войне с помощью психологического рисунка для каждого из обнаруженных типов респондентов.

На основном этапе исследования респондентам предлагался блок методик, состоявший из пяти заданий. В их числе 5-балльные шкалы для оценки 40 утверждений, связанных с итогами войны (предполагалось, что оценка утверждений позволит выявить поверхностный, обусловленный социальной желательностью уровень представлений памяти), психологический рисунок на тему «Ветеран войны» (это предположительно предоставит данные о глубинном, менее контролируемом уровне в структуре представлений памяти). Оценка рисунков производилась с использованием разработки «Рисунок человека» (Маховер, 2009) по нескольким параметрам – предметное содержание рисунка (сюжет, возраст персонажей рисунка, атрибутика и др.), преобладающий эмоциональный тон, используемые цвета, характер линий, расположение рисунка на листе и т. п., а также сведения респондента о себе. Математико-статистическая обработка данных осуществлялась при помощи метода иерархического кластерного анализа, вычисления средних величин, значимых различий с использованием статистического пакета Statistica 6.1.

Вычисление коэффициентов позитивных ответов (ТСП) позволило выявить наиболее высоко оцениваемые утверждения для каждого типа респондентов. Данные шкальных оценок, обработанные по методике Ж.-К. Абрика, подтвердили результаты, полученные на пилотажном этапе. Массив оценок по шкалам был подвергнут

процедуре кластерного анализа, позволившей выделить пять эмпирических типов респондентов, различных по своим представлениям о победе в Великой Отечественной войне. Данные проверены на значимость статистических различий между ответами респондентов четырех групп при помощи непараметрического критерия U Манна–Уитни.

По результатам кластерного анализа нами были выделены пять эмпирических типов респондентов, разделяющих те или иные представления о победе в Великой Отечественной войне: «Гуманист», «Сталинист», «Соглашатель», «Государственник», «Скептик» (таблица 38).

Таблица 38

Характеристики респондентов-носителей разных представлений о войне

Тип	Доля респондентов разного пола (в %)		Доход респондентов	Уровень образования
	Жен.	Муж.		
1. Гуманист	58	42	Средний и выше среднего	Высшее и среднее специальное
2. Сталинист	44	56	Средний, выше и ниже среднего	Высшее
3. Соглашатель	67	33	Ниже среднего	Высшее и среднее специальное
4. Государственник	43	58	Ниже среднего	Высшее и среднее специальное
5. Скептик	74	26	Высокий	Высшее

Из таблицы 38 видно, что состав респондентов по половому признаку и по уровням образования и дохода типов различен. Среди «Сталинистов» и «Государственников» преобладают мужчины, а среди «Гуманистов», «Соглашателей» и «Скептиков» — женщины. Высокий доход характерен только для «Скептиков», среди них исключительно лица с высшим образованием. Ниже среднего доход у «Соглашателей» и «Государственников». Высшее и среднее специальное образование характерно для всех типов респондентов. На рисунке 32 представлены доли респондентов разных поколений внутри кластеров.

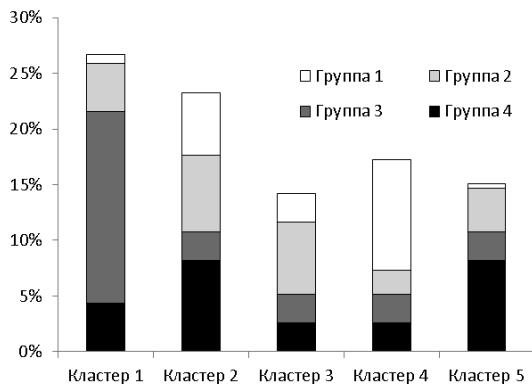

Рис. 32. Доли представителей возрастных когорт в каждом из пяти типов респондентов (в процентах от общего количества респондентов).
 Группа 1: 1929–1944 гг. рож.; группа 2: 1945–1959 гг. рож.; группа 3: 1960–1978 гг. рож.; группа 4: 1979–1995 гг. рож.

Таким образом, самая старшая группа («дети войны», 71–86 лет) преимущественно наполняет четвертый тип, группа более молодых пенсионеров (50–70 лет) разделилась и относится частично ко второму типу и на 45% – к третьему типу. Группа среднего возраста (37–55 лет) на 65% составляет первый тип, а молодежь (19–36 лет) – пятый. Рассмотрим содержание коллективных воспоминаний о победе и итогах войны у представителей каждого из обнаруженных типов. При анализе коэффициента позитивных ответов было обнаружено, что существует ряд утверждений, в оценке которых представители всех типов практически солидарны друг с другом. Все эти утверждения имеют очень высокие (от 70 до 100) коэффициенты у представителей разных типов: «Ветераны войны достойны лучших условий жизни, чем те, что они сейчас имеют», «Важный итог победы – сохранение суверенитета нашей страны и свободы ее народа» и «Важное значение победы в войне – уничтожение фашизма», «Я горжусь победой в Великой Отечественной войне», «Необходимо больше рассказывать о войне, о ее событиях и фактах» и «Молодое поколение должно быть воспитано с уважением к подвигу великой победы».

В то же время оценки ряда утверждений обнаруживают характерные отличия у представителей эмпирически выделенных пяти типов респондентов.

Тип 1 «Гуманист»

Первый тип респондентов представлен преимущественно респондентами среднего возраста (37–55 лет), практически в равной пропорции мужчинами и женщинами с небольшим преобладанием женщин. К этому типу относятся респонденты с высшим и средним специальным образованием, разных уровней дохода, с преобладанием среднего дохода и выше среднего на члена семьи.

С одной стороны, представители этого типа положительно относятся к чествованию победы в войне и высоко ценят ее достижения – очень высоки коэффициенты позитивных оценок по утверждениям «Я одобряю парад Победы, так как он позволяет продемонстрировать военную мощь нашей страны» (ТСР=96,77); «Победа в Великой Отечественной войне закрепила статус супердержавы нашей страны на мировой арене» (ТСР=96,8). В то же время эти респонденты осуждают жесткий стиль высшего командования во времена войны, приведший к многомиллионным жертвам. По сравнению с другими группами максимально высокие оценки были даны утверждениям «Наш народ заплатил слишком высокую цену за победу в войне» (ТСР=98,38); «И. В. Сталин – тиран, державший в страхе всю страну» (ТСР=80,65); «Великая Отечественная война сопровождалась тиранией правительства во главе с И. В. Сталиным, людей не жалели и шли на любые жертвы» (ТСР=77,4); «СССР не столько освободил европейские страны, сколько установил там собственный тоталитарный режим» (ТСР=32,2). Наибольшее несогласие респонденты этой группы выразили с утверждениями, оправдывающими потери в войне: «Репрессии и строгая политика в отношении дезертиров и отступающих были необходимым условием победы в войне» (ТСР=6,45); «Все жертвы войны оправданы победой в ней» (ТСР=1,6); «И. В. Сталин – мудрый стратег и идейный вдохновитель победы в Великой Отечественной войне» (ТСР=6,45). Только в рамках этого типа ни один респондент не согласился с утверждением «Победа в Великой Отечественной войне – заслуга И. В. Сталина» (ТСР=0).

Респонденты данного типа недовольны и сегодняшними решениями правительства относительно чествования ветеранов войны: эти респонденты максимально согласны с утверждениями «На местах часто не исполняются указания правительства по помощи ветеранам войны» (ТСР=93,54). Также они в наименьшей степени

(по сравнению с другими группами) согласны с утверждениями: «В нашей стране День Победы отмечается с должными почестями» (ТСР=62,9); «Правительство сделало все возможное, чтобы помочь ветеранам войны» (ТСР=4,83). Рисунки представителей типа «Гуманист» отражают позитивное восприятие героев войны – рисунки выполнены светлыми яркими красками, не содержат агрессивных и трагических сюжетов. Эмоциональный тон – радость либо тихая грусть. В части рисунков прославляется подвиг и заслуги ветерана – изображен салют, ветеран в парадном мундире с орденами, пожилой ветеран на прогулке с внуком (см., напр., рисунок 33). Другая часть рисунков выражает сожаления о жертвах войны – на них часто изображен ветеран в инвалидном кресле или солдат, возлагающий цветы на могилу павших (рисунок 34). Большинство рисунков гармоничны по оформлению – фигуры достаточно крупные, занимают большую часть листа, размещены в центре, что свидетельствует о внимательном и сочувственном отношении представителей этого типа респондентов к ветеранам.

Тип 2 «Сталинист»

Второй тип характеризуется смешанным поколенческим составом респондентов – в нем почти в равной пропорции есть «дети войны» 71–86 лет (24%), более молодые пенсионеры 56–70 лет (30%)

Рис. 33. Ветеран с внуком (респондент – женщина, 41 год)

Рис. 34. У могилы ветерана (респондент – мужчина, 37 лет)

и молодежь 19–35 лет (35%). Среди представителей этого типа несколько преобладают мужчины (56%), уровень образования в основном высший, уровень дохода различный – средний, ниже и выше среднего.

Эти респонденты высказывают удовлетворенность сложившимся порядком чествования победы – они дали максимальную по сравнению с другими типами оценку утверждениям «В нашей стране День Победы отмечается с должными почестями» (ТСР=98,14); «Я одобряю парад Победы, так как он позволяет продемонстрировать военную мощь нашей страны» (ТСР=98,14). Этот тип продемонстрировал наибольшую степень согласия (в сравнении с другими) с утверждением «Правительство сделало все возможное, чтобы помочь ветеранам войны» (ТСР=38,8), в то время как в остальных типах респонденты практически не соглашались с ним (ТСР=2,8–15). Ниже, чем респонденты других типов, «Сталинисты» оценили утверждения «Мероприятия чествования победы в Великой Отечественной войне слишком пафосные и глянцевые, в них не хватает серьезности, скорби» (ТСР=14,8); «Мне не хватает информации о событиях Великой Отечественной войне» (ТСР=12,96); «На мероприятия, связанные с Днем Победы тратятся большие деньги, которые могли бы послужить лучшим целям» (ТСР=11,1).

Респонденты этого типа поддерживают жесткие меры правительства во время войны и видят в них важное условие победы: высокие оценки даны утверждениям «Репрессии и строгая политика в отношении дезертиров и отступающих были необходимыми условиями победы» (ТСР=61,7); «Все жертвы Великой Отечественной войны оправданы победой в ней» (ТСР=38,8); одна из самых низких оценок дана утверждению: «И. В. Сталин – тиран, державший в страхе всю страну» (ТСР=24,07). Рисунки представителей типа «Сталинист» разительно отличаются от других – они выполнены в лаконичном стиле, графично, одноцветно оформлены. Большинство рисунков имеют сдержанную эмоциональную окраску, персонаж чаще всего представлен в виде бойца на поле боя (рисунок 35), сосредоточенного, включенного в борьбу. Часть рисунков демонстрирует пожилого ветерана – он одинок, изображен с явными признаками преклонного возраста, в большинстве случаев он в форменной одежде, есть один портрет маршала со звездами на погонах (рисунок 36). В отличие от рисунков первой группы ветеран не окружен внуками, не проявляет эмоций, а наоборот, выглядит не столько празднично, сколько по-военному собранно.

Рис. 35. Боец (респондент – мужчина, 72 года)

Рис. 36. Маршал Жуков (респондент – женщина, 52 года)

Тип 3 «Соглашатель»

Третий тип представлен преимущественно группой пенсионеров 56–70 лет (45%). Остальные три поколенческие когорты представлены в нем в равной мере по 15–20%. На 67% это женщины, образование преимущественно среднее специальное, уровень дохода – ниже среднего. Респонденты этого типа высказали согласие практически со всеми предложенными утверждениями, в том числе и с противоречащими друг другу; с одной стороны, эти респонденты чаще любого другого типа соглашались с утверждением «С учетом масштаба потерь и последствий войны не вижу повода гордиться победой» (ТСР=27,27), но в то же время они же чаще всего соглашались с утверждением «Все жертвы войны оправданы победой в ней» (ТСР=38,8).

Преимущественно представления этого типа о победе связаны с традициями чествования, и их оценки – максимальные оценки в этом типе – получили утверждения «Необходимо устраивать больше встреч с ветеранами, где они могли бы рассказать о своей военной жизни» (ТСР=100); «Я одобряю парад Победы, так как он

позволяет продемонстрировать военную мощь нашей страны» (ТСР=100); «В нашей стране День Победы отмечается с должными почестями» (ТСР=90,9) и в то же время: «Сегодня налицо обесценивание победы – люди забывают о ее идейной сути» (ТСР=90,9). Противоречие наблюдается и в оценке деятельности И. В. Сталина – сравнительно высокие оценки респонденты этого типа дали и утверждению: «И. В. Сталин – мудрый стратег и идейный вдохновитель победы» (ТСР=75,7), и «Великая Отечественная война сопровождалась тиранией правительства во главе с И. В. Сталиным, людей не жалели и шли на любые жертвы» (ТСР=78,8). Рисунки респондентов типа «Соглашатель» характеризуются большим количеством клише и штампов, многие из них воспроизводят открыточные сюжеты – салют, виды парада, солдат с букетом цветов, иногда просто медали и знаки отличия (рисунок 37). Лица самих героев часто схематичны, отчего рисунки оказываются эмоционально нейтральными, что отражает противоречивую, неопределенную позицию этого типа респондентов (рисунок 38).

Тип 4 «Государственник»

Представители данного типа – в основном самая старшая группа, «дети войны» 71–86 лет (58%). Остальные три поколенческие группы представлены в равной мере по 10–15%. В основном респон-

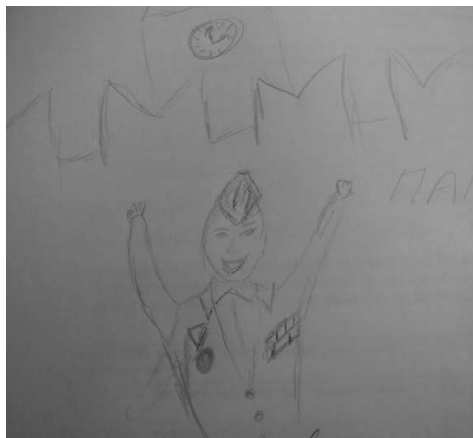

Рис. 37. Праздник победы (респондент – женщина, 72 года)

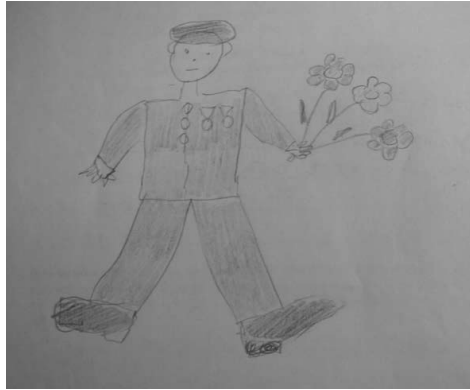

Рис. 38. Ветеран с цветами (респондент – женщина, 47 лет)

денты этого типа мужчины (58%), образование – среднее и среднее специальное, уровень дохода – ниже среднего.

Представители этого типа одобряют политику руководства страны во время войны и гордятся ее итогами: самые высокие по сравнению с другими типами оценки они дали утверждениям: «И. В. Сталин – мудрый стратег и идейный вдохновитель победы» (ТСР=82,5); «Важно, что в результате победы в Великой Отечественной войне были расширены территории нашей страны» (ТСР=80). Минимально их согласие с утверждением: «Война сопровождалась тиранией правительства во главе с И. В. Сталиным, людей не жалели и шли на любые жертвы» (ТСР=5); «И. В. Сталин – тиран, державший в страхе всю страну» (ТСР=20). Респонденты этого типа в минимальной степени сожалеют о потерях и утратах за годы войны – они дали наименьшие оценки утверждениям: «В итоге войны наша страна понесла экономические, материальные и демографические потери, значительно замедлившие ее развитие на долгие годы» (ТСР=22,5); «Победа в Великой Отечественной войне навсегда останется в истории скорее трагическим, чем героическим событием» (ТСР=5). Только в этом типе никто из респондентов не согласился с утверждением: «С учетом масштаба потерь и последствий войны не вижу повода гордиться победой» (ТСР=0). Рисунки представителей типа «Государственник» достаточно нейтральны по своему эмоциональному тону. В предметном отношении они различны, но по содержанию традиционны и порой шаблонны –

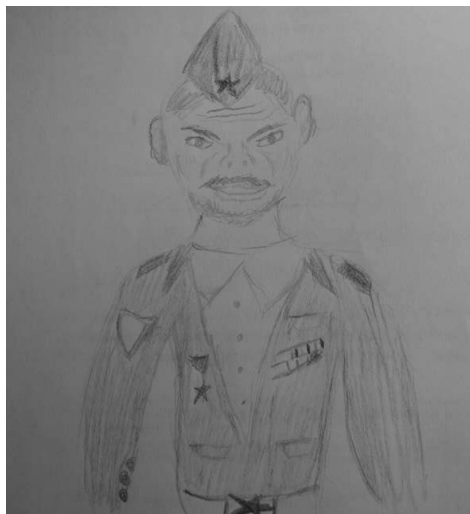

Рис. 39. Солдат с наградами (респондент – женщина, 73 года)

сцены парада, ветеран, окруженный внуками, преобладающий сюжет – солдат в форме (рисунок 39).

Тип 5 «Скептик»

Пятый тип преимущественно объединяет представителей самой молодой группы (54%) и на две трети – это девушки. Практически все респонденты этого типа имеют высшее образование и высокий уровень дохода. Отмечается, что этот тип демонстрирует наиболее специфическое содержание представлений об итогах войны и праздновании победы. В ядре представлений их коллективной памяти наибольшее количество негативно окрашенных, критических элементов. Только у респондентов этого типа в ядре представлений находятся такие элементы, как «Война сопровождалась тиранией правительства во главе с И. В. Сталиным, людей не жалели и шли на любые жертвы» (ТСР=85,7); «Нам не хватает понимания и осознанности в праздновании победы» (ТСР=85,7).

Респонденты этого типа осмысливают победу через масштаб потерь и трагичность последствий: «Прежде всего, Великая Отечественная война – это трагедия, связанная с потерей близких,

затронувшая каждую семью» (ТСР=82,8); «Наш народ заплатил слишком высокую цену за Победу в войне» (ТСР=85,5); «В итоге Великой Отечественной войне наша страна понесла экономические, материальные и демографические потери, значительно замедлившие ее развитие на долгие годы» (ТСР=82,8). У представителей этого типа коэффициенты позитивных оценок ниже, чем у других респондентов, представивших утверждения патриотического характера: «Я одобряю парад Победы, так как он позволяет продемонстрировать военную мощь нашей страны» (ТСР=20); «Я горжусь победой в войне» (ТСР=71,4); «Только самоотверженность и сила духа народа помогли выиграть войну» (ТСР=77,14); «Победа в Великой Отечественной войне оказалась возможной благодаря патриотизму солдат и их любви к Родине» (ТСР=68,57). Нужно заметить, что у респондентов остальных типов коэффициенты позитивных оценок по этим утверждениям имеют высший балл – 100. Рисунки пятого типа «Скептик» также значительно отличаются от остальных. Их эмоциональный фон преимущественно негативен, линии резкие, много черных, красных красок. Сюжет рисунков в полной

Рис. 40. Солдат, гибнущий в бою (респондент – женщина, 24 года)

Рис. 41. Ветеран в гробу (респондент – женщина, 39 лет)

мере отражает содержание представлений этой группы – разруха в доме ветерана, страшные картины поля боя (рисунок 40). Ветеран предстает на этих рисунках изможденным, печальным, а иногда и в гробу (рисунок 41).

Для анализа общей, разделяемой всей выборкой респондентов картины представлений коллективной памяти была дополнительно использована методика ассоциаций. Респондентам было предложено назвать пять ассоциаций на словосочетание «Победа в Великой Отечественной войне». Полученные ответы были обработаны по методике П. Вержеса, позволяющей выделить ядро и периферию социального представления. Результаты продемонстрировали, что общепринятое содержание представлений коллективной памяти о победе в Великой Отечественной войне в полной мере соответствует официальной точке зрения на это событие. Ядро представлений составляют позитивно окрашенные элементы, связанные с гордостью, ликованием в связи с победой, благодарностью героям войны и признанием величия народа-победителя. Негативно окрашенные элементы, связанные с горечью утраты, лишениями военного времени оказались лишь в периферии представления. Вероятно, эти элементы представления разделяются меньшинством респондентов. Примечательно, что в структуре и содержании представлений у респондентов разных типов принципиальных различий не было обнаружено. Исключение составил тип «Гуманист», в ядре его представлений присутствуют с большой частотой ассоциации с фильмами о войне, художественными произведениями,

объявлением Левитана по радио. Восприятие войны через призму образов художественных произведений, звуковых образов вполне соответствует сочувствующему, эмоциональному отношению этого типа респондентов к событиям и жертвам войны. Подобная однородность содержания представлений, полученная с помощью метода ассоциаций, позволяет думать о смысловом наполнении этого уровня представления как об общепринятом и разделяемом большинством граждан. Ассоциации, данные на словосочетание «Победа в Великой Отечественной войне», отразили закрепленный в массовом сознании образ.

Проведенное исследование продемонстрировало ключевые элементы и спектр вариативности коллективных воспоминаний, связанных с войной и победой в ней. Результаты обнаруживают наиболее спорные моменты в социальных репрезентациях – оценку политики И. В. Сталина, оправданность/неоправданность жертв войны, адекватность/неуместность сегодняшних традиций чествования ветеранов войны. При этом, по данным ассоциативного метода, обращает на себя внимание слабая гуманитарная составляющая репрезентаций войны, отражающая ее человеческий трагизм. Выделение типов респондентов позволило, с одной стороны, определить наиболее ярко выраженные в обществе точки зрения, а с другой стороны, продемонстрировало характерные черты социально-психологического «портрета» каждого типа респондентов: их представления об итогах войны, их возрастную принадлежность, финансовый статус, уровень образования. Характерно, что в каждом типе преобладают респонденты из определенной возрастной когорты, что можно объяснить особенностями их политической социализации. Тем не менее остается ряд убеждений интегрирующего характера, лежащих в основе представлений о победе в войне у всех типов респондентов – ключевая роль народа в победе, важность большей заботы о ветеранах. Значимость победы в построении национальной идентичности проявляется в отказе респондентов соглашаться с утверждением, что количество жертв Великой Отечественной войне делает ее скорее поводом для скорби, чем для гордости. Даже в самой скептически настроенной группе лишь немногие соглашаются с преобладанием трагедийного тона в оценке итогов войны, а абсолютное большинство респондентов убеждены в том, что, несмотря на «высокую цену», победа в войне остается героическим событием, требующим

ВОВ – важнейшее событие в коллективной памяти россиян

должного ознаменования и передачи памяти о ней последующим поколениям.

Таким образом, исследование продемонстрировало ключевые элементы и спектр вариативности коллективных воспоминаний, связанных с войной и победой в ней. Результаты обнаруживают наиболее спорные моменты в социальных репрезентациях – оценку политики И. В. Сталина, оправданность/неоправданность жертв войны, адекватность/неуместность существующих традиций чествования ветеранов войны. При этом, по данным ассоциативного метода, обращает на себя внимание слабая гуманитарная составляющая репрезентаций войны, отражающая ее человеческий трагизм. Выделение типов респондентов позволило, с одной стороны, увидеть наиболее ярко выраженные в обществе различные точки зрения, а с другой стороны, продемонстрировало характерные черты социально-психологического «портрета» каждого типа респондентов: их представления об итогах войны, их возрастную принадлежность, финансовый статус, уровень образования. Характерно, что в каждом типе преобладают респонденты из определенной возрастной когорты, что можно объяснить особенностями их политической социализации. Тем не менее остается ряд убеждений интегрирующего характера, лежащих в основе представлений о победе в войне у всех типов респондентов – ключевая роль народа в победе, важность большей заботы о ветеранах. Значимость победы в построении национальной идентичности видна в подавляющем отказе респондентов соглашаться с утверждением, что «количество жертв Великой Отечественной войне делает ее скорее поводом для скорби, чем для гордости». Даже в самой скептически настроенной группе лишь немногие соглашаются с преобладанием трагедийного тона в оценке итогов войны, а абсолютное большинство респондентов демонстрируют убежденность в том, что, несмотря на ее «высокую цену», победа в войне остается героическим событием, требующим должного ознаменования и достойной передачи памяти о ней последующим поколениям. Можно однозначно заключить, что Победа по-прежнему является фактором объединения общества, несмотря на существование различий в репрезентациях, в целом все рассмотренные поколенческие группы единодушны в своих чувствах гордости за народ, победивший нацизм, в стратегии патриотического воспитания младших поколений, в уважении ветеранов и в необходимости большей заботы о них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Знание о психической жизни больших групп людей стало актуальным, востребованным обществом. Введение в научный оборот терминов «коллективная амнезия», «мнемонические войны», «социальная ностальгия», «преодоление прошлого», «контрвоспоминания» и др., а также методических приемов: биографического, нарративного, «oral history», «case-study» – все это существенно меняет ландшафт социальных наук, разворачивая исследователей к проблематике групп, взаимодействий, массовых социальных явлений. XX в. породил у многих народов и наций коллективные травмы (мировые войны, революции, нацизм и др.) и тяжелые воспоминания, что, по-видимому, спровоцировало всплеск интереса к мнемоистории, т. е. к тому, как вспоминается история.

Коллективную память со своих позиций описывают историки, философы, политологи, социологи, культурологи, что породило своего рода методологическую неопределенность в понимании самого феномена. Разнообразие его обликов порой создает впечатление неуловимости сути явления. На наш взгляд, именно социальная психология в состоянии предложить как концептуальную модель онтологии коллективной памяти, так и операционализацию соответствующего понятия, исходя из методологии психологической науки. Исследования, проведенные отечественными и зарубежными социальными психологами начиная с 1990-х годов позволяют наметить рамки такой модели, включающей основные факторы, механизмы и процессы коллективной памяти.

В наших исследованиях, представленных в главах 3–5, мы, развивая логику предшествующих работ, сфокусировали свой исследовательский интерес прежде всего на проблемах факторов, опре-

Заключение

деляющих содержание коллективной памяти. Так, при анализе содержания коллективных воспоминаний об исторических личностях прошлого России ведущим фактором, определяющим различия в критериях оценивания исторических персонажей, оказался фактор принадлежности определенному поколению — младшая группа респондентов (студенты) — оценивала исторических деятелей по критериям силы и могущества, в то время как представители поколения дедов давали оценки с точки зрения полезности и блага. Кроме того, оценки старшего поколения были более единодушными и категоричными, тогда как представления студентов отличались скепсисом, сомнением и неуверенностью в своих знаниях о событиях войны.

Имел значение и фактор материальной обеспеченности респондентов: респонденты с низким доходом значимо чаще давали позитивные оценки личности В. И. Ленина. Поколенческий фактор ярко проявился в исследовании содержания коллективной памяти о войне: представители поколения ветеранов и студенты по-разному представляют себе роль И. В. Сталина в победе, степень неожиданности вторжения Германии для советского руководства (ветераны вспоминают, что оно было внезапным), уровень военного командования первых месяцев войны (критикуемый студентами). В конструировании образов коллективной памяти о войне, а также о различных периодах советского прошлого проявилось влияние и таких факторов, как уровень образования в памяти об итогах войны (параграф 5.4) и политические предпочтения в воспоминаниях о значимых фигурах прошлого (параграф 3.2). Фактор принадлежности к тому или иному социальному слою общества оказался важным в содержании коллективных воспоминаний о разных периодах советской истории: представители рабочих, интеллигенции, неработающих пенсионеров, безработных и студентов делали различные смысловые акценты в своих воспоминаниях. Заметным фактором стала и принадлежность респондентов к той или иной культуре. Французы русского происхождения, в детстве эмигрировавшие во Францию, по сравнению с российскими ветеранами того же возраста давали принципиально другие трактовки в своих воспоминаниях начала Великой Отечественной войны (параграф 5.2).

Особенности ментальности социальных групп в рамках российского общества мы также рассматриваем как один из важней-

Заключение

ших факторов конструирования воспоминаний. В наших исследованиях обнаружались такие политико-экономические векторы, как консерватизм/либерализм, этатизм/гуманизм, почвенничество/западничество, глобализм/национализм, авторитаризм/демократизм, определяющие логику появления типов респондентов-носителей разных по содержанию воспоминаний коллективной памяти. Закономерности преобладания тех или иных векторов мы объясняем политическим контекстом периода проведения исследования. Контекстуальность содержания коллективной памяти — одна из важнейших ее особенностей, делающая память феноменом подвижным, изменчивым и динамичным, что провоцирует явления, иногда воспринимаемые как искажения, фальсификации, которые, на самом деле, являются закономерными артефактами.

Результаты наших исследований проливают свет на такие социально-психологические параметры коллективной памяти, как ее процессы, механизмы и функции. Процессы активного запечатления и сохранения таких событий, как Великая Отечественная война и первый полет человека в космос, были подтверждены желанием большинства респондентов сделать их достоянием памяти своих детей (подробнее об этом в параграфе 4.1). Процессы забвения изучались на примере «упущения» респондентами из перечня значимых событий истории России участия в Первой мировой войне, войны с Японией, татаро-монгольского нашествия и некоторых других военных событий, не принесших славы российскому государству в отличие от Великой Отечественной войны. Логика работы механизма вытеснения близка той, что действует в индивидуальной памяти, с дополнением влияния культурного, политического и ситуационного контекстов.

Некоторую ясность в понимание механизмов коллективной памяти вносят результаты изучения привлекательности разных периодов истории СССР. Респонденты разных слоев общества вспоминают как наиболее благополучные по избранным ими критериям те периоды, когда фрустрированные в момент исследования потребности этой социальной группы удовлетворялись в наибольшей степени (подробнее см. параграф 4.2), поскольку люди склонны свои актуальные проблемы мысленно «примерять» на прошлое и идеализировать его. Это механизм переноса, связанный с известным эффектом поиска «золотого века».

Заключение

Наши данные свидетельствуют также о работе механизма психологической защиты, под действием которого в обыденном политическом сознании сохраняются «фантомы», призванные эмоционально сгладить негативные переживания прошлого или помочь проигнорировать противоречащую прежней информации о прошлом и создать психологическую опору в настоящем. Результаты анализа воспоминаний о первых тяжелых месяцах войны в группе российских ветеранов обнаруживают прямое повторение политических клише и трактовок причин трагической ситуации отступления Красной Армии, бытовавших во времена их молодости, несмотря на факты, свидетельства и современные выводы историков. Названные механизмы призваны обеспечить выполнение коллективной памятью определенных функций в системе менталитета общества: поддержания позитивной социальной идентичности групп, построения людьми интерпретаций происходящего в политической жизни, конструирования образов современных политических деятелей, реконструкции прошлого в соответствии с целями настоящего в жизни группы, стабилизации эмоционального состояния коллективных субъектов в условиях ментального диссонанса и противоречивости информации, компенсации неопределенности будущего за счет опоры на образы прошлого и др. Проведенные с 1994 г. по 2015 г. автором и под руководством автора исследования коллективной памяти относительно переломных событий истории России и исторических персонажей, ассоциированных с ними, позволили обозначить конкретные элементы представлений коллективной памяти и их связи с идентичностью выделенных групп, с их актуальными политическими установками, уровнем социальной фрустрированности групп и другими социально-психологическими феноменами.

Коллективная память является важнейшим фактором построения людьми интерпретаций происходящего в политической жизни, создания образов политических деятелей, поскольку именно коллективная память дает своего рода «точки отсчета», исторические образцы, предлагает ассоциации с событиями и деятелями прошлого. Открываются большие перспективы ее социально-психологического изучения. Важными остаются вопросы о месте коллективной памяти в ряду других компонентов ментальности больших групп, о ее зависимости от ценностей культуры, о ее влиянии на конструируемые социальные представления актуальных

Заключение

событий, о воздействии коллективной памяти на построение образа будущего, о связи ее содержания с актуальными для общества политическими антиномиями и др. Недостаточно изученными остаются механизмы конструирования коллективной памяти, специальной разработки требует идея об их близости к механизмам мифотворчества с созданием образов героев и злодеев, борьбы добра и зла и других элементов мифотворчества (например, в логике бинарных оппозиций, по К. Леви-Строссу). Дальнейшая разработка теоретических подходов, эмпирических методов, применение более совершенных статистических процедур анализа данных позволят приблизиться к разработке теоретических моделей и созданию программ эмпирического социально-психологического изучения коллективной памяти.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова Е. А.* Коллективная память в городском пространстве // Новое литературное обозрение. 2011. № 6. С. 483–487.
- Адорно Т.* Что значит «проработка прошлого» // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ado4.html> (дата обращения: 21.07.2018).
- Андреева Г. М.* Психология социального познания. М.: Аспект-Пресс, 2005.
- Аникин Д. А.* Коллективная память религиозных сообществ в эпоху глобализации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. «Гуманит. науки». 2015. № 1. С. 7–15.
- Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук (1971–2006). Вып. 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Т. И. Артемьева. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук (2007–2015). Вып. 2 / Автор-сост. Т. И. Артемьева; отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Арнаутова Ю. А.* Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 47–55.
- Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Афанасьева А. И., Меркушин В. И.* Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социс. 2005. № 11. С. 29–36.

- Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998.
- Белинская Е. П.* Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. № 8 (40). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 09.06.2017).
- Быкова С. И.* «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных материалах НКВД // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. С. 38–54.
- Васильев А. Г.* Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / Отв. ред. Д. Л. Спивак. М.: Новый хронограф: Эйдос. Т. 6: Культурное наследие: От прошлого к будущему. 2009. С. 56–68.
- Васильев А. Г.* Воплощенная память: коммеморативный ритуал в социологии Э. Дюркгейма // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 2. С. 141–167.
- Васильева Е. О.* Роль практик коммеморации в процессах организации социального пространства современного искусства // Власть. 2009. № 6. С. 40–43.
- Верч Дж.* Коллективная память // Междисциплинарные исследования памяти / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Корж. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009а. С. 33–46.
- Верч Дж.* Национальные нарративы и консервативная природа коллективной памяти // Междисциплинарные исследования памяти / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Корж. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009б. С. 47–57.
- Виноградов А. В., Плейджер А. Л.* Нарративные источники в исследовании менталитетов // Современные проблемы российской ментальности / Отв. ред. В. Е. Семенов. СПб.: Астерион, 2005. С. 23–25.
- Вишневский Ю. Р., Ружа В. А.* Представления российских студентов о Великой Отечественной войне: 5 лет спустя // Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданственности / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневского. Екатеринбург: УрФУ, 2011. С. 93–100.
- Волков Е. В.* Белое движение в культурной памяти советского общества: эволюция «образа врага»: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Челябинск, 2009.

Литература

- Волков Е. В.* Образы Сталинградской битвы в советском художественном кино // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 128–151.
- Выготский Л. С.* Мышление и речь // Л. С. Выготский. Собр. соч. Т. 2. М., 1982.
- Гагарин Ю. А., Лебедев В. И.* Психология и космос. М.: Молодая гвардия. 1968.
- Гаспаров М. Л.* Метр и смысл. Об одном механизме культурной памяти. М.: Фортуна ЭЛ, 2012.
- Глебова И. И.* Образы прошлого в структуре политической культуры России: Автореф. дис. ... докт. полит. наук. М., 2007.
- Головашина О. В.* Образ Советского Союза в социальной памяти современных россиян (на материалах эмпирического исследования) // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 11 (57). С. 193–198.
- Дети войны. Воспоминания. URL: <http://www.voluzsn.ru/content-view-40.html> (дата обращения: 21.08.2018).
- Дети войны – поколение особое. URL: <http://www.tarumovka.ru/deti-voyny-pokolenie-osoboe> (дата обращения: 21.08.2018).
- Дилigenский Г. С.* Социально-политическая психология. М., 1994.
- Динамика социально-психологических явлений в изменяющемся обществе / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А. Б. Купрейченко, И. В. Мерсиянова. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Дюркгейм Э.* Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология: ее метод, предмет, предназначение. Работы разных лет. М.: Канон, 1995. С. 208–243.
- Евгеньева Т. В., Селезнева А. В.* Советское прошлое в ценностном и образно-символическом пространстве российской идентичности // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 25–39.
- Емельянова Т. П.* Коллективная память о событиях Великой Отечественной войны (в двух социокультурных группах) // Культура мира: перспективы на рубеже XXI века: Материалы Международной научной конференции. Тверь, 12–14 апреля 2001 года. Тверь, 2001. С. 110–112.
- Емельянова Т. П.* Социальное представление как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Оте-

- чественной войне) // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 4. С. 56–66.
- Емельянова Т. П.* Исследование элементов коллективной памяти в структуре политического сознания // Актуальные проблемы психологической науки. Тверь: ТвГУ, 2003. С. 3–8.
- Емельянова Т. П.* Коллективная память о советском прошлом: назад в СССР? // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 47. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 21.08.2018).
- Емельянова Т. П.* Коллективная память с позиций конструкционизма // Междисциплинарные исследования памяти / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Корж. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 17–32.
- Емельянова Т. П.* Коллективная память в контексте обыденного политического сознания. Информационно-гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 4 (июль–август). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-pu/2012/4/Emelianova_Collective-Memory (дата обращения: 21.08.2018).
- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Емельянова Т. П.* Коллективные воспоминания о советском прошлом представителей разных групп российского общества // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 219–231.
- Емельянова Т. П., Дробышева Т. В.* Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/603> (дата обращения: 21.08.2018).
- Емельянова Т. П., Вопилова И. Е., Мишарина А. В.* Первый полет человека в космос: типология представлений коллективной памяти // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. URL: <http://soc-econom-psychology.ru> (дата обращения: 21.08.2018).

Литература

- Емельянова Т. П., Кузнецова А. В.* Значимые фигуры российской истории в коллективной памяти разных групп общества // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 123–129.
- Емельянова Т. П., Вопилова И. Е., Озерова А. М., Мишарина А. В.* Коллективные воспоминания о первом полете человека в космос: анализ качественных данных // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2016. № 5 (сентябрь–октябрь). URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2016/5/Emelianova_et-al_First-Human-Spaceflight/ (дата обращения: 21.08.2018).
- Емельянова Т. П., Кузнецова А. В.* Образы политической власти в коллективной памяти о российской истории у представителей различных возрастных групп // Развитие психологии в системе комплексного человекознания. Ч. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 356–358.
- Емельянова Т. П., Кузнецова А. В.* Представления коллективной памяти об эпохе Петра I и его личности у представителей различных социальных групп // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2013. Т 6. № 28. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n28/809-emelyanova28.html> (дата обращения: 21.08.2018).
- Емельянова Т. П., Мишарина А. В.* Великая Отечественная война: типология представлений коллективной памяти // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2015. № 2 (март–апрель). URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2015/2/Emelianova_Misharina_Great-Patriotic-War-Representations (дата обращения: 18.09.2018).
- Емельянова Т. П., Мишарина А. В.* Ознаменованье Победы в Великой Отечественной войне в восприятии различных социальных групп // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 4. С. 220–229.
- Емельянова Т. П., Мишарина А. В.* Представления о Великой Отечественной войне в коллективной памяти // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 1 (78) С. 61–72.
- Емельянова Т. П., Мишарина А. В.* Спектр представлений о победе в Великой Отечественной войне у четырех поколений россиян // Вопросы психологии. 2015. № 2. С. 108–119.
- Емельянова Т. П.* Социальные представления и символический копинг в условиях культурной травмы // Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев,

- А. В. Юревич. М: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. С. 85–136.
- Жуков Д. С.* Коллективная память: ключевые исследовательские проблемы и интерпретации феномена // Ineternum. 2013. № 1. С. 6–16.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психологический журнал. 1998. Т. 19. № 3. С. 3–16.
- Журавлев А. Л.* Особенности междисциплинарных исследований в современной психологии // Теория и методология психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. С. 15–32.
- Журавлев А. Л., Емельянова Т. П.* Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5–15.
- Зенкин С. Н.* Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Нов. изд-во, 2007. С. 7–26.
- Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Ab Imperio. 2004. № 3.
- Исмаилов Э., Карагёзов Р.* Конфронтирующая коллективная память на Кавказе: как преодолеть «проклятие прошлого»? // Кавказ и глобализация. 2007. Т. 1 (4). С. 117–126.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова, Е. Н. Холондович. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Историческая психология: предмет, структура и методы. М.: МосГУ, 2004.
- Карагёзов Р.* Коллективная память в этнополитическом конфликте: случай Нагорного Карабаха // Центральная Азия и Кавказ. 2006. № 5 (47). С. 167–179.
- Карагёзов Р.* «Принуждение Грузии к миру», или о том, как важно в политике учитывать особенности коллективной памяти // Кавказ и глобализация. 2008. № 4. С. 122–128.
- Касамара В. А., Сорокина А. А.* Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 107–118.
- Колеватов В. А.* Социальная память и познание. М., 1984.
- Колодий Н. А.* Лабиринт памяти – места памяти – война памяти: опыт истолкования // Вестник науки Сибири. 2013. № 1 (7). С. 240–245.

Литература

- Королев А. А., Журавлев А. Л., Кольцова В. А.* История и психология: неумолчный диалог. Учебное пособие / Под ред. А. А. Королева. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011.
- Коротецкая Л. В.* Холокост как социальная и культурная реконструкция памяти: фактор травмы и позиция жертвы // Социс. 2016. № 3. С. 107–117.
- Коршунова О. Н., Поливанов Я. М.* Фальсификация исторических образов как проблема функционирования коллективной исторической памяти // Вестник ЧГУ. 2011. № 1. С. 48–53.
- Костина Е. Н.* Диалектика глобального и локального: национальное государство и коллективная память в условиях глобализации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. № 1. С. 36–38.
- Кочеляева Н. А.* Взаимодействие механизмов памяти и забывания в исторической перспективе // Культурологический журнал. 2012. № 1 (7). URL: http://www.cr-journal.ru/rus/journals/107.html&j_id=9 (дата обращения: 21.08.2018).
- Красильникова Е. И.* Кладбища Томска как места памяти жителей города (конец 1919 – первая половина 1941 г.) // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 363. С. 115–122.
- Кужба О. А.* Проблемы войны и мира в российской истории // История России XI–XX веков: Документы и материалы. Тверь: Изд-во ТвГУ, 1993.
- Кузнецова А. В.* Коллективная память о значимых событиях и фигурах российской истории в различных социальных группах: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: МППГУ. 2013.
- Кумыков А. М.* Теоретико-методологический конструкт социально-философского осмысления социальной амнезии // Власть. 2013. № 3. С. 101–103.
- Лавабр М. К.* Память и политика: о социологии коллективной памяти // Психоанализ и науки о человеке / Под ред. Н. С. Автономовой, В. С. Степина. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 233–244.
- Левада Ю. А.* Исторические рамки «будущего» в общественном мнении // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2004. № 1 (69). С. 16–25.
- Левада Ю. А.* Поколения XX века: возможности исследования: анализ результатов опросов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 5. URL:

- <http://eccsocman.hse.ru/data/507/991/1219/02levada-7-14.pdf> (дата обращения: 21.08.2018).
- Левин К.* Временная перспектива и моральное состояние (1942) // Левин Курт. Разрешение социальных конфликтов. СПб., 2000. С. 239–268.
- Левинсон А. Г.* Массовые представления об «исторических личностях» // Одиссей. Человек в истории. М.: Coda, 1996. С. 252–267.
- Левинсон А.* Фундаментализм и категория исторической вины // Неприкосновенный запас. 2010. Вып. 3 (71). URL: <http://magazines.guss.ru/nz/2010/3/fu6-pr.html> (дата обращения: 15.12.2016).
- Леонов А. А., Лебедев В. И.* Восприятие пространства и времени в космосе. М.: Наука, 1968.
- Леонов А. А., Лебедев В. И.* Психологические особенности деятельности космонавтов. М.: Наука, 1971.
- Леонов А. А., Лебедев В. И.* Психологические проблемы межпланетного полета. М.: Наука, 1975.
- Лобин А. М.* Концепция личности Петра I в русской литературе XX века и социокультурный контекст времени: Дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2006.
- Лотман Ю. М.* История и типология русской культуры. СПб.: Искусство, 2002.
- Лурье С. В.* Историческая этнология. М., 1998.
- Лурье С. В.* Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы. М.: Академический проект, 2003.
- Макаров А. И.* Историзм и теория коллективной памяти: методологические аспекты проблемы источниковедения // Вестник ВолГУ. Сер. 7. «Философия. Социология и социальные технологии». 2007. № 6. С. 163–166.
- Макропсихология современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Максимова О. А.* Самоидентификация и коллективная память поколений современного российского общества // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. «Гуманит. науки». 2014. № 6. С. 246–252.
- Малышева Е. М.* Идентичность, духовный потенциал советского общества и формирование памяти о Великой Отечественной войне: диалог прошлого с настоящим // Вестник Адыгейского гос. ун-та. 2012. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-duhovnyu-potentsial-sovetskogo-obschestva-i-formirovanie-pamyati>

Литература

- o-velikoy-otchestvennoy-voyne-dialog-proshlogo-s (дата обращения: 21.08.2018).
- Марцинковская Т. Д.* Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 1. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.06.2016).
- Мангейм К.* Проблема поколений // Новое литературное обозрение. 1998. № 30. С. 7–47.
- Маховер К.* Проективный рисунок человека. М.: Смысл, 2009.
- Междисциплинарные исследования памяти / Под ред. А. Л. Журавлева, Н. Н. Корж. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Миклина Л. И.* Социальная память современной российской молодежи // Власть. 2015. № 1. С. 136–140.
- Мокроусова Е. А.* Философия «коллективной памяти»: проблема ускользания памяти // Всероссийский журнал научных публикаций. 2012. № 2 (12). URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-kollektivnoy-pamyati-problema-uskolzaniya-pamyati> (дата обращения: 18.02.2017).
- Московиси С.* Век толп. М., 1998.
- Нестик Т. А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Нора П.* Поколение как место памяти // Новое лит. обозрение. 1998. № 30. С. 48–72.
- Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. М.: Винок; СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Нора П.* и др. Франция-память. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999.
- Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3.
- Покида А. Н., Зыбуновская Н. В.* Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социс. 2016. № 3. С. 98–107.
- Поляк М.* Память, забвенье, молчание // Психоанализ и науки о человеке / Под ред. Н. С. Автономовой, В. С. Степина. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 191–216.
- Пропт В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998.

- Психологические исследования проблем современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Психологические проблемы современного российского общества / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психология: современные направления междисциплинарных исследований: Материалы научной конференции / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003.
- Пушкарева Т. В.* Проблематика исторической памяти в современной Германии: научная теория и социальная практика // Ученые записки РГСУ. 2010. № 2. С. 72–77.
- Раева Т. В.* Меморизация Первой мировой войны в СССР: «Агитсуд» как способ формирования памяти // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2014. № 3. С. 11–13.
- Раульф У.* История ментальностей, историческая антропология, зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
- Ребане Я. К.* Принцип социальной памяти // Философские науки. 1977. № 5. С. 94–104
- Ребане Я. К.* Информация и социальная память: к проблеме социальной детерминации познания // Вопросы психологии. 1982. № 8. С. 44–55.
- Ребрин В. А.* Методические проблемы социального общественного сознания. Новосибирск, 1974.
- Реброва И. В.* Память о Второй мировой войне в современном обществе: индивидуальный дискурс в контексте властного, государственного // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. «История. Политология». 2012. № 19 (138). С. 119–123.
- Репина Л. П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003.
- Рикёр П.* Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной лит-ры, 2004.
- Ровный Б. И.* Инструменты исследования коллективной памяти: возможности и искушения // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004. С. 38–49.
- Романовская Е. В.* История и память // Власть. 2012. № 9. С. 80–82.

Литература

- Романовская Е. В., Фоменко Н. Л. Идентичность и коммеморация // Власть. 2015. № 7. С. 81–84.
- Романовский Н. В. Новое в социологии – «Бум памяти» // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 13–23.
- Руссо А. Черные страницы национального прошлого. Послевоенная история и историческая память // Психоанализ и науки о человеке / Под ред. Н. С. Автономовой, В. С. Степина. М.: Прогресс-Культура, 1995. С. 217–232.
- Сабанчиев Р. Ю. Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 2 (28). С. 127–132.
- Саралиева З. Х., Балабанов С. С. Отечественная война в памяти трех поколений // Социс. 2005. № 11. С. 29–36.
- Сикевич З. В. «Образ» прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // Социологические исследования. 1999. № 12. С. 87–93.
- Сикевич З. В. Динамика «образа» прошлого и настоящего в представлениях петербуржцев // Социс. 2016. № 3. С. 88–97.
- Сикевич З. В. Историческое прошлое в социальных ожиданиях россиян // Вестник СПб. гос. ун-та. Сер. 12. Вып. 2. С. 196–207.
- Соколов Э. В. Культура и личность. Л., 1972.
- Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- Сыров В. Н., Головашина О. В., Линченко А. А. Политика памяти в свете теоретико-методологической рефлексии: опыт зарубежных исследований // Вестник Томского гос. ун-та. 2016. № 407. С. 135–143.
- Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Теория и практика нарративного анализа в социологии. М.: Уникум-центр, 2006.
- Турбина Е. Г. Память коллективная // Современный философский словарь / Под ред. Е. В. Кемерова. М., 1998.
- Урсул А. Д. Освоение космоса: философско-методологические и социологические проблемы. М.: Мысль, 1967.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002.

- Филиппова Е. И.* История и память в эпоху господства идентичностей (беседа с действительным членом Французской академии историком П. Нора) // Этнографическое обозрение. 2011. № 4. С. 75.
- Хальбвакс М.* Коллективная память. М., 1997.
- Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–27.
- Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / Пер с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007.
- Хаттон П.* История как искусство памяти / Пер. с англ. Ю. В. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2003.
- Чеканцева З. А.* Коллективная память и история // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. С. 229–239.
- Чернова О. В.* Историческая память россиян о Великой Отечественной войне // Politpros.com. 2011. № 1. URL: <http://www.politpros.com/journal/read/?ID=138&journal=68> (дата обращения: 19.05.2018).
- Черныш М. Ф.* О страхах и фобиях реальных и мнимых // Социологические исследования. 2008. № 4. С. 112–119.
- Шалак В. И.* Современный контент-анализ. М.: Омега-А, 2004.
- Шевенова С., Гучинова Э.* Память в наследство. Депортация калмыков в школьных сочинениях. М.: Алетейя, 2005.
- Шихирев П. Н.* Современная социальная психология. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Шмитт Ж.-К.* Овладение будущим // Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Круг, 2008.
- Штон-Рутковска К.* Киберпамять, или о чем мы (не) помним в сети. Анализ локальной памяти: Белосток и Люблин // Социс. 2015. № 4. С. 130–139.
- Шуман Г., Скотт Ж.* Коллективная память поколений // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 47–60.
- Юнг К. Г.* Психология бессознательного. М., 1994.
- Юнг К. Г.* Понятие коллективного бессознательного // К. Г. Юнг. Сознание и бессознательное. СПб., 1997.
- Юревич А. В.* Структурные элементы национального менталитета // Психологические исследования. 2013. 6 (29). 12. <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.06.2017).
- Abric J.-C.* Central system, peripheral system: Their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on Social Representations. 1993. V. 2. № 2. P. 75–78.

- Bartlett F.* Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: CUP, 1932.
- Baumeister F., Hastings S.* Distortions of Collective Memory: How Groups Flatter and Deceive Themselves // Collective memory of political events: Social psychological perspectives. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 277–294.
- Billig M.* Collective Memory, Ideology and the British Royal Family // Collective remembering / Eds D. Middleton, D. Edwards. L.: Sage Publications, 1990. P. 60–80.
- Brockmeier J.* Remembering and forgetting: narrative as cultural memory // Culture & Psychology. 2002. № 8 (1). P. 15–43.
- Brown R., Kulik J.* Flashbulb memories // Cognition 1977. № 5. P. 73–99.
- Collective memory of political events / Eds J. Pennebaker, D. Paez, B. Rimé. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997.
- Collective Remembering / Ed. by D. Middleton, D. Edwards. L.: Sage Publications, 1990.
- Coman A., Brown A. D., Koppel J., Hirst W.* Collective Memory from a Psychological Perspective // International journal of politics, culture and society. 2009. № 22 (2). P. 125–141.
- Conway M. A.* The Inventory of Experience: Memory and Identity // Collective memory of political events: Social psychological perspectives. Mahwah, N. J. 1997. P. 21–46.
- Emelyanova T.* Collective historical memory about events in the Second World War // Psychology in a changing Europe: Conference booklet. Banska Bystrica, 1995.
- Emelyanova T.* Collective memory about events of the Second World War (in two cultural groups) // IACCP Fifth European Regional Congress. Winchester, UK. July 7–11. 2001.
- Emelyanova T.* Les représentations sociales des événements historiques: le cas de la Deuxième guerre mondiale // La mémoire sociale, identités et représentations sociales / S. Laurens, N. Roussiau (Eds). Rennes: PUR, 2002. P. 139–150.
- Emelyanova T.* Les représentations sociales sur des événements historiques: le cas de la Deuxième Guerre Mondiale: Résumé // Résumés de la Troisième conférence international sur les représentations sociales. Aix-en-Provence, 1996.
- Etzioni A.* The moon-doggle: Domestic and international implications of the space race. Garden City, N. Y.: Doubleday, 1964.

- Gaskell G.* Group differences in memory for a political event // Collective memory of political events: Social psychological perspectives. Mahwah, N. J.: 1997. P. 175–189.
- Gergen K.* The social constructionist movement in modern social psychology // *American psychologist*. 1985. № 40 (3). P. 266–275.
- Halbwachs M.* La mémoire collective. Paris, 1950a.
- Halbwachs M.* Les cadres sociaux de la mémoire. Paris, 1950b.
- Hanke K., Liu J. H., Hilton D. J., Milewicz M., Garber I., Huang L. L., Gastardo-Conaco C., Wang F. X.* When the past haunts the present: intergroup forgiveness and historical closure in post-World War II societies in Asia and in Europe // *International Journal of Intercultural Relations*. 2013. V. 37. № 3. P. 287–301.
- Hirst W., Echterhoff G.* Remembering in conversations: the social sharing and reshaping of memories // *Annual Review of Psychology*, 2012. № 63. P. 55–79
- Igartua J., Paez D.* Art and remembering traumatic collective events: the case of the Spanish civil war // *Collective memory of political events: Social psychological perspectives*. N. J.: Lawrence Erlbaum associates publishers, 1997. P. 79–102.
- Inglehart R., Baker W. E.* Modernization, culture change, and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. № 65. P. 19–51.
- Jodelet D.* Mémoire de masse: le côté morale et affectif de l'histoire // *Bulletin de psychologie*. 1992. T. XLV. № 405. P. 239–256.
- Kanas N., Manzey D.* Space psychology and psychiatry. 2nd ed. El Segundo, CA: Microcosm Press; Dordrecht: Springer, 2008.
- Kashima Y.* Recovering Bartlett's social psychology of cultural dynamics // *European journal of social psychology*. 2000. № 30. P. 383–403.
- Lacassagne M.-F., Salès-Wuillemin E., Castel P., Jebrane A.* La catégorisation d'un exogroupe à travers une tâche d'association de mots // *Papers on Social Representations. Textes sur les représentations sociales*. 2001. № 10. P. 1–11.
- Liu J. H., Hilton D. J.* How the past weighs on the present: Social representations of history and their role in identity politics // *British Journal of Social Psychology*. 2005. V. 44. № 4. P. 537–556. doi: 10.1348/014466605X27162.
- Liu J. H., Goldstein-Hawes R., Hilton D. J., Huang L. L., Gastardo-Conaco C., Dresler-Hawke E., Pittolo F., Hong Y. Y., Ward C., Abraham S., Kashi-*

- ma Y., Kashima E., Ohashi M., Yuki M., Hidaka Y.* Social representations of events and people in world history across twelve cultures // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2005. № 36 (2). P. 171–191.
- Liu J. H., Sibley Ch. G.* Representations of world history // *The Cambridge Handbook of Social Representations* / Eds G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: CAP, 2015. P. 269–279.
- Marques J., Paez D., Serra A. F.* Social sharing, emotional climate and the transgenerational transmission of memories: the Portuguese colonial war // *Collective memory of political events: Social psychological perspectives*. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum associates publishers, 1997. P. 253–275.
- Middleton D.* Introduction // *Collective remembering* / Eds D. Middleton, D. Edwards. L.: Sage Publications, 1990.
- Moscovici S.* Social consciousness and its history // *Culture and psychology*. 1998. V. 4. № 3. P. 411–429.
- Neisser U.* *Cognitive psychology*. N. Y., 1967.
- Nora P.* Comment on écrit l'histoire de France // *Les Lieux de mémoire*. V. 3 (1). Paris: Gallimard, 1992.
- Paez D., Basabe N., Gonzalez J.* Social processes and collective memory: a cross-cultural approach to remembering political events // *Collective memory of political events: Social psychological perspectives*. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 147–174.
- Paez D. et al.* Mémoire collective et représentations sociales de l'Histoire // *Les représentations sociales. Théorie, méthodes et applications* / Coordonné par G. Lo Monaco, S. Delouée, P. Rateau. Louvain-la-Neuve: De Boeck Supérieur, 2016. P. 539–552.
- Pennebaker J. W., Banasik B. L.* On the Creation and Maintenance of Collective Memories: History as Social Psychology // *Collective memory of political events: Social psychological perspectives*. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 3–19.
- Rimé B., Christophe V.* How Individual Emotional Episodes Feed Collective Memory // *Collective memory of political events: Social psychological perspectives*. Mahwah, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1997. P. 131–146.
- Saint-Laurent C.* Memory acts: a theory for the study of collective memory in everyday life // *Journal of constructivist psychology*. February, 2017. https://www.researchgate.net/publication/313239904_Memory_Acts_A_Theory_for_the_Study_of_Collective_Memory_in_Everyday_Life. doi: 10.1080/10720537.2016.1271375.

- Vergès P., Tyszka T.* Noyau central, saillance et propriétés structurales // Textes sur les représentations sociales. 1994. V. 3. P. 3–12.
- Wagner W., Valencia J., Elejabarrieta F.* Relevance, discourse and the “hot” stable core of social representations – A structural analysis of word associations // British journal of social psychology. 1996. V. 35. № 3. P. 331–351.
- Wagoner B.* Culture in Constructive Remembering // The Oxford Handbook of Culture and Psychology. N. Y.: Oxford University Press. 2012. P. 1034–1055.
- Wagoner B.* Collective remembering as a process of social representation // The Cambridge Handbook of Social Representations / Eds G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: CAP, 2015. P. 143–162.
- Wertsch J.* The narrative organization of collective memory // Ethos. 2008. № 36. P. 120–135.

Научное издание

Серия «Психология социальных явлений»

Емельянова Татьяна Петровна

**КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ
О СОБЫТИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ**
социально-психологический подход

Редактор – *О. В. Шапошникова*

Оригинал-макет, обложка и верстка – *В. П. Ересько*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»
129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1
Тел.: +7 (495) 540-57-27

E-mail: vbelop@ipras.ru <http://www.ipras.ru>

Сдано в набор 01.12.18. Подписано в печать 12.04.19
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура NewtonС. Уч.-изд. л. 15,5; усл.-печ. л. 18,8
Тираж 300 экз. Заказ 4231

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5, ком. 6

